

Ольга Клюкина

Святые в истории

Жития святых в новом формате

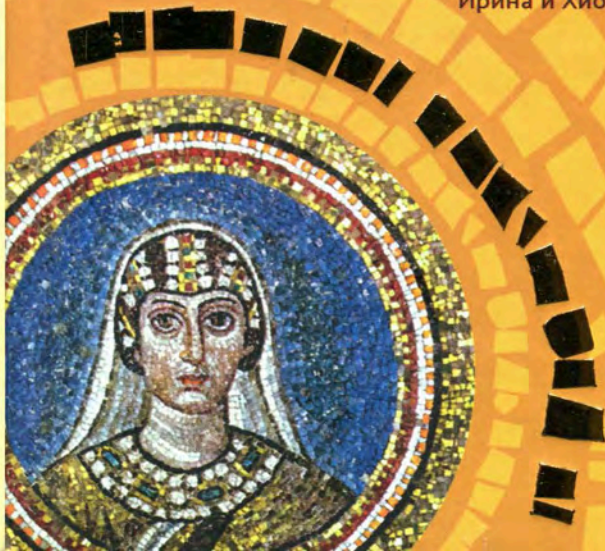
I-III
века

Святые
в истории

I-III века

Апостол Павел
Апостол Иоанн Богослов
Священномученик
Игнатий Богоносец
Мученик Иустин Философ
Мученик Аполлоний Римский
Мученица Перпетуя
Священномученик
Киприан Карфагенский
Святитель
Григорий Неокесарийский
Мученицы Агапия,
Ирина и Хиония

никоя о вере

Ольга Ключкина

Святые в истории

Жития святых в новом формате

I-III века

Москва · «Никея» · 2014

УДК 281.1
ББК 86.372
К 52

*Рекомендовано к публикации
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС 13-315-2182*

Клюкина О. П.

К 52 Святые в истории. Жития святых в новом формате. I–III века. — М.: Никея, 2014. — 304 с.: ил.

ISBN 978-5-91761-304-8

В серии «Святые в истории» писательница Ольга Клюкина обращается к историческим свидетельствам, чтобы реконструировать биографии христианских подвижников различных эпох. О святых минувших столетий автор рассказывает живым современным языком, делая их близкими и понятными сегодняшнему читателю.

Первая книга серии охватывает I–III века и посвящена эпохе гонений на христиан и становлению Церкви.

**УДК 281.1
ББК 86.372**

© Ольга Клюкина, 2014

© Издательство «Никея», 2014

ISBN 978-5-91761-304-8

Содержание

От издательства	5
Апостол Павел.....	9
Апостол Иоанн Богослов	71
Священномученик	
Игнатий Богоносец.....	111
Мученик Иустин Философ	141
Мученик Аполлоний Римский.....	165
Мученица Перпетуя.....	187
Священномученик	
Киприан Карфагенский.....	213
Святитель	
Григорий Неокесарийский.....	243
Мученицы Агапия,	
Ирина и Хиония	271
Список источников и литературы	290
Список иллюстраций.....	294

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Святость — состояние, к которому призваны все христиане. Недаром в первые века святыми именовали не выдающихся подвижников, а сообщество христиан в целом. Одновременно с этим складывалось и особое почитание мучеников, из которого впоследствии выросло почитание святых — не только погибших за веру, но и достигших своей праведной жизнью особой близости к Богу. «Друзья Божии» — так называл святых преподобный Иоанн Дамаскин в VIII веке. Как бы ни были далеки от их подвига простые верующие, в Церкви Христовой все обретают единство, ведь святые — это люди Церкви, воплотившие призыв к святости, который обращен к каждому христианину.

Жизнь святого всегда воспринималась как пример. В житиях — жанре, достигшем наивысшего расцвета в Средние века, — слушателей и читателей интересовали в первую очередь не исторические подробности, а воплощение подвижником христианского идеала святости. Многие жития создавались по образцу других, более

ранних текстов, спустя не только годы, но и столетия после смерти святого, о котором порой не имелось практически никакой информации. Неудивительно, что современному читателю нередко бывает сложно за житийным образом разглядеть реального человека из плоти и крови.

Книга, которую вы держите в руках, открывает серию «Святые в истории». Ее автор, писательница Ольга Ключкина, воссоздает биографии святых различных эпох. Подобная реконструкция возможна лишь отчасти, особенно когда речь идет о святых древности, а во многих случаях недоступна вовсе. Поэтому серия включает жизнеописания тех подвижников, о которых имеются достаточные исторические сведения: мученические акты; жития, максимально приближенные по времени к описываемым событиям; свидетельства современников; наконец, сочинения самих святых. Биографии помещены в широкий исторический контекст, позволяющий более ярко представить реальную жизнь подвижников веры. Несмотря на обилие исторических фактов, книга читается удивительно легко, на одном дыхании. Рассказывая о святых прошлых столетий живым современным языком, автор делает их близкими и понятными сегодняшнему читателю.

Серия выстроена по хронологическому принципу. Ключевые моменты истории Церкви и святости каждого периода раскрываются через жизнеописания девяти наиболее значимых святых.

Первая книга серии посвящена эпохе гонений I–III веков. Вплоть до Миланского эдикта 313 года, провозгласившего религиозную терпимость в Римской империи, периоды относительного спокойствия сменялись волнами жестоких преследований христиан. Поэтому большинство ранних святых — мученики, погибшие за Христа. Вопреки обычной человеческой логике для Церкви эпоха гонений стала временем становления и роста. В ответ на проповедь апостолов и их учеников христианские общины возникали по всему миру, а пример мучеников вдохновлял все большее число последователей новой веры. Биографии, вошедшие в книгу, повествуют о людях с различными жизненными историями, характерами, талантами, о тех, кто во времена гонений и преследований воплотили призыв к святости и стали друзьями Божиими.

АПОСТОЛ ПАВЕЛ

(† 67)

← *Апостол Павел*. Фрагмент мозаики. Арианский баптистерий, Равенна, Италия. VI в.

Где Дух Господень, там свобода.
(2 Кор. 3: 17)

...Ураган налетел внезапно — моряки называют этот разрушительный ветер эвраквилонем. Он пригоняет с востока черные тучи, а потом одним ударом гасит свет, обрушивает сверху потоки воды, меняет местами небо и море и всем кораблям, не успевшим укрыться в гавани, объявляет смертный приговор.

Судно из Александрии, перевозившее в Италию пшеницу, а заодно и узников на суд в Рим, тоже стало жертвой эвраквилона. Вот уже больше недели его, как скорлупку, болтало на огромных волнах. С тем лишь отличием, что корабль, сделанный руками людей, был менее прочным: скрипел, трещал и в любое мгновение мог развалиться на куски. Но каким-то чудом он все еще удерживался на поверхности воды.

Моряки давно сделали все что могли для спасения судна: убрали паруса ипустили его плыть по ветру, подрубили мачту, выбросили за борт весь груз — сначала мешки с пшеницей, а потом

уже и мебель. На борту оставались 276 насмерть перепуганных человек, включая пленных и конвоиров, и никто из них давно уже не ел, не пил и не спал — все ожидали неминуемой гибели.

Лишь один человек на корабле сохранял спокойствие. Он говорил, что, хотя судно и потерпит кораблекрушение, команда и пассажиры все до одного спасутся, а ему самому суждено скоро увидеть Рим. И хотя поверить в такое было невозможно, пленные в трюме, да и охранники, как дети, старались быть к нему поближе.

Этого узника звали Павлом Тарсянином, и всем было ясно, что он — не обычный арестант. Начать с того, что в пути его сопровождали несколько человек, не закованных в цепи, — ученики, которые по доброй воле делили с пленным все тяготы морского путешествия. К тому же приставленный к Павлу конвоир — центурион Юлий обращался с ним на удивление мягко и даже почтительно. Да и матросы на судне теперь старались к Павлу прислушиваться. Он ведь заранее предупреждал, что не надо сейчас отправляться в путь, предрекал большие беды в плавании. Капитан и сам понимал, насколько опасно в конце октября пытаться пересечь Средиземное море, но все же решил рискнуть, — и теперь все за это расплачивались.

На четырнадцатый день, когда ни у кого уже не оставалось никакой надежды, кто-то из пассажиров вдруг заметил за бортом полосу земли.

Капитан приказал срочно бросить якоря, боясь, как бы судно не протащило ветром мимо суши. Матросы приободрились и даже попытались незаметно от всех спустить на воду шлюпку, чтобы на веслах добраться до берега. Но их задержали вооруженные охранники, не позволившие бросить корабль на произвол судьбы. На рассвете Павел велел всем подкрепиться перед последним испытанием и сам, первый, с молитвой, преломил хлеб — его примеру последовали остальные.

Утром подул попутный ветер. Матросы убрали якоря, поставили запасной парус, и судно понесло в сторону тихого залива. Но когда до берега оставалось совсем немного, корабль наскочил на мель и стал тонуть. Началась страшная паника: конвоиры испугались, как бы узники не сбежали вплавь, и хотели прямо здесь, на месте, всех перебить. Однако центурион Юлий не допустил такой жестокости. Он приказал всем плыть к берегу; не умеющих плавать стали переправлять на досках.

Как и предсказал Павел, ни один из пассажиров затонувшего судна не погиб — все нашли спасение на острове Мальта, который в то время был римской колонией.

Потерпевших кораблекрушение заметили местные жители. Они помогли разжечь костры, принесли еду и одежду. Вскоре на берег явился и римский наместник острова Публий и некоторых пригласил в свой дом. В их числе были центурион Юлий, Павел Тарсянин, его спутники

Тимофей, Аристарх и Лука — тот самый евангелист Лука, кто впоследствии в «Деяниях святых апостолов» опишет эти и другие перипетии жизни апостола Павла.

На Мальте путешественники провели три холодных и самых опасных для навигации месяца — с середины ноября по середину февраля. И за это время многие смогли поближе познакомиться с необычным узником и узнать, почему его в оковах везут на суд в Рим.

Его часто так и называли: Павел Тарсянин, по имени родного города.

Город Тарс находился в Малой Азии, ее восточной области Киликия, на пересечении торговых путей Запада и Востока. Здесь было все, чем гордились римские колонии в разных частях света, старательно копируявшие Рим: дороги, водопроводы, стадионы, суды, общественные бани и арены для гладиаторских боев.

Пестрое население Тарса состояло из греков, римлян, армян, евреев, персов и других народностей, что, конечно, не могло не повлиять на мировоззрение апостола Павла, — он всегда легко находил общий язык с иностранцами.

Его отец был евреем, получившим римское гражданство, что по тем временам было большой редкостью. Римские провинции в основном населяли перегрины — подданные Рима без прав гражданства. Должно пройти еще более ста лет, прежде чем указом императора Каракаллы все

жители провинций будут считаться римлянами и иметь равные гражданские права. Пока же звание римского гражданина нужно было чем-то заслужить — либо за большие деньги купить. Есть версия, что гражданство отцу апостола Павла принесло семейное ремесло — изготовление палаток, в которых постоянно нуждалась римская армия.

В те годы у будущего апостола было другое имя — Савл, или Саул. Его род вел происхождение из колена Вениаминова, из которого был царь Саул, и, возможно, в честь него родители и называли сына.

Вряд ли Савл — *фарисей, сын фарисея* (Деян. 22: 6), — получил в Тарсе классическое образование. Как правило, дети евреев учились в местных синагогах, помогая родителям в торговле или семейном ремесле. Но все же впоследствии в посланиях апостола Павла будет проскальзывать то строка из комедиографа Менандра, то цитата из древнего поэта Эпименида — кое-что из эллинского мира как-то проникало в замкнутую жизнь еврейских общин.

Когда Савл подросток, родители отправили его получать образование в Иерусалим. Там он учился у одного из самых тогда знаменитых учителей — Гамалиила Старшего — и считался одним из лучших его учеников.

Наверное, уже тогда в характере Савла было то, что он сам назовет словом «ревность». В том

смысле, что каждому делу он отдавался ревностно, целиком, с полной самоотдачей — все или ничего!

В школе Савл подружился с еврейским юношей Иосифом, родом с Кипра, происходившим из богатой семьи. Друзья вместе преуспевали в толковании Торы — священной книги евреев. Но однажды Иосиф внезапно исчез, просто перестал приходить на занятия. Видимо, Савл не особенно старался его разыскать: он был самозабвенно занят учебой, много времени проводил в стенах Иерусалимского храма.

Все-таки в жизни много загадок... В то время, когда Савл преуспевал в фарисейской премудрости, по земле еще ходил Иисус Христос! Мало того, Христос как раз проповедовал в Иерусалиме, собирая в Иерусалимском храме толпы слушателей. А потом был суд у Понтия Пилата, Распятие на Голгофе, Воскресение Христа, схождение на апостолов Духа Святого в виде огненных языков и многие чудеса в Иерусалиме, совершаемые апостолами, — спрашивается, как же молодой и любознательный Савл мог все это пропустить?

Чтобы ответить на этот вопрос хотя бы отчасти, нужно внимательно присмотреться к учителю Савла. В «Деяниях святых апостолов» описана сцена, когда апостолов Петра и Иоанна хватают в Иерусалиме как возмутителей спокойствия и приводят на суд в синагогон.

Ученикам Христа предъявили самое страшное для евреев обвинение — в богохульстве, хуле на Бога. Ведь подсудимые называли Мессией, Царем Царей, который должен был, по обетованию, прийти на землю как освободитель и отомстить за все унижения еврейского народа, Иисуса Христа — Того, Кто был казнен самой позорной смертью, на Кресте, вместе с разбойниками... Поэтому на лицах большинства судей заранее читался смертный приговор.

Мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн... (1 Кор. 1: 23) — писал апостол Павел коринфянам. А в других переводах не «соблазн», а обида, оскорбление, преступление...

Скандал был в разгаре, когда слово на суде взял всеми уважаемый учитель Гамалиил. Смысл его спокойной, не лишенной высокомерия речи был примерно таким: мало ли в Иерусалиме то и дело появляется самозванцев, о которых потом никто даже и не вспоминает? Не так давно некий Февда выдавал себя за великого, затем появился Иуда Галилеянин, за которым тоже ходили толпы, теперь вот еще кто-то... Мудрые старейшины должны быть выше всего этого и не уподобляться легковерному народу.

...Оставьте их; ибо если это предприятие и это дело — от человеков, то оно разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его (Деян. 5: 38–39), — заключил свою речь на суде Гамалиил.

Как ни удивительно, но его слова быстро остудили пыл судей. Апостолов Петра и Иоанна хоть и наказали, запретив им говорить об Иисусе, но на этот раз все же отпустили.

Наверняка нечто подобное Гамалиил говорил и своим ученикам, советуя не отвлекаться «по пустякам» от изучения Священного Писания, а Савл, как мы помним, был ревностным в учебе.

Но вскоре ситуация в Иерусалиме изменилась: все чаще на улицах города говорили о том, что фарисеи не узнали и распяли Мессию, а Он на третий день воскрес; все чаще повторяли страшное предсказание Иисуса о разрушении Иерусалимского храма.

Фарисеи вступили в открытое противоборство с последователями Христа. Обратившихся в новую веру хватали и сажали в тюрьмы, жестоко наказывали. И вот уже впервые публично пролилась кровь христианского мученика. После судилища в синедрионе диакона иерусалимской христианской общины Стефана вывели за город и на смерть забили камнями. Среди тех, кто вел первомученика Стефана на казнь, был и молодой фарисей Савл, по его собственному признанию, бывший *неумеренным ревнителем отеческих преданий* (Гал. 1: 14).

Во время расправы Савл стерег одежду тех, кто свидетельствовал в суде против Стефана и бросал в него камни, — чтобы им было легче замахиваться...

На знаменитой картине Рембрандта «Побие-ние камнями святого Стефана», в ее верхней части по центру изображен и Савл, стерегущий одежды. Но разве узнаешь в этом упитанном курча-вом юноше, который со страхом глядит на небо, будущего апостола Павла? Нет, это пока совсем другой человек...

И все же луч Божественного света, кото-рый видит перед смертью Стефан, когда гово-рит: *Господи! не вмени им греха* (Деян. 7: 60), уже почти коснулся щеки Савла... Во время пресе-дований многие христиане вынуждены были бе-жать из Иерусалима. Но Савл на этом не успо-коился: он пришел к первосвященнику и попро-сил у него полномочий искать последователей Христа в соседней Сирии и, независимо от того, мужчины это или женщины, всех приводить на суд в Иерусалим.

Заручившись письмами в синагоги, *дыша уг-розами и убийством на учеников Господа* (Деян. 9: 1), Савл с помощниками отправился в Дамаск.

Но по дороге в этот крупный сирийский го-род с ним произошло событие, полностью изме-нившее всю его жизнь.

Когда путники уже приближались к Дамаску, Савла внезапно осиял с неба свет, превосходящий самое яркое солнечное сияние. Он упал на землю и услышал Голос, говорящий ему:

— Савл, Савл! Что ты гонишь Меня?

— Кто Ты, Господи? — спросил Савл.

Комната крещения апостола Павла. Дамаск, Сирия

И услышал в ответ:

— *Я Иисус, Которого ты гонишь. Трудно тебе идти против рожна.*

Савл в трепете и ужасе спросил:

— *Господи! Что повелишь мне делать?*

И Господь сказал ему:

— *Встань и иди в город; и сказано будет тебе, что тебе надобно делать* (Деян. 9: 4–6).

От нестерпимого света Савл ослеп, его буквально за руку довели до Дамаска. Никто из его спутников толком не понял, что произошло. Они видели, что Савл вдруг упал на землю и с кем-то разговаривал, — все остальное от них было скрыто.

Три дня Савл ничего не ел и не пил. Затем в Дамаске он был исцелен от слепоты христианином Ананией и им же вскоре крещен. Наверняка в те дни он не раз мысленно возвращался к чудесной встрече на дороге в Дамаск.

Христос спросил: «Зачем ты гонишь Меня?» Но ведь Савл не гнал лично Христа, он никогда Его даже не видел. Значит, Христос имел в виду Своих последователей и Свою Церковь, где Он незримо живет?

И вот Савл впервые переступил порог синагоги в Дамаске, где многие знали о письмах из синедриона и ждали от него решительных действий, если даже крестивший его Анания говорил: «*Господи! я слышал от многих о сем человеке, сколько зла сделал он святым Твоим в Иерусалиме*» (Деян. 9: 13).

Но Савл стал говорить совершенно о другом: о Воскресшем Христе и встрече с Ним на дороге, чем приводил в замешательство Иудеев, живущих в Дамаске, доказывая, что Сей есть Христос (Деян. 9: 22).

Недоумение, а затем и озлобление старейшин синагоги дошло до такой степени, что Савл вынужден был скрыться из Дамаска, — какое-то время он проповедовал Христа в аравийских селениях. А когда снова вернулся в город, возмущенные евреи добились у властей разрешения на его арест. Чтобы Савл снова не сбежал, на городских воротах была выставлена стража. Но дамасские христиане узнали о засаде и ночью тайно спустили Савла с городской стены в корзине.

Прошло три года, как Савл покинул Иерусалим, и возвращался он туда совсем другим человеком. Но здесь слишком хорошо помнили прежнего Савла — гонителя людей «пути», и он оказался как бы между двух огней: последователи Христа его сторонились и боялись, фарисеи ненавидели как предателя и отступника.

И тут неожиданно на помощь Савлу пришел его школьный друг Иосиф. Наконец-то выяснилось, почему и куда он несколько лет назад так внезапно исчез. Оказывается, Иосиф как-то отправился послушать Иисуса... и после этого ему больше не надо было никаких других учителей. В числе семидесяти он был призван Христом на апостольское служение и стал Его верным учеником.

Когда в Иерусалиме образовалась первая христианская церковь, Иосиф без колебаний продал свое имение — земельный участок, находившийся около Иерусалима, — и все вырученные деньги положил к ногам апостолов. С того времени его стали называть Варнавой, что значит «сын утешения». Смиренный, бескорыстный, Варнава обладал особым даром утешать и поддерживать людей.

Он и для Савла нашел слова утешения, первым поверив в его чудесное обращение, и сумел убедить в этом других, прежде всего — апостола Петра. Наверное, в это же самое время Варнава познакомил друга и со своим племянником Иоанном Марком — тем самым, который позже напишет одно из Евангелий.

Какое-то время друзья вместе проповедовали в Иерусалиме, и Савл особенно отличался в спорах с эллинистами (евреями, говорящими на греческом языке), которых и в Тарсе было немало. Но вскоре оставаться в Иерусалиме стало слишком опасно, и Савлу пришлось перебраться в родной город. Варнаву направили в Антиохию Сирийскую, где к тому времени образовалась крупная христианская община.

Мы не знаем, как встретила обновленного Савла его семья в Тарсе, — он нигде об этом не упоминает. Согласно преданию, у апостола Павла было две сестры — Зинаида и Филонилла, ставшие позднее христианскими подвижницами.

Не тогда ли от брата они впервые услышали о Воскресшем Христе?

Спустя некоторое время Варнава прибыл за другом в Тарс, чтобы Савл тоже пришел потрудиться в Антиохию Великую.

В I веке Антиохия в Сирии считалась третьим по величине и богатству городом — после Рима и Александрии. Этот беломраморный город, расположенный на плодородной равнине в окружении Ливанских и Таврских гор, без преувеличения можно было назвать «полной чашей»: к услугам римлян сюда стекались все сокровища Востока. Через Антиохию шла торговля восточными пряностями и благовониями, шелковыми тканями и жемчугом. Затем товары переправлялись в ближайший портовый город Селевкию, а оттуда морским путем — в ненасытный Рим.

Красоту древней Антиохии мы хотя бы отчасти можем представить благодаря стараниям современных археологов. Через весь город проходила широкая ровная улица, с двух сторон окруженная колоннами из белого мрамора. В городе даже было дорожное освещение, в то время как римляне до сих пор по ночам освещали себе путь горящими факелами. А еще в Антиохии были великолепные дворцы, фонтаны, сады...

Именно в Антиохии находились знаменитые, воспетые древними поэтами рощи Дафны с храмами Дианы и Аполлона, где устраивались

ритуальные оргии и было модно назначать любовные свидания. Об изнеженности и распущенности антиохийцев ходили поговорки. По свидетельствам современников, во время праздника брумалии в честь бога Дионисия, который длился с середины ноября до середины декабря, город напоминал одну большую таверну, и улицы всю ночь оглашались песнями и шумом пирушек.

Сюда-то и явился Савл, чтобы учить людей воздержанию, целомудрию, нестяжанию, умению довольствоваться малым, — и у него это хорошо получалось. Даже в письмах угадывается его устная манера говорить доходчиво, образно и убедительно — почти афоризмами, которые надолго «впечатываются» в память.

Кто сеет скупо, тот скупо и пожнет, и кто сеет щедро, тот щедро и пожнет (2 Кор. 9: 6).

Худые сообщества развращают добрые нравы (1 Кор. 15: 33).

Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него... (1 Тим. 6: 7).

Не только эти, но и многие другие пословицы пришли к нам от апостола Павла.

В Антиохии приверженцев Христа впервые называли привычным для нас словом «христиане», и таких в городе становилось все больше. Причем новое учение находило сторонников не только среди евреев, но и среди язычников — так называли всех, кто не соблюдал законы Моисея, к какому бы народу они ни принадлежали.

Как-то в антиохийскую общину пришли христианские проповедники, среди которых был пророк Агав. Он предсказал голод в Иерусалиме, что и сбылось во время правления римского императора Клавдия. С той поры у христиан Антиохии появилось еще одно важное дело — сбор пожертвований для иерусалимских братьев.

Собранные средства Савл и Варнава лично отвезли в Иерусалим и передали в руки «первейших», или «верховных», апостолов, как уважительно будет называть апостол Павел ближайших учеников Христа.

В Сирию друзья вернулись вместе с Марком — племянником Варнавы. Через какое-то время так же, втроем, они отправились в большое миссионерское путешествие.

Апостолы вышли в дальний путь налегке, да и во всем остальном они старались следовать заветам Христа:

Не берите ни мешка, ни сумы, ни обуви, и никого на дороге не приветствуйте. В какой дом войдете, сперва говорите: «мир дому сему»; и если будет там сын мира, то почиет на нем мир ваш, а если нет, то к вам возвратится. В доме же том оставайтесь, ешьте и пейте, что у них есть, ибо трудящийся достоин награды за труды свои; не переходите из дома в дом. И если придете в какой город и примут вас, ешьте, что вам предложат, и исцеляйте находящихся в нем больных, и говорите им: «приблизилось к вам Царствие

Божие». Если же придете в какой город и не примут вас, то, выйдя на улицу, скажите: и прах, прилипший к нам от вашего города, отрясаем вам... (Лк. 10: 4–11).

Первым местом их миссионерских трудов стал Кипр — родина Варнавы. На острове было много крупных еврейских общин, а следовательно, и синагог, где в первые десятилетия христианства велась проповедь. Ведь изначально евреям, знакомым с древними предсказаниями Священного Писания, было легче объяснять, что во Христе все эти пророчества наконец-то свершились.

Проповедники высадились в восточной части Кипра и пришли в Саламин — родной город Варнавы.

Церковное предание сохранило для нас имя брата Варнавы — Аристовул, который станет епископом в далекой Британии, и в этом тоже угадывается след той кипрской миссии...

Апостолы Павел, Варнава и Марк прошли с востока на запад весь остров, останавливаясь в больших городах и проповедуя в местных синагогах.

Как правило, это происходило таким образом. Каждую субботу в синагоге (а их могло быть и несколько в большом городе) собирались евреи, живущие по законам Моисея. После чтения Закона и Пророков любой взрослый мужчина мог взять слово и высказаться. Ну а если человек пришел издалека, гостя тем более окружали,

расспрашивали о новостях из других мест, просили выступить.

Тогда апостолы сообщали слушателям главную новость — Благую Весть о Воскресшем Христе, после чего излагали христианское учение.

Поначалу это вызывало сильное удивление. Слушатели разворачивали свитки Торы, находя знакомые слова древнейших пророчеств, которые так странно трактовали гости, и задавали много вопросов. Но, как правило, объяснения вызывали у большинства раздражение, а зачастую — гнев и протест. Старейшины обращались к властям с требованием, чтобы проповедников посадили в тюрьму или выгнали из города, а бывали случаи, когда на них прямо в синагоге набрасывались с кулаками.

Тогда апостолы, как учил Христос, отрясали с сандалий своих прах не принявшего их города и переходили в другое место. Но всякий раз среди слушателей находились те, кому учение Христа западало в душу, — они-то и становились той *малой закваской* (Гал. 5: 9), из которой появлялась новая христианская община.

На Кипре, в Пафосе, туристам до сих пор показывают обломок мраморной колонны, к которой, по преданию, был привязан апостол Павел и бит плетью, свитой из тридцати девяти ремней. Говорят, он получил пять раз по сорок ударов без одного, то есть перенес сто девяносто девять ударов плетью, — такое сильно впечатляет!

По некоторым сведениям, на месте древних руин в то время находилась подземная тюрьма, где держали миссионеров.

Время не сохранило для нас всех подробностей. Но один случай из кипрского миссионерского путешествия все же известен.

В Пафосе, западном портовом городе Кипра, находилась резиденция римского проконсула, управлявшего всем островом. Его звали Сергиус Паулус, и в «Деяниях святых апостолов» он характеризуется как *муж разумный* (Деян. 13: 7). Желая познакомиться с новым учением, он пригласил Савла и Варнаву на аудиенцию. На встрече присутствовал некий волхв Елима — приближенная особа Сергиуса Паулуса, кто-то вроде придворного чародея или толкователя снов. Этот Елима то и дело встревал в разговор, перечил апостолу и мешал говорить. Тогда Савл вышел из себя и сказал ему: *Ты будешь слеп и не увидишь солнца до времени* (Деян. 13: 11) — и волхв действительно на какое-то время ослеп.

На проконсула это произвело такое сильное впечатление, что он тоже признал силу христианского Бога.

С этого момента Лука, автор «Деяний святых апостолов», начинает называть Савла другим именем — Павел. На этот счет существует множество различных версий. Например, блаженный Августин писал, что апостол «предпочел называться не Савлом, как раньше, а Павлом в знак

великой победы: он, воин, сразил гордость проконсула Павла, подвел его под легкое иго Христова» (Блаженный Августин. «Исповедь». Книга 8). А есть и другая версия: по-латыни Paulus — значит «маленький», и, возможно, приняв новое имя, чудотворец пытался оградить себя от излишнего возвеличивания.

В Первом Послании к Коринфянам апостол Павел сказал о себе: *Ибо я наименьший из Апостолов, и недостойн называться Апостолом, потому что знал церковь Божию* (1 Кор. 15: 9).

Обойдя весь Кипр, миссионеры отплыли обратно к берегам Малой Азии — но не в Селевкию, откуда они начинали свой путь. Проповедники высадились неподалеку от цветущего города Пергия, и здесь между ними произошла размолвка.

Павел принял решение (по всей видимости, спонтанное!) не останавливаться на достигнутом, а пройти с проповедью по Малой Азии. Марк торопился вернуться. Не хочется думать, что он, как это трактовал Феофилакт Болгарский, испугался трудностей предстоящего путешествия. В историю Церкви апостол Марк вошел как аскет и подвижник, основавший в Египте первую школу пустынничества. Возможно, у него были другие обязательства, и он не рассчитывал на столь длительное путешествие.

Как бы то ни было, Марк отправился в Иерусалим, а Павел с Варнавой — в трудный и опасный путь через гористую Писидию к центральным

областям Малой Азии — по бездорожью, пробираясь горными тропами сквозь ущелья и бурные реки.

Много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасности от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе, — напишет апостол Павел во Втором Послании к Коринфянам, вероятно, вспоминая и это свое путешествие с Варнавой (2 Кор. 11: 26–27).

Наконец миссионеры добрались до Антиохии Писидийской, довольно крупного города в центральной части полуострова.

В древности было много городов с похожими названиями. Каждый император или восточный царь мог любой понравившийся город назвать своим именем или очередной Цезарией (Кесарией) — в честь цезаря. Эта Антиохия находилась в провинции Писидия и выглядела гораздо скромнее своей сирийской тезки.

Как всегда, в субботу миссионеры пришли в синагогу, где говорили о земной жизни, Распятии и Воскресении Иисуса Христа. На выходе их окружила толпа любопытных, и Павел с Варнавой всю неделю знакомили местных жителей с христианским учением.

К следующей субботе в синагоге уже собрался весь город, но старейшины испугались и не хотели давать апостолам слова. Именно тогда возмущенный Павел, уходя из синагоги, сказал евреям очень важные для всей его дальнейшей миссии слова: *Вам первым надлежало быть проповедану слову Божию, но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот, мы обращаемся к язычникам* (Деян. 13: 46).

В конце концов старейшинам все же удалось добиться постановления местных властей об изгнании Павла и Варнавы из города. Но к тому времени в Антиохии Писидийской уже сложилась крепкая христианская община, куда апостол Павел еще не раз будет возвращаться.

Следующим городом на пути миссионеров была Икония. Здесь многие враждебно восприняли проповедь Христа, и дело дошло до того, что местные жители, подстрекаемые старейшинами синагоги, хотели побить миссионеров камнями.

По преданию, в Иконии апостол Павел обратил в христианство молодую красивую девушку Феклу. Уверовав во Христа, она отказалась от брака с женихом-язычником, за что подверглась нападкам со стороны матери.

Со временем эта история все более окрашивалась в мелодраматические тона: известно, что некий малоазийский пресвитер во II веке написал сомнительное сочинение под названием

«Деяния Павла и Феклы». На самом деле Фекла не была спутницей Павла в его дальнейших путешествиях, а переселилась в Сирию, где стала христианской подвижницей, — Церковь прославляет ее как первомученицу и равноапостольную.

В городе Листра с Павлом и Варнавой произошел интересный случай. Павел тоже совершил здесь чудо — исцелил хромого, и слух об этом с быстротой ветра распространился среди местных жителей. Они решили, что к ним с неба явились два божества, на время принявшие человеческий облик. Варнаву, который был выше ростом и выглядел более представительно, приняли за Зевса, а умевшего складно говорить Павла — за Гермеса. В храме за городом, который был посвящен Зевсу, началась лихорадочная подготовка к празднику: в честь почетных гостей колонны украшали цветами и венками, привели быков для жертвоприношений...

Увидев это, Павел и Варнава разорвали на себе одежды, чтобы все убедились: они — простые смертные. И стали говорить об истинном Боге, Который пришел на землю, чтобы искупить грехи людей, — об Иисусе Христе.

Главной целью апостольских путешествий было создание в новых местах христианских церквей, а одних только проповедей для этого было недостаточно. Людей, уверовавших во Христа, следовало еще и научить христианской жизни. Поэтому апостолы, как только появля-

лась такая возможность, старались обосноваться на новом месте на несколько месяцев, а иногда и на несколько лет — чтобы жить с новообращенными одной жизнью. Переходя в следующий город, они рукополагали епископов (в переводе с греческого — «надзирателей») и пресвитеров («старейшин»), выбирая их из числа своих первых, наиболее достойных учеников, чтобы те в отсутствие апостолов продолжали заботиться о вновь образованных христианских общинах.

К основанным им церквям апостол Павел, без преувеличения, относился, как к собственным детям — драгоценным и любимым созданиям. Он радовался их успехам, тревожился, защищал от ересей, искал любую возможность для новой встречи.

Вы — дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос! — напишет он в Послании к Галатам (Гал. 4: 19).

Мы могли явиться с важностью, как Апостолы Христовы, но были тихи среди вас, подобно как кормилица нежно обходится с детьми своими, — признается христианам из Фессалоники (1 Фес. 2: 7).

Ибо, хотя у вас тысячи наставников во Христе, но не много отцов; я родил вас во Христе Иисусе благовествованием, — из Первого Послания к Коринфянам (1 Кор. 4: 15).

Вот так, для всех и все сразу: и мать, и отец, и заботливая кормилица.

Чтобы ни от кого не зависеть и не быть в тягость общине, апостол Павел обычно занимался ремеслом — делал на продажу палатки. Он часто повторял: *если кто не хочет трудиться, тот и не ешь* (2 Фес. 3: 10), хотя мог бы к себе это не применять. Палаточное ремесло помимо всего прочего давало ему возможность не терять времени до субботы и проповедовать на рынке, среди покупателей.

В одном из посланий апостол Павел даже назовет земной дом, который неизбежно будет разрушен, палаткой — обещая взамен *от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный* (2 Кор. 5: 1).

В Листре Павел сблизился с семьей, состоявшей из вдовы Евники, ее матери и малолетнего сына Тимофея. Обе женщины стали христианками — и не только они одни. Многие видели, что явившиеся издалека миссионеры готовы ради них терпеть любые лишения, даже рисковать жизнью, и это тоже была своего рода проповедь — пример жертвенной христианской любви.

Слухи о христианской общине в Листре вскоре дошли до Иконии, где о миссионерах еще не успели забыть.

Старейшины синагоги прислали в Листру своих «карателей». Те схватили Павла, побили камнями и бросили за городом, думая, что он умер.

Местные христиане подобрали и вылечили апостола Павла. После этого они с Варнавой пе-

решили в соседний город Дервию, где тоже нашли немало сторонников.

В то время Малая Азия состояла из небольших областей, не похожих друг на друга ни по составу населения, ни по уровню цивилизации. Подчинив полуостров своей власти, римляне для удобства разделили его на более крупные административные округа, назвав всю центральную часть Галатией.

Вот и апостол Павел все основанные в разных городах церкви называл галатийскими, а христиан — галатами.

Почти пять лет продолжалось первое миссионерское путешествие апостолов Павла и Варнавы. Невзирая на трудности, миссионеры возвратились к морю тем же самым путем, чтобы еще раз навестить созданные ими в Галатии церкви.

За время их отсутствия в Антиохии Сирийской тоже произошли перемены: община пополнилась новыми братьями, в том числе и из язычников.

Однажды Антиохию посетили христианские проповедники из Иерусалима, обходившие Иудею и Самарию. Они пришли в ужас от того, что антиохийские христиане из иудеев свободно причащаются за одним столом с бывшими язычниками — необрезанными. Ссылаясь на авторитет Иерусалима, они заявили, что без соблюдения в полной степени законов Моисея никому невозможно спастись.

Начались споры. Павел отстаивал свое мнение, которое он позднее с присущей ему афористичностью выразит в Послании к Колоссянам: *...нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос* (Кол. 3: 11). Чтобы положить конец распрям и заручиться мнением авторитетных, «верховных» апостолов, Павел с Варнавой отправились в Иерусалим. Павел взял с собой еще ученика Тита, из необрезанных, — не исключено, чтобы показать наглядный пример христианского благочестия не только среди евреев.

В Иерусалиме они легче всего нашли общий язык с апостолом Петром. Как мы помним, Петр некогда и сам в доме римского сотника Корнилия пережил опыт обращения язычников. После его полного чудес и необычных видений рассказа об этом событии многие вынуждены были признать, что, *видно, и язычникам дал Бог покаяние в жизнь* (Деян. 11: 18). Но тогда это был единичный, особый случай, к тому же подкрепленный несомненным авторитетом апостола Петра. Теперь иноплеменники обращались в христианство повсюду и целыми семьями, так что пришло время выработать на этот счет какие-то общие правила. Что и было сделано на большом собрании, которое вошло в историю Церкви под названием Апостольского собора в Иерусалиме. На нем было вынесено коллективное решение: продолжить повсеместное обращение язычников, не требуя

от них исполнения такого тяжелого и малопонятного для других обряда, как обрезание. Но при этом строго следить, чтобы новообращенные воздерживались от мяса животных, принесенных в жертву языческим богам, или с кровью, а также уклонялись от блуда.

Это была серьезная победа апостола Павла и его единомышленников, но, как мы увидим, еще не окончательная.

В Сирию были направлены два авторитетных представителя иерусалимской общины: Иуда Бар-Саба и Сила. Эти люди считались пророками и должны были при всех засвидетельствовать в Антиохии решения собора. Иуда вскоре вернулся в Иерусалим, а вот Сила остался в Антиохии — именно ему будет суждено отправиться с Павлом во второе миссионерское путешествие.

Как и в первый раз, Варнава предложил взять с собой племянника, но Павел отказался: возможно, он все еще не мог простить Марку, что тот покинул их во время первой миссии. Варнава встал на защиту Марка, а Павел очень не любил, чтобы ему перечили... С этого момента пути друзей снова надолго разошлись. Варнава и Марк отправились с проповедью на Кипр, а Павел с Силой — в Галатию и оттуда — на запад Малой Азии.

Пройдет время, и Павел с Варнавой по-братски обнимутся в Антиохии. Да и Марк станет апостолу Павлу верным помощником, если во Втором Послании к Тимофею он напишет: *Марка возьми*

и приведи с собою, ибо он мне нужен для служения (2 Тим. 4: 11).

Но пока что Павел отправился в путь вместе с Силой (апостолы редко путешествовали поодиночке, это было слишком опасно), который ко всему прочему представлял голос «материнской» Иерусалимской Церкви.

Во время последнего визита в Иерусалим апостол Павел во всех подробностях изложил «знаменитейшим» апостолам, а именно Петру, Иоанну и Иакову, брату Господню, свое понимание Евангелия так, как он проповедовал его язычникам. И они все полностью его одобрили: не нашли ничего ни прибавить, ни возразить.

Узнав о благодати, данной мне, Иаков и Кифа (Петр) и Иоанн, почитаемые столпами, подали мне и Варнаве руку общения, чтобы нам идти к язычникам, а им к обрезанным, — писал апостол Павел в Послании к Галатам (Гал. 2: 9). Он все чаще будет называть себя «апостолом язычников», сознавая в этом свою особую миссию.

Первым делом они с Силой обошли существующие галатийские церкви в Дервии, Листре, Икони и Антиохии Писидийской.

В Листре, в доме вдовы Евники, миссионеры встретили повзрослевшего Тимофея, который пошел вместе с ними. *Тимофей, истинный сын в вере* (1 Тим. 1: 2), был и диаконом, и секретарем, и до конца дней одним из самых преданных помощников апостола Павла.

Миссионеры хотели обойти с проповедью всю римскую провинцию Азия, но этим планам не суждено было сбыться. Однажды Павел увидел во сне македонянина, который просил о помощи, и апостол воспринял это как повеление идти в Македонию.

Добравшись до порта в Троаде, миссионеры сели на корабль и отплыли в Македонию. В Троаде к ним присоединился еще и *Лука, врач возлюбленный* (Кол. 4: 14), а в будущем — евангелист и автор «Деяний святых апостолов». Одним из мест, где Павел и его спутники поселились на продолжительное время, стал утопающий в зелени македонский город Филиппы. Местные евреи даже свои собрания проводили здесь под открытым небом, на живописном берегу реки. Сюда-то и пришли, дождавшись субботы, христианские миссионеры, чтобы рассказать о Распятом и Воскрешем Христе.

Вдова по имени Лидия прониклась таким сочувствием к проповедникам, что упросила их поселиться в ее доме и вскоре вместе со всеми домоладцами приняла крещение. Ее примеру последовали другие. В Филиппах образовалась преданная апостолу Павлу церковь — единственная, от которой он принимал даже денежную помощь.

Чему же учил апостол Павел новообращенных христиан? Для этого нужно внимательно прочитать все его послания — их сохранилось четырнадцать, но, по мнению ученых, было написано

гораздо больше. В посланиях изложены главные истины христианства: о Личности Иисуса Христа и Его миссии на земле, о благодати, о любви к Богу и ближнему.

Если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша (1 Кор. 15: 14).

Смотрите, чтобы кто кому не воздавал злом за зло; но всегда ищите добра и друг другу и всем. Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За все благодарите: ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе. Духа не угашайте (1 Фес. 5: 15–19).

Не о себе только каждый заботься, но каждый и о других (Фил. 2: 4).

Смотрите, поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые, дорожа временем, потому что дни лукавы (Еф. 5: 15–16).

Не случайно апологеты — защитники христианства — впоследствии будут так много говорить о нравственном преображении людей, принимающих Христа. В глазах окружающих эти изменения к лучшему были настолько заметными и впечатляющими, что просто не могли произойти без помощи свыше.

«Мы прежде находили удовольствие в любодеянии, ныне любим одно целомудрие, прежде пользовались хитростями магии, а ныне предаем себя благому и нерожденному Богу; прежде мы более всего заботились о снискании богатства и имени, ныне и то, что имеем, вносим в общество и делимся со всяким нуждающимся;

прежде друг друга ненавидели и убивали, и не хотели пользоваться одним очагом с иноплеменниками, по разности обычаев, — ныне, по явлении Христовом, живем вместе и молимся за врагов наших...» — написал об этом через сто лет Иустин Философ (Апология 1. Гл. 14).

Блаженный Августин, живший в V веке, рассказывал, что именно слова из послания апостола Павла помогли ему избавиться от последних колебаний на таком его непростом, извилистом пути ко Христу.

«Я схватил их [апостольские послания], — писал он в своей «Исповеди», — открыл и в молчании прочел главу, первую попавшуюся мне на глаза: *Не предавайтесь ни пированиям и пьянству, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти; но облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа, и попечения о плоти не превращайте в похоти* (Рим. 13: 13–14). Я не захотел читать дальше, да и не нужно было: после этого текста сердце мое залили свет и покой, исчез мрак моих сомнений».

В Филиппах апостол Павел сотворил чудо изгнания злого духа. Направляясь к реке на место собраний, миссионеры всякий раз встречали молодую рабыню, которую в городе считали пифией, умеющей предсказывать будущее. Рабыня по пятам преследовала проповедников, не давая им прохода, и громко кричала: *Эти люди — рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения* (Деян. 16: 17). Так продолжалось много дней.

Наконец Павел изгнал из нее злого духа, после чего девушка успокоилась.

Но это сильно не понравилось хозяевам рабыни, которые привыкли зарабатывать на ее предсказаниях. Они затеяли судебную тяжбу, заявив, что явившиеся в город проповедники лишили их дохода.

Апостолов Павла и Силу схватили, потащив на агору — рыночную площадь. Жалобщики напирали и на то, что чужеземцы ведут недозволенные проповеди и нарушают спокойствие в городе. Местные судьи (дуумвиры) приговорили Павла и Силу к битью палками, после чего бросили в темницу, забив им ноги в колодки, как преступникам.

В тюрьме Павел и Сила объявили тюремщику, что они являются римскими гражданами и, значит, с ними поступили не по закону. Тюремщик испугался: насилие и пытки по отношению к имеющим римское гражданство были серьезными, наказуемыми преступлениями. Осужденных освободили из колодок и хотели прямо ночью выпустить из тюрьмы. Но Павел отказался выходить тайком, потребовав, чтобы дуумвиры освободили их в присутствии всех горожан и тем самым признали их невиновность. Наутро судьи сами освободили пленников и упростили покинуть город.

Следующим местом, где стараниями миссионеров тоже появилась церковь, стал крупный

македонский город Фессалоники. Павел с учениками поселились в доме еврея Иисуса, которого здесь на греческий лад звали Язоном. Но Павел имел у него только кров, по-прежнему зарабатывая на жизнь изготовлением палаток.

Во Втором Послании к Фессалоникийцам он писал: *Мы не бесчинствовали у вас, ни у кого не ели хлеба даром, но занимались трудом и работою ночь и день, чтобы не обременить кого из вас, — не потому, чтобы мы не имели власти, но чтобы себя самих дать вам в образец для подражания нам* (2 Фес. 3: 7–9).

Но и в Фессалониках недовольные ревнители закона Моисеева подняли против христианских проповедников бунт. Бунтовщики ворвались в дом Язона и потребовали, чтобы тот выдал им Павла и его спутников. А так как их в то время дома не оказалось, они схватили хозяина и повели в суд. С большим трудом удалось договориться, чтобы Язона все же отпустили под залог. Впоследствии Язон стал первым епископом острова Керкира (Корфу).

В эту же ночь христиане тайно вывели Павла с учениками из города, и на какое-то время миссионеры обосновались в соседней Верии. Но вскоре и сюда добрались враждебно настроенные евреи из Фессалоники. Они стали буквально охотиться за Павлом. Оставив на какое-то время спутников в Македонии, апостол Павел отправился в Грецию и вскоре появился в Афинах.

К тому времени Греция давно уже была римской провинцией Ахея с главным городом Коринфом. Но прославленные с древности Афины по-прежнему оставались центром эллинской науки, философии и искусства. И хотя город много раз нещадно грабили, его улицы были заполнены мраморными храмами, святилищами, многочисленными статуями античных богов и богинь, а в глазах апостола Павла — идолами. Но один памятник все же привлек его внимание: древний алтарь, посвященный неизвестному богу. Полная надпись на жертвеннике гласила: «Богам Азии и Европы и Африки; богам неведомым и чужеземным»...

В Афинах Павел выступал не только в синагогах, но и на городских улицах и площадях, давно сознавая, что *должен и Еллинам и варварам, мудрецам и невеждам* (Рим. 1: 14).

В те времена выступления уличных ораторов были обычным делом. Любой человек мог на перекрестке улиц взобраться на обломок колонны и обратиться к прохожим с речью — если хотел сообщить какую-то новость или просто поделиться своими мыслями. Если другим это было интересно, вокруг уличного оратора собиралась толпа любопытных, если не слишком — люди, не останавливаясь, шли по своим делам мимо.

Афиняне — не только простые горожане, но и ученые мужи — слушали апостола Павла с большим любопытством. К нему подходили стоики,

эпикурейцы, представители других философских школ. Они понимали, что оратор говорит о неизвестном им Боге и излагает новое учение, но не могли уловить сути. Тогда Павла пригласили выступить в афинском Ареопаге, где проходили главные собрания и куда допускались только избранные.

Апостол Павел начал свою речь с интриги: он готов всем рассказать о том самом неизвестном Боге, которому в Афинах стоит жертвенник, — это Иисус Христос! После чего принялся с воодушевлением излагать христианское учение. По свидетельству Луки, он даже процитировал Арата, известного поэта-стоика, но, когда дошел до Воскресения Иисуса, слушатели его прервали. Одни открыто над Павлом насмехались, другие, более вежливые, говорили, что лучше выслушают его в следующий раз.

Любой другой оратор воспринял бы это как неудачу, провал, но только не апостол Павел. Он сделал важнейший вывод о том, что величие христианского учения открывается в простоте сердца, и для этого вовсе не обязательно быть «мудрым мира сего». ...*Но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее*, — сформулирует он эту мысль в Первом Послании к Коринфянам (1 Кор. 1: 27–28).

К тому же апостол Павел был слишком не похож на прославленных ораторов, которых привыкли видеть в Ареопаге. Писатель Флавий Филострат, сохранивший для нас жизнеописания известных афинских ораторов своего времени, рассказывает, что один из них имел обыкновение приезжать на свои выступления в повозке с золотой упряжью и в богатом наряде, сверкая на солнце драгоценными камнями, другие производили впечатление на слушателей громоподобным голосом или выразительными актерскими жестами.

Апостол Павел умел говорить с жаром, вдохновенно, но при этом не заботился о том, чтобы произвести на кого-либо приятное впечатление. Считается даже, что он не слишком чисто говорил на греческом языке и мог допускать в произношении ошибки. Одет он тоже был весьма скромно, его внешность была далека от идеалов античной красоты...

Впрочем, о том, как выглядел апостол Павел, мы можем судить лишь по апокрифам, которым стоит доверять только отчасти. В них рисуется приблизительно такой портрет: ниже среднего роста, сутулый, с залысинами на голове... А вот как описывал внешность апостола средневековый автор Никифор Каллист: «Павел был ростом мал, непрям и несколько согбен, лицо у него было чистое и являло признаки долгих лет, голова плешива...»

Что касается «признаков долгих лет», о них апостол и сам напишет в Послании к Филимону: *Я, Павел старец, а теперь и узник Иисуса Христа...* (Флм. 1: 9), — а ведь, по мнению большинства исследователей, на тот момент «старцу» еще не было и шестидесяти.

В 2009 году в немецких газетах был опубликован так называемый фантом-портрет святого апостола Павла. При помощи современных технологий внешность апостола попытались воссоздать специалисты криминальной полиции Дюссельдорфа под руководством немецкого историка Михаэля Хеземана, много лет работавшего над научной книгой об апостоле Павле. Но слишком уж унылый, меланхоличный вид получился на этой качественной цветной фотографии у того, кто при жизни являл собой воодушевление и высокий духовный порыв.

Великому русскому иконописцу Андрею Рублеву (XVI век) удалось замечательно передать облик Павла: и его легкую сутуловатость, и залысины, и морщины на высоком челе, и внутреннюю собранность, и силу воли, и смирение апостола...

Даже после незаконченного выступления апостола Павла в афинском Ареопаге несколько человек уверовали в Христа — Дионисий (его называют Дионисием Ареопагитом), женщина по имени Дамарь (судя по имени, не афинянка) и некоторые другие.

Дождавшись в Афинах прибытия учеников, апостол Павел вместе с ними перебрался в Коринф. Незадолго до этого здесь поселилась группа христиан, изгнанных из Рима, и одна благочестивая супружеская пара из Коринфа — Акила и его жена Прискилла — стала особенно близка апостолу.

Приветствуйте Прискиллу и Акилу, сотрудников моих во Христе Иисусе, которые голову свою полагали за мою душу, — вспомнит о них Павел в Послании к Римлянам (Рим. 16: 3–4).

По счастливому совпадению Акила с Прискиллой тоже занимались изготовлением палаток, и их дом в Коринфе сделался общей мастерской.

Полтора года прожил в Коринфе апостол Павел в кругу друзей и единомышленников, часто проповедуя в доме Тита Юста, где двери были открыты для всех, кто хотел узнать о Христе. В этом городе произошло даже то, что еще недавно трудно было представить: в христианство обратился глава еврейской синагоги Крисп, и апостол Павел лично окрестил и его самого, и всех его домочадцев.

Более-менее спокойную жизнь миссионеров в Коринфе можно объяснить и благоприятно сложившимися внешними обстоятельствами. В то время должность проконсула римской провинции Ахея занимал один из образованных римлян своего времени — Марк Анней Новат, старший брат философа Сенеки. Этот человек вошел в историю под именем Галлион, которое он принял в честь

своего опекуна. «Никто никогда не относился так благосклонно к кому-нибудь, как относится мой брат ко всем», — писал о нем Сенека.

Новый глава синагоги Сосфен, заступивший на место Криспа, сделал было попытку привлечь Павла к суду за христианские проповеди. Выслушав его обвинения, Галлион сказал:

— Иудеи! если бы какая-нибудь была обида или злой умысел, то я имел бы причину выслушать вас. Но когда идет спор об учении и об именах и о законе вашем, то разбирайте сами; я не хочу быть судьей в этом (Деян. 18: 14–15).

После чего отправил по домам и обвинителей, и ответчиков. Сосфен убедился, что городские власти не будут оказывать ему поддержку, и вынужден был на время притихнуть.

В письме к коринфянам апостол Павел написал, может быть, самые великие слова о христианской любви в истории человечества:

Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто. И если я раздам все имущество мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается,

не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит (1 Кор. 13: 1–7).

В этом же Послании он сделал и такое признание:

И был я у вас в немощи и в страхе и в великом трепете. И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы (1 Кор. 2: 3–4).

Да, и в немощах тоже... Уже во время первого миссионерского путешествия у Павла были серьезные проблемы со здоровьем, о которых он уклончиво сказал: *дано мне жало в плоть (2 Кор. 12: 7)*. Кто-то из исследователей считает, что его мучили постоянные головные боли, другие говорят о малярии, третьи — о болезни глаз, обратив внимание на неестественно крупные буквы в посланиях, написанных его рукой. Да и о каком здоровье можно говорить при такой подвижнической и жертвенной жизни — всегда в дороге, с ночевками под открытым небом или в тюремных казематах.

От Иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине морской (2 Кор. 11: 24–25). Много сил требовала и борьба с теми, кого апостол Павел называл лжеапостолами, лукавыми делателями, принимающими вид Апостолов Христовых (2 Кор. 11: 13).

С этой проблемой он по-настоящему столкнулся, когда вернулся из второго путешествия обратно в Сирию. Но на обратном пути он с учениками еще отпраздновал Пасху в Иерусалиме, наверняка обратив внимание на изменившиеся в общине настроения. Многие иерусалимские братья уже открыто высказывали недовольство по поводу обращения язычников, не соблюдавших в полной мере закона Моисеева, и говорили, что решения Апостольского собора следует пересмотреть.

Главой Иерусалимской Церкви в то время был Иаков, брат Господень, — строжайший аскет и молитвенник. Про него говорили, что он никогда не пил вина, не ел мяса, не носил шерстяной одежды и столько времени проводил на молитве в храме, что на коленях у него были верблюжьи мозоли.

Апостол Иаков строго соблюдал Моисеевы законы и даже носил на себе петалон — золотую дощечку, которую имели право надевать только первосвященники. Примерно такого же склада были и люди из его ближайшего окружения — с той только разницей, что религиозный пыл они направляли еще и на активную борьбу с инакомыслием. Они были убеждены, что каждый иноплеменник, принимающий христианство, сначала должен стать иудеем — то есть совершить обрезание и в строгости соблюдать все предписанные Моисеем законы.

Сейчас такая постановка вопроса кажется даже странной, но тогда она удивляла в основном

апостола Павла и его сторонников. Большинство в Иерусалиме разделяли мнение тех, кого теперь принято называть «иудеохристианами», или «иудействующими», — а в те времена это были просто иерусалимские христиане, убежденные в своем превосходстве над остальными.

Можно представить, как раздражал их апостол Павел, который свободно признавался: *...для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; для чуждых закона — как чуждый закона, — не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу, — чтобы приобрести чуждых закона; для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых* (1 Кор. 9: 20–22).

Как только Павел вернулся в Антиохию Сирийскую, вслед за ним сразу же прибыли посланцы из Иерусалима с письмами за подписью Иакова, где всем новообращенным предписывалось в полной мере исполнять закон и совершать обрезание.

Заставить грека, римлянина или армянина превратиться в иудея? После второго путешествия по миру апостол Павел тем более понимал, что это означало бы крах всей христианской проповеди.

В это время в Антиохии как раз находился апостол Петр — он тоже сидел за одним столом

с необрезанными. Но после таких предписаний Петр перестал приходить на вечера, во время которых христиане тогда причащались, его примеру последовал и апостол Варнава. Судя по всему, они оба принадлежали к тому типу людей, для кого худой мир все равно лучше ссоры.

Тут уж и апостолу Петру досталось от возмущенного Павла! «Апостол язычников» обвинил его в непоследовательности, сказав при всех достаточно обидные слова: *Если ты, будучи Иудеем, живешь по-язычески, а не по-иудейски, то для чего язычников принуждаешь жить по-иудейски?* (Гал. 2: 14)

И все-таки ссору в Антиохии двух первоверховных апостолов многие сильно преувеличивают. Как только иерусалимские братья удалились, Петр стал свободно общаться с антиохийскими христианами, и они с Павлом быстро помирились.

К сожалению, подобные директивы были направлены и в Галатию, в созданные Павлом церкви, где галатам объяснялось, что им неправильно была возведена Благая Весть. В галатийских церквях началось разделение: кто-то соглашался совершить обрезание, другие отвергали этот обряд, а были и те, кто по малодушию вместе с обрядом отказывался и от Христа.

Берегитесь псов, берегитесь злых делателей, берегитесь обрезания, потому что обрезание — мы, служащие Богу духом, и хвалящиеся Христом Иисусом, и не на плоть надеющиеся, хотя я могу

надеяться и на плоть. Если кто другой думает надеяться на плоть, то более я, обрезанный в восьмой день, из рода Израилева, колена Вениаминова, Еврей от Евреев, по учению фарисей, по ревности — гонитель Церкви Божией, по правде законной — непорочный. Но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетою (Фил. 3: 2–7) — написал Павел в Послании к Филиппийцам, и по этому, более позднему письму видно, насколько он был рассержен.

Наверное, эти события во многом и подтолкнули апостола Павла к третьему миссионерскому путешествию, во время которого он снова обошел галатийские церкви, увещевая христиан не доверять «злым делателям», после чего с учениками отправился дальше.

Особые миссионерские подвиги ожидали апостолов в Эфесе, где находилась резиденция римского проконсула малоазийской провинции Азия.

В то время Эфес был крупным портовым городом, через который римляне попадали в Малую Азию и оттуда — на Восток. Но уже в Эфесе для гостей города, как на витрине, был представлен полный набор всевозможных восточных культов и самых экзотических обрядов. На улицах и площадях Эфеса можно было встретить магов, колдунов, оракулов, астрологов, толкователей снов, прорицателей и проходимцев из разных стран, научившихся зарабатывать деньги

на человеческом любопытстве. В ходу были также «фирменные» эфесские магические формулы и эфесские колдовские книги, которые стоили больших денег. В центре города стоял огромный храм Артемиды (Дианы) Эфесской, который уже в древности считался одним из чудес света, — и в дни храмовых праздников город еще больше обычного наполнялся приезжими.

В Эфесе апостол Павел с учениками прожил примерно два года. Он часто выступал в публичных местах, именем Христа творил чудеса, и многие почитали его за великого чудотворца, способного изгонять злых духов, даже предлагали купить у него этот дар. Были случаи, когда местные жители приносили к ногам апостола Павла колдовские книги и с покаянием их сжигали, обращаясь в христианство.

Одним из промыслов местных ювелиров в Эфесе было изготовление на продажу маленьких фигурок Артемиды Эфесской — сама статуя изображала богиню с двумя рядами многочисленных сосцов и символизировала плодородие. Начальник ювелиров, некий Димитрий, был встревожен словами христиан, что боги, *делаемые руками человеческими, не суть боги* (Деян. 19: 26), и устроил по этому поводу манифестацию среди ремесленников.

С криками «Да здравствует Артемида Эфесская!» ювелиры бросились на улицы, увлекая за собой толпы праздного народа. Жители Эфеса

быстро заполнили огромный театр, вмещавший, судя по раскопкам конца XIX века, около 24 тысяч человек. Для расправы были схвачены спутники апостола Павла — Гай, Аристарх, еще несколько христиан. Апостол Павел тоже хотел войти в театр, чтобы образумить эфесцев, но христиане убедили его не делать этого. Толпа все равно ничего не слышала и два часа только громко ревела: *Велика Артемида Эфесская!* (Деян. 19: 34)

С большим трудом городским властям удалось утихомирить эфесцев и освободить заложников. Ювелирам предложили выдвинуть официальное обвинение против тех, кто, по их мнению, оскорбляет главную святыню города. Не дожидаясь суда, которое не предвещало для них ничего хорошего, Павел с учениками покинули Эфес.

К тому же пришло время отвезти в Иерусалим пожертвование, которое Павел во время своих путешествий собирал для иерусалимской общины: *...иду в Иерусалим, чтобы послужить святым, ибо Македония и Ахация усердствуют некоторым подаянием для бедных между святыми в Иерусалиме* (Рим. 15: 25–26).

На обратном пути он еще раз посетил Филиппы и в кругу друзей отпраздновал Пасху. В Троаде, где апостол Павел со спутниками провел несколько дней, произошла одна памятная история. Накануне отъезда местные христиане собрались вечером в просторной комнате на верхнем этаже, чтобы вместе преломить хлеб и послушать

Павла. Собрание затянулось до глубокой ночи, окна были открыты, и сидящий на подоконнике мальчик по имени Евтихий ненароком заснул и упал с третьего этажа на землю. Все были уверены, что ребенок погиб: он не подавал никаких признаков жизни. Но Павел с молитвой возложил на него руки — и Евтихий чудесным образом очнулся. После этого апостол до самого утра продолжал наставлять и утешать братьев — как будто навсегда с ними прощался.

Дух Святой по всем городам свидетельствует, говоря, что узы и скорби ждут меня (Деян. 20: 23), — сказал он епископам и пресвитерам, провожавшим его на корабль.

Добравшись до берегов Палестины, Павел со спутниками остановились в приморской Цезарии в доме Филиппа, одного из первых семи диаконов Иерусалимской Церкви, когда-то выбранного вместе со Стефаном.

В один из дней в дом Филиппа пришел пророк Агав — тот самый, который когда-то возвестил о голоде в Иерусалиме. Он молча подошел к апостолу Павлу, снял с него пояс, связал ему руки и ноги, после чего произнес пророчество:

— Так говорит Дух Святой: мужа, чей этот пояс, так свяжут в Иерусалиме Иудеи и предадут в руки язычников! (Деян. 21: 11)

Ученики стали умолять Павла отказаться от поездки в Иерусалим, но он говорил, что не боится уз и готов в любую минуту умереть за Христа.

В Иерусалиме апостол Павел рассказал братьям о своих трудах по просвещению народов светом Христовым, и это не могло не впечатлять: новые церкви появились во многих городах Малой Азии, Македонии и Греции. Сам «апостол язычников» был принят благосклонно, но все-таки настороженно: слишком много времени он провел среди людей, живущих по совершенно другим и таким чуждым для евреев правилам.

Чтобы убедиться в том, что Павел по-прежнему хранит верность еврейским традициям, ему предложили совершить очистительный обряд. Он должен был обрить голову и неделю провести в стенах Иерусалимского храма в посте и молитвах. Апостол Павел без малейших колебаний согласился. Он всегда гордился своим происхождением и считал евреев как потомков Авраама в первую очередь предназначенными к славе и спасению.

Шел седьмой день обета, когда произошло то, чего никто не ожидал. Люто ненавидящие Павла фарисеи распространили по городу слухи, будто бы, гуляя по городу с Трофимом Эфесским, необрезанным, они вместе вошли в Иерусалимский храм.

Конечно, это была провокация: Павел был человеком здравомыслящим и уважал традиции своего народа. В те годы над главными воротами Иерусалимского храма помещалась надпись: «Ни один чужеземец не смеет заходить за огра-

ду храмового двора. Кто сделает это, сам навлечет на себя смерть!» — ее не так давно при раскопках обнаружили археологи.

В городе поднялась буря возмущения, обезумевшая толпа ворвалась в Иерусалимский храм. Фанатики схватили Павла, но не стали расправляться с ним тут же (пролитие крови внутри храма тоже было бы его осквернением), а вытащили на улицу.

В самосуд вовремя вмешались римские центурионы. Блюстители порядка сумели оттеснить нападавших и отвести Павла в сторожевую башню. У подножия лестницы давка была такой сильной, что солдатам пришлось нести пленника на руках, чтобы спасти от обезумевшей толпы. Оказавшись в безопасном месте, Павел попросил разрешения обратиться к народу. Он не знал за собой никакой вины и хотел разъяснить ошибку. Стоя на лестнице, он сделал знак, что будет говорить, и когда на площади воцарилось молчание, обратился к собравшимся на еврейском языке. Но никто не захотел его слушать — толпа на площади снова стала в ярости *кричать, метать одежды и бросать пыль на воздух* (Деян. 22: 23), требуя смерти виновного, и что-либо объяснять было бесполезно...

Римляне приговорили нарушителя спокойствия к наказанию плетьюми. Но когда Павла стали привязывать к столбу, он по-гречески обратился к центуриону и заявил, что они не имеют

права без суда наказывать римского гражданина. Пленного отвели к тысяченачальнику — эту должность в Иерусалиме тогда занимал некий Клавдий Лисий.

— Правда ли, что ты римский гражданин? — спросил Клавдий.

— Да, — ответил пленник.

Тысяченачальник очень удивился, заметив:

— *Я за большие деньги приобрел это гражданство.*

— *А я родился в нем* (Деян. 22: 28), — сказал ему апостол Павел.

Клавдий Лисий согласился выслушать Павла, но в присутствии обвинителей, которые явились во главе с первосвященником Ананией. Пленника на время освободили из оков и привели на судилище, которое проходило очень бурно.

В какой-то момент первосвященник вышел из себя и приказал бить Павла по губам, которые якобы произносили неподобающие речи.

— *Бог будет бить тебя, стена подбеленная,* — сказал Павел этому упрямому седовласому старцу. — *Ты сидишь, чтобы судить меня по закону, и, вопреки закону, велишь бить меня* (Деян. 23: 3).

Увидев, что на суд пришли вместе фарисеи и саддукеи, апостол Павел воскликнул:

— *Братья! Я фарисей, сын фарисея; за чаяние воскресения мертвых меня судят* (Деян. 23: 6).

Это был главный пункт, по которому учения фарисеев и саддукеев расходились. Саддукеи

отрицали воскресение мертвых, существование ангелов и духов, а фарисеи, наоборот, все это признавали. Обвинители принялись горячо между собой спорить, и раздосадованный Клавдий закрыл заседание.

Тогда тысяченачальник отправил Павла с сопроводительным письмом в более высокую инстанцию — к прокуратору Феликсу, чья резиденция находилась в Цезарии. Вот полный текст этого по-римски лаконичного письма: *Клавдий Лисий* *достопочтенному правителю Феликсу — радоваться. Сего человека Иудеи схватили и готовы были убить; я, придя с воинами, отнял его, узнав, что он Римский гражданин. Потом, желая узнать, в чем обвиняли его, привел его в синедрион их и нашел, что его обвиняют в спорных мнениях, касающихся закона их, но что нет в нем никакой вины, достойной смерти или оков. А как до меня дошло, что Иудеи злоумышляют на этого человека, то я немедленно послал его к тебе, приказав и обвинителям говорить на него перед тобою. Будь здоров* (Деян. 23: 26–30).

Фанатики в Иерусалиме и впрямь замыслили убить апостола Павла. Сорок человек дали клятву не есть и не пить до тех пор, пока пленный будет жив. Но о заговоре стало известно, и для сопровождения Павла в Цезарию был снаряжен конвой из 200 пеших солдат, 70 конных и еще 200 тюремных охранников. Сам апостол выехал из города верхом на осле в плотном кольце вооруженных

до зубов римских солдат — это было незабываемое и торжественное зрелище. Последнее пребывание апостола Павла в Иерусалиме продолжалось всего двенадцать дней — и теперь он в последний раз оглянулся на этот город...

От верной смерти пленника спасла привычка римлян во всем руководствоваться буквой закона, помноженная на обычную судебную волокиту. Прокуратор Феликс тоже согласился рассматривать дело в присутствии обвинителей. Первосвященник со свитой явились в Цезарию, где снова началось непонятное для римлян разбирательство *в спорных мнениях, касающихся закона их* (Деян. 23: 29). Не исключено, что Феликс просто тянул время и, узнав о привезенном в Иерусалим крупном пожертвовании, домогался взятки.

Почти два года апостол Павел провел в тюрьме в Цезарии, продолжая видеться с учениками, направляя через них письма в свои церкви. Во Втором Послании к Коринфянам он нашел удивительный образ, называя христиан *письмом Христовым*, которое только написано *не чернилами, но Духом Бога живого, не на скрижалях каменных, но на плотяных скрижалях сердца* (2 Кор. 3: 3). Апостол Павел в неволе и сам становится для христиан таким письмом.

Спустя два года в Палестину на место Феликса прибыл новый римский наместник Порций Фест. Поздравить его с назначением в Цезарию приехал даже последний царь из фами-

лии Иродов — Ирод Агриппа II со своей сестрой Вереникой. Им тоже захотелось увидеть узника, о котором, вероятно, они были наслышаны. «Еще немного, и я сделался бы христианином», — удивленно заметил царь, выслушав не вполне понятные ему речи, но тоже не нашел за апостолом Павлом никакой вины.

Обвинители Павла явились в Цезарию к новому прокуратору и снова клеймили пленника последними словами. Но для прокуратора заключенный в первую очередь был римским гражданином, который во время суда поднял руку и сказал:

— Взываю к цезарю!

Это означало, что пленник требовал отвезти его на суд в Рим, — и по закону римскому гражданину нельзя было в этом отказать, в какой бы отдаленной части империи он ни находился.

— Ты вызываешь к цезарю; ты пойдешь к нему, — ответил Павлу прокуратор.

В Италию апостола Павла сопровождали его преданные ученики — Тимофей родом из Филипп, Аристарх из Фессалоники и Лука, который подробно описал и внезапную бурю на Средиземном море, и кораблекрушение, и вынужденную зимовку на Мальте... Его книга «Деяния святых апостолов» заканчивается прибытием апостола Павла в оковах в Рим.

«Смерть соединила обоих; книга Деяний, с такой подробностью сохранившая в первой

половине своей подвиги Петровы и подвиги Павла, во второй, в знак равенства обоих Апостолов, ничего не говорит об их кончине», — вот как объяснил это русский историк Андрей Николаевич Муравьев, современник Пушкина.

Святитель Иоанн Златоуст писал, что Лука остановился на интересном месте своего повествования, считая бесполезным продолжать то, что всем известно, потому что дальше будет продолжаться все то же самое: узы, темница...

Пребывание в Риме апостола Павла окутано тайной еще и потому, что римские христиане скрывали его местонахождение, оберегая от преследований.

По одной версии, апостол Павел несколько лет прожил в Риме под домашним арестом в ожидании верховного суда, продолжая проповедовать среди римлян. По другой — успел побывать с проповедью в Испании и даже еще раз посетил церкви в Малой Азии и Греции, и только после второго ареста его взяли в Риме под стражу.

Но все сходятся в том, что апостол Павел был казнен в Риме приблизительно в 64 (по мнению других исследователей — в 67) году во время гонений императора Нерона.

Как раз в 64 году в Риме случился страшный пожар, уничтоживший больше половины города, и вину за бедствие возложили на непричастных к этому христиан. Почти четыре года, до самой смерти Нерона, лилась кровь невинных людей —

историки называли этот период первым («нероновым») гонением.

Чтобы представить его масштабы, предоставим слово древнеримскому историку Тациту, который был сторонним наблюдателем событий и сам не слишком-то благоволил христианам. Но его сочинение «Анналы» содержит одно из первых упоминаний о христианах, живших в Риме, и нам придется его вспомнить, каким бы страшным ни было это свидетельство. «...Нерон подыскал виновных и подверг тягчайшим мукам людей, ненавидимых за их мерзости, которых чернь называла христианами. Прозвание это идет от Христа, который в правление Тиберия был предан смертной казни прокуратором Понтием Пилатом. Подавленное на некоторое время, это зловерное суеверие распространилось опять, и не только в Иудее, где возникло это зло, но и в самом Риме, куда отовсюду стекаются гнусности и бесстыдства и где они процветают. Итак, сначала были приведены к ответу те, которые покалялись, затем по их указанию великое множество других, не столько по обвинению в поджоге, сколько уличенные в ненависти к роду человеческому. И к осуждению их на смерть добавилось бесчестие. Многие, одетые в звериные шкуры, погибли, растерзанные собаками, другие были распяты на кресте, третьи — сожжены с наступлением темноты, используемые в качестве ночных светильников. Нерон предоставил свои

сады для лицезрения этих огней и устроил игрища в цирке, где сам, наряженный возницей, толкался в толпе плебеев или разъезжал на колеснице. Так что хотя то и были враги, достойные самой суровой кары, они пробуждали сострадание, поскольку были истреблены не ради общей пользы, но из-за жестокости одного человека».

Именно во время «нероновых гонений» в Риме были казнены апостол Петр и апостол Павел. Какое-то время они содержались в Мамертинской темнице, затем апостола Петра приговорили к распятию на кресте — и он попросил палачей, чтобы его распяли вниз головой, считая себя недостойным повторить казнь Христа. Апостол Павел, как римский гражданин, был усечен мечом.

По преданию, апостолов казнили не только в один год, но даже в один день, и на многих иконах их принято изображать вместе.

Апостола Павла обезглавили неподалеку от Остийских ворот — это место известно в Риме как «Три фонтана». Существует легенда, что, как только отсеченная голова апостола Павла коснулась земли, из ее недр одновременно забили три фонтана — и вода эта льется до сих пор. Города, в которых апостол Павел побывал с проповедью, в первые века стали центрами христианства, все его любимые ученики стали епископами: Тит — на Крите, Тимофей — в Эфесе, Филимон — в Газе, Сила — в Коринфе, Язон — на Корфу, Аристовул — в Британии.

Второе Послание к Тимофею, написанное в Риме, часто называют духовным завещанием Павла.

Благодарю давшего мне силу, Христа Иисуса, Господа нашего, что Он признал меня верным, определив на служение, меня, который прежде был хулитель и гонитель и обидчик, но помилован потому, что так поступал по неведению, в неверии... (1 Тим. 1: 12–13) На самом деле все послания апостола Павла стали его духовным завещанием христианам последующих поколений.

В древнем документе «Акты сцилийских мучеников» приводится эпизод, как в конце II века в Карфагене проконсул допрашивает христианина Сперата и среди прочих задает ему такой вопрос:

— Что у тебя в сумке?

И Сперат ему отвечает:

— Книги и послания Павла, честного человека.

АПОСТОЛ ИОАНН БОГОСЛОВ

(† ОК. 100)

← *Апостол Иоанн Богослов на Патмосе*. Икона. Греция, XVII в.
Музей Линденау, Альтенбург, Германия.

*Станем любить не словом или языком,
но делом и истиною.*

(1 Ин. 3: 18)

Есть люди, с самого рождения одаренные особым складом души и ума. Их называют по-разному: возвышенные натуры, поэты, мечтатели, «не от мира сего» — главное от этого не меняется.

Как и все остальные, они ходят по земле, занимаются повседневными делами, но при этом их душа витает где-то далеко, ближе к небу, и не хочет принадлежать земному. Эти люди чаще других видят необычные сны, их внутренняя жизнь наполнена символами и тайными знаками, они слышат только им ведомый призыв...

Таким человеком был апостол и евангелист Иоанн Богослов.

Но пока в Иерусалиме его звали просто Иоанном Зеведеевым, и никто не удивлялся, что именно он шел впереди необычной похоронной процессии с белой лилией в руке. Лица остальных тоже были не столько печальны, сколько радостны и светлы, как будто все собрались на праздник.

И иерусалимские христиане знали, почему: в последний земной путь, а точнее — на небо, в вечную жизнь, провожали Марию — Мать Христа. А лилия в руке Иоанна Зеведеева была не обычным цветком, а посланием из райского сада.

По преданию, Богоматерь гуляла в саду, когда к Ней снова явился Архангел Гавриил и возвестил, что подошло время для встречи с Сыном. А в подтверждение, что Ее ждут в небесных чертогах, подарил лилию из райского сада. И Мария велела, чтобы в день Ее рождения для неба эту лилию нес именно Иоанн Зеведеев...

Иоанн был самым юным из учеников Христа, младше других одиннадцати апостолов. Возвышенный, чистый юноша, любимый ученик Иисуса.

В Евангелиях от Матфея, Марка и Луки мы почти не слышим голоса юного Иоанна. Другие апостолы задавали вопросы, в чем-то сомневались, совершали необдуманные поступки и потом пытались их объяснить. Мы не услышим потрясенного вздоха из уст Иоанна даже на горе Фавор, в момент Преображения Христа, — за всех, как обычно, будет говорить Петр.

Иоанн Зеведеев больше молчал, с обожанием слушая Учителя, но при этом все, все запоминал. И в своем Евангелии сообщил нам такие подробности, каких не найти в других свидетельствах о Христе.

Лишь изредка Иоанн вступал в разговор — да и то в основном вместе со старшим братом Иаковом.

Существуют разные мнения, почему Иисус дал братьям Зеведеевым такое прозвище: *сыны громовы* (Мк. 3: 17). Несомненно, прежде всего они были дети грома по силе духа. А еще по дороге братья много и громко между собой разговаривали. Как и все ученики Христа, они были очень разными по характеру, да и по возрасту тоже.

Деятельный, решительный Иаков Зеведеев первым из двенадцати апостолов примет мученическую смерть в Иерусалиме. Весь обращенный в слух, созерцательный Иоанн подарит миру Евангелие и великое откровение от Бога — Апокалипсис. Евангелист Матфей сообщил нам такой интересный эпизод. Как-то к Иисусу подошла мать Иакова и Иоанна — Саломия, которая тоже ходила вместе с ними, и, кланяясь, обратилась с просьбой, которую даже не сразу смогла толком объяснить. Как говорится об этом в Евангелии, *чего-то прося у Него* (Мф. 20: 20).

— *Чего ты хочешь?* (Мф. 20: 21) — спросил женщину Христос.

Тогда Саломия показала на своих сыновей и попросила, чтобы в Царствии Небесном они сели ближе всех к Иисусу: один по правую Его руку, а другой — по левую. Любящая мать решила заранее похлопотать, чтобы сыновьям и там было хорошо.

В Евангелии от Марка этот разговор описан несколько иначе. Не Саломия, а сами братья обращаются к Иисусу, издалека подступая к своей, как они сами понимают, не вполне обычной просьбе:

— *Учитель! Мы желаем, чтобы Ты сделал нам, о чем попросим* (Мк. 10: 35), — говорят они.

Так дети часто обращаются к добрым, любящим родителям, зная, что их за это не накажут: мол, вы сначала пообещайте, что сделаете, и тогда мы скажем...

— *Что хотите, чтобы Я сделал вам?* (Мк. 10: 36) — спросил Христос «сыновей грома».

— *Дай нам сесть у Тебя, одному по правую руку, а другому по левую в славе Твоей* (Мк. 10: 37).

— *Не знаете, чего просите...* (Мк. 10: 38) — сказал Иисус и пояснил, что места в Царствии Небесном не от Него зависят: там все сядут, как кому уготовано (Мк. 10: 40).

Услышав об этой просьбе, десять остальных учеников, как пишет евангелист Марк, возроптали на братьев Зеведеевых. Тогда-то и прозвучали слова Иисуса, что тот, кто хочет быть главным, — пусть станет всем слугой, а стремящийся к первенству — пусть будет для всех рабом.

В этой сцене поражают не только теплые, доверительные отношения Христа с учениками, но еще и то, что по пути в Иерусалим братья Зеведеевы оживленно беседовали (а возможно, и спорили между собой, если вмешалась мать) не о чем-то другом, а о Царствии Небесном! Для них это

такая же реальность, как для других путников — дом в конце пути, где их ждут еда и ночлег. Эта простая, несомненная вера как раз и отличала учеников Христа — будь то рыбак или сборщик податей — от многочисленных скептиков и умников.

А может быть, вопрос братьев вообще нужен был для того, чтобы Христос сделал важнейшее признание по поводу Своей миссии на земле:

— *Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих* (Мк. 10: 45).

В другой раз братья Зеведеевы возмутились, что жители какого-то самарянского селения затворили ворота, когда Христос хотел остановиться у них на ночлег. Такое отношение к Учителю настолько потрясло Иоанна, что он попросил Иисуса позволить ему низвести огонь с неба на неблагодарных самарян. Как и другие одиннадцать учеников, он ведь тоже получил от Христа дар чудотворения. Но Учитель запретил ему это делать, сказав: *Не знаете, какого вы духа; ибо Сын Человеческий пришел не губить души человеческие, а спасать* (Лк. 9: 55–56).

От сердца идущий порыв Иоанна показывает его безграничную любовь к Христу, а также его юношеский максимализм — вдруг как-то сразу выдает его возраст...

В Евангелии от Луки описан еще один разговор Иисуса с Иоанном Зеведеевым. Как-то апостолы по дороге встретили незнакомого человека,

который ходил не с ними, а сам по себе, но тоже именем Иисуса изгонял бесов. Апостолы запретили ему и пошли дальше. Но юному, впечатлительному Иоанну эта встреча не давала покоя, и по дороге он спросил у Христа: правильно ли они поступили с тем человеком? Как оказалось, Иоанн не зря засомневался.

Иисус сказал: *не запрещайте, потому что кто не против вас, тот за вас* (Лк. 9: 50).

Таким образом, все апостолы получили еще один урок, на этот раз — благодаря чуткости Иоанна.

А вот как произошла самая первая встреча Христа с Иоанном Зеведеевым.

Как-то вместе с земляком и другом Андреем (по-видимому, немного старшим по возрасту) Иоанн отправился к реке Иордан, чтобы увидеть явившегося из пустыни пророка, о котором все вокруг говорили.

Иоанн Креститель призывал народ к покаянию, крестил водой и говорил загадочные слова: вслед за ним должен явиться Тот, Кто будет крестить Духом Святым (Мк. 1: 8).

Мы не знаем, присутствовал ли Иоанн в момент крещения Иисуса, но мог много об этом слышать от других. Люди, приходившие креститься от Иоанна в Иордане, заходили в реку и подолгу стояли по грудь в воде, исповедуя свои прегрешения, после чего принимали очистительный обряд. Иисус же, как говорится в Евангелии, «тотчас

вышел из воды» — Он был совершенно чист от всякого греха! Вот и пророк Иоанн Предтеча, когда Иисус проходил мимо, показал на Него и сказал о том же: *вот Агнец Божий* (Ин. 1: 36) — то есть чистый и безгрешный. Стоявшие в тот момент рядом с ним Андрей и Иоанн услышали это и пошли вслед за Иисусом.

Наверное, они и сами тогда до конца не понимали, зачем и куда идут, — так двигаются ночью, из темноты на свет, а это был такой Свет, который могли увидеть не все, а только чистые сердцем. Юноши молча шли за Христом, не зная, как к Нему обратиться или окликнуть.

Тогда Христос Сам обернулся к ним и спросил:
— *Что вам надобно?*

— *Равви, где живешь?* (Ин. 1: 38) — спросил менее робкий Андрей, которого теперь так и называют — Первозванный, так как его первым позвал за собой Иисус. А само обращение «равви» (что значит — «учитель»), говорит о том, что юноши уже выбрали себе наставника.

— *Пойдите и увидите* (Ин. 1: 39), — сказал им Иисус.

Он привел Андрея и Иоанна в дом, где они долго разговаривали: с полудня до самой ночи.

Наверное, это была потрясающая беседа, если Андрей сразу же побежал к старшему брату, Симону, и объявил: *Мы нашли Мессию* (Ин. 1: 41).

«Нашли Мессию» — значит, они сразу и безоговорочно признали в Иисусе того самого Царя,

Освободителя от рабства. И их нисколько не смутило, что Мессия встретился им без царской свиты, в простой одежде и привел в обыкновенный дом на берегу Иордана... «Мы нашли» — означает, что Иоанн был того же мнения.

Ему, как сообщает предание, Иисус Христос приходился родственником по материнской линии. Считается, что мать Иакова и Иоанна — Саломия — была дочерью Иосифа Обручника из Назарета, который, овдовев, взял себе в жены Деву Марию. Именно про таких, как Андрей и Иоанн Зеведеев, Иисус Христос скажет в Нагорной проповеди: *Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят...* (Мф. 5: 8)

Когда пророка Иоанна Крестителя арестовали, его ученики и любопытствующие вынуждены были разойтись по домам. Иисус в это время удалился в пустыню, где сорокадневным постом и борьбой с искушениями готовился выйти на проповедь.

Можно представить, с каким нетерпением ожидал Иоанн Зеведеев новой встречи с Мессией. Родившийся в семье рыбака, он, как обычно, помогал отцу Зеведею и старшему брату ловить рыбу в Галилейском море, а сам — ждал, ждал...

И однажды Иисус Христос действительно появился на берегу. Только теперь «равви» шел не один, а в окружении большой толпы людей — все толкались, кричали, старались прикоснуться хотя бы к краю Его одежды, просили, чтобы Он их исцелил, сотворил чудо.

Иисус заметил на берегу пустую лодку, принадлежащую Симону, старшему брату Андрея, и вошел в нее. Рыбаки как раз недавно высадились на берег и вытряхивали пустые сети. Христос попросил Симона, чтобы тот помог немного отгрести от берега, — на расстоянии Он хотя бы мог говорить с народом. И тот, кто с готовностью подналег на весла, еще не знал, в какие дальние он отправляется дали, — это был не кто иной, как апостол Петр.

Среди тех, кто слушал говорившего с лодки Христа, были рыбак Зеведей и два его сына — Иаков и Иоанн, которые на берегу разбирали и чинили сети.

Но вот народ стал потихоньку расходиться, и тогда Христос совершил для Симона чисто «рыбацкое» чудо. Он показал, куда следует забросить невод, чтобы поймать много рыбы. И действительно, улов оказался таким большим, что сети не выдерживали. Изумленный Симон позвал на подмогу других рыбаков, и лодка Зеведея тоже доверху наполнилась рыбой.

После этого Иисус позвал следовать за Собой Симона и его брата Андрея — и они стали Его первыми учениками.

Затем Христос подошел к лодке, где Иоанн с братом чинили сети, и сказал таинственные слова: *Я сделаю вас ловцами человеков...* (Мф. 4: 19) И оба брата Зеведеевы, оставив сети, улов и всю свою прежнюю жизнь, тоже пошли за Иисусом.

С этого мгновения Иоанн Зеведеев три года будет повсюду следовать за своим любимым «равви». Он тоже оказался среди Его избранных двенадцати учеников, навсегда избрал для себя девственный образ жизни. И быть может, ему, чья душа была мало привязана к обыденному, даже легче других было понять, что Христос пришел для того, чтобы связать земное и небесное, показать людям путь в Царствие Небесное.

Не случайно символическим изображением евангелиста Иоанна Богослова стал орел — символ высокого парения его чувств и мыслей.

В Евангелии от Иоанна часто встречается загадочное лицо: *один из учеников... которого любил Иисус* (Ин. 13: 23), и *другой ученик, которого любил Иисус* (Ин. 20: 2). По этому поводу велось много дискуссий, но теперь уже почти никто не сомневается: апостол и евангелист Иоанн из скромности так писал о самом себе.

И выходит, что тот, *который написал сие* (Ин. 21: 24) Евангелие, был единственным, кто остался в Гефсиманском саду, когда Христа взяли под стражу и все другие апостолы в страхе разбежались. Еще три раза не пропел петух — как апостол Петр отрекся от Христа, сказав, что не был с Ним знаком, в чем будет раскаиваться до конца жизни. Но во дворе первосвященника находился еще один молчаливый Его ученик. *За Иисусом следовали Симон Петр и другой ученик; ученик же сей был знаком первосвященнику и вошел с Иисусом во*

двор первосвященнический. А Петр стоял вне за дверями. Потом другой ученик, который был знаком первосвященнику, вышел, и сказал придвернице, и ввел Петра. Тут раба придверница говорит Петру: и ты не из учеников ли Этого Человека? Он сказал: нет (Ин. 18: 15–17).

Наверное, так же молча Иоанн шел среди тех, кто провожал Христа к месту казни на Голгофе, смотрел, как Учителя пригвоздили к кресту и водрузили между двумя разбойниками, как воины делили Его одежды — он слышал каждый тяжкий вздох Христа, — но и тогда ни в чем не усомнился.

И когда Христос сказал, показывая глазами на Богородицу, наверняка очень тихо, потому что любое слово для пригвожденного к кресту отдавалось страшной болью: *Се, Матерь твоя* (Ин. 19: 27) — конечно, Иоанн сразу понял этот наказ. До последнего дня земной жизни Пресвятой Богородицы он будет заботиться о Ней как родной сын.

Позднее, когда Воскресший Христос появился на берегу Галилейского моря, ученик, которого любил Иисус (Ин. 21: 7), первым узнал своего «равви» и сказал Петру: *это Господь* (Ин. 21: 7). Во время той трапезы на берегу, когда апостол Петр был прощен и услышал о своем будущем, он спросил Иисуса: а что ждет Иоанна?

Если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до того? (Ин. 21: 22) — прозвучало в ответ.

Эти слова были истолкованы так, что Христос даровал Иоанну бессмертие, и Его любимый ученик никогда не умрет. Но сам Иоанн не разделял этого мнения, закачивая свое Евангелие такими словами:

И пронеслось это слово между братьями, что ученик тот не умрет. Но Иисус не сказал ему, что не умрет, но: если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до того? Сей ученик и свидетельствует о сем, и написал сие; и знаем, что истинно свидетельство его. Многое и другое сотворил Иисус; но, если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг (Ин. 21: 23–25).

После сошествия Святого Духа на апостолов Иоанн вместе с другими принимал активное участие в устройстве Иерусалимской Церкви. В это время он стал правой рукой деятельного, часто выступающего перед народом апостола Петра: вместе они шли к месту проповеди, вместе предстали перед судом, вместе сидели в темнице. Вдвоем с Петром они отправились и в Самарию для возложения рук на новообращенных. Иерусалимские христиане почтительно назовут Иоанна «столпом Церкви».

Спустя несколько лет после Вознесения Христа апостол Матфей написал первое Евангелие. Этот текст многие будут переписывать и распространять, а вот авторство его первого перевода с еврейского языка на греческий приписывают в том числе и Иоанну Зеведееву.

За эти годы в Иерусалиме по повелению царя Ирода Агриппы был казнен его старший брат, апостол Иаков, осужденный по доносу лжесвидетеля.

По преданию, Иаков Зеведеев спокойно выслушал приговор и продолжал свидетельствовать о Христе. Его мужество так поразило лжесвидетеля, что он уже на суде раскаялся в своем поступке, хотя это и не помогло подсудимому. А когда апостола повели на казнь, то обвинитель упал к его ногам и стал умолять простить его. Иаков обнял его и сказал: «Мир тебе, сын мой; мир тебе и прощение».

Обвинитель объявил, что он тоже верит в Христа, и был казнен вместе с апостолом. Он даже не успел принять обряд крещения, но получил «крещение кровью», — и таких христиан в первые века будут тысячи.

После Успения Божией Матери Иоанн Зеведеев уже навсегда покинет Иерусалим.

Когда ученики Христа еще только готовились идти с миссионерской проповедью в разные части света и тянули жребий, апостолу Иоанну досталась Малая Азия. И теперь для него пришло время исполнить свою миссию. Взяв с собой ученика Прохора, апостол Иоанн сел на корабль, и они отправились к берегам Малой Азии.

Во время морского путешествия их ждали серьезные испытания, которые Иоанн, обладавший даром прозорливости, предвидел заранее.

Он сразу сказал Прохору, что на море их ожидает несчастье. Так и случилось: неподалеку от южных берегов Малой Азии корабль попал в бурю и был разбит. Пассажирам удалось спастись на корабельных досках и добраться до берега близ Селевкии. И лишь один из них остался в морской пучине — это был Иоанн...

В греческом варианте жития апостола Иоанна сохранилась интересная подробность. Узнав, что ему по жребию досталась Малая Азия, Иоанн принял новость с тяжелым сердцем, так как испытывал сильный страх перед морскими путешествиями. Упав на колени перед апостолами, он признался им в своем малодушии. Апостолы попросили Иакова, первого епископа Иерусалима, помолиться о прощении Иоанна, после чего все с миром разошлись. Но тогда Иоанну не пришлось уезжать из Иерусалима, потому что на него была возложена не менее важная миссия — забота о Марии, Матери Христа.

Много слез пролил Прохор об исчезнувшем в море апостоле Иоанне. Но он не терял надежды и продолжал молиться о его спасении. Все это время Прохор не уходил с берега, потихоньку продвигаясь от Селевкии на запад и останавливаясь на ночлег в прибрежных селениях. И однажды утром на берег огромной волной вынесло обесилевшего человека на доске. Это был Иоанн, который почти две недели пробыл в море, но по воле Бога остался жив.

Прохор сбегал в ближайшее селение, принес хлеба и воды, и, когда Иоанн немного набрался сил, они вместе отправились в путь и пешком прошли через всю Малую Азию.

Апостол Иоанн с Прохором поселились в западном портовом городе Эфес, где незадолго до этого жил апостол Павел и, значит, к тому времени существовала христианская община.

Согласно житию, в Эфесе Иоанн и Прохор нанялись в работники к содержательнице общественных бань по имени Романа. Иоанн должен был топить печь, а Прохор — носить воду. В этом доме им пришлось много претерпеть от злого нрава Романы, но Иоанн по молитве совершил чудо воскрешения из мертвых юноши Домна и умершего от горя его отца Диоскорида, городского старейшины. После чего и отец с сыном, и сама Романа уверовали в Христа и приняли крещение.

Описывается еще один случай, как в праздник почитаемой в Эфесе богини Дианы (или Артемиды Эфесской) апостол Иоанн вразумлял язычников. Когда народ собрался в храме, он встал возле изваяния Артемиды и стал говорить о том, что не должно людям поклоняться идолам. Эфесцы пришли в ярость, стали бросать в Иоанна камни, но ни один в него не попал — все отлетало от статуи и попадали в самих бросавших. Затем апостол Иоанн поднял руки к небу и стал молиться. И вскоре наступил такой нестерпимый

зной, что большинство собравшихся на площади перед храмом поспешили разойтись по домам.

Некоторые исследователи считают, что из Эфеса апостолы довольно скоро перебрались в Рим, откуда во время гонений Нерона апостола Иоанна сослали на остров Патмос.

Другие — а их все же большинство — придерживаются версии, что апостол Иоанн был отправлен в ссылку на Патмос гораздо позже, во время правления римского императора Домициана, значит, до этого он почти тридцать лет мирно жил в Эфесе.

Жизнь христианских общин в первые века строилась по своим правилам, которые во многом отличались от сегодняшних.

Если человек выражал желание стать христианином, его представляли учителю (он мог быть как священником, так и мирянином), который подробно с ним беседовал: спрашивал об образе жизни этого человека, причинах, побудивших его уверовать во Христа, и т. п. Те, кого признавали достойными, принимались в число оглашенных — особую группу готовящихся принять крещение и вступить в Церковь.

Участвовать в общем богослужении и Евхаристии оглашенным не разрешалось, поскольку они еще не приняли крещение. Как правило, время оглашения продолжалось два или три года, что позволяло каждому сделать окончательный и осознанный выбор. Достойных крещения

называли уже иначе — избранными, или просвещенными. Какое-то время они находились в этом звании, и наконец их торжественно крестили в ночь на Пасху либо в ночь на Пятидесятницу — обычно в эти два праздника. С крещением соединялось и помазание особым маслом (миром), освящаемом на престоле.

Всю первую неделю новообращенные носили белые одежды, и все в общине относились к ним как к именинникам.

Каждое воскресенье христиане вместе собирались на богослужение — праздную день, в который воскрес Иисус Христос. На литургии читалось и истолковывалось Священное Писание, затем верующие сообща молились, пели псалмы. Случалось, что во время богослужения кто-то начинал пророчествовать или «говорить на языках», и такого рода событиям придавалось большое значение — они были знаками реального присутствия в Церкви Святого Духа.

Наконец, верующие причащались. Таинство Тела и Крови Христа — Евхаристия — всегда было и остается главным и самым торжественным моментом богослужения. В первые века Евхаристия, или «преломление хлеба», осуществлялась за общим столом как воспоминание о Тайной Вечере, во время которой Христос научил этому таинству учеников.

С раннехристианских времен каждая поместная церковь имела свою казну для помощи

бедным, принятия странников, для погребения бездомных и других благотворительных целей. Во времена гонений христиане посылали пожертвования в соседние разоренные церкви или братьям, осужденным на рудники или в ссылку. Как правило, в конце каждого воскресного собрания делался сбор в пользу нуждающихся — все давали, кто сколько мог.

Важным событием в жизни общины была встреча с апостолами или братьями из других городов, которые приносили послания епископов или рассказы о мучениках, пострадавших за веру. Христиане собирались вместе, чтобы их послушать и вместе помолиться, передать свидетельства о месточтимых мучениках в другие церкви. Таким образом поддерживались традиции и единство Церкви, в каких бы отдаленных друг от друга местах ни находились общины.

В кругу подобных событий и повседневных забот жил апостол Иоанн в Эфесе. Как ближайший ученик и свидетель земной жизни Христа, он пользовался большим уважением и любовью не только среди эфесских христиан, но также опекал церкви в других малоазийских городах — в Смирне, Пергаме, Лаодикии, Сардах, Фиатире, Филадельфии.

По преданию, во время одного из своих путешествий он встретился с апостолом Филиппом — тоже учеником Христа от двенадцати. Это произошло, когда апостол Филипп ходил

с проповедью по городам Малой Азии со своей сестрой, девицей Мариамной. Можно представить, сколько радости доставила им эта неожиданная встреча!

В Эфесе апостол Иоанн пережил событие, которое не оставило равнодушным ни одного еврея, в каком бы уголке земли он ни находился: восстание в Иудее и гибель Иерусалимского храма. Пророчество Христа сбылось: святыня евреев была разрушена римлянами, на месте храма остались обугленные руины.

Иерусалимский храм сгорел 10 августа 70 года — в тот самый день, что и несколько веков назад, когда был разрушен первый Иерусалимский храм, захваченный Навуходоносором. И в этом тоже была таинственная символика чисел, которой будет так много присутствовать в «Апокалипсисе» Иоанна Богослова.

Эфес был главным портовым городом на западе Малой Азии, «воротами», через которые римские легионы переправлялись на полуостров и возвращались обратно. Значит, эфесцы наблюдали и печальный финал Иудейской войны.

Тит, сын императора Веспасиана, руководивший подавлением иудейского восстания, вывез из Иерусалимского храма всю утварь, оставшуюся после пожара, а это были огромные сокровища, если учесть, что на содержание и украшение храма евреи, где бы они ни жили, ежегодно платили поголовную дань.

Во время празднования своего триумфа Тит провез по улицам Рима телеги, нагруженные серебряными трубами, золотыми семисвечниками и драгоценными храмовыми сосудами. Почти все это позднее было переплавлено и пошло на строительство Колизея, или, как тогда он назывался, цирка Веспасиана. На стройке, начатой еще отцом Тита, теперь трудились тридцать тысяч пленных иудеев, специально приведенных для этого из Палестины в Рим. Знаменитый еврейский писатель Иосиф Флавий, подробно описавший Иудейскую войну и весьма далекий от христианских воззрений, написал в своей книге: «Все это случилось с ними за смерть Иакова праведника, брата Иисуса, называемого Христом. Иудеи убили его, хотя он был человек святой»... В 81 году на римском троне воцарился император Домициан (сын Веспасиана и брат Тита), последний из династии Флавиев, — еще один безумный тиран, страдавший манией преследования. Об этом цезаре, которого в народе прозвали Лысым Нероном, ни его современники, ни историки почти не сказали доброго слова.

«Став императором, Домициан поначалу любил, уединившись, ловить мух и протыкать их палочками», — язвительно сообщает Светоний («Жизнь двенадцати цезарей»).

Страх Домициана погибнуть от рук убийц дошел до того, что в своем дворце он приказал

облицевать стены портика, где император обычно прогуливался, сверкающим камнем наподобие слюды, чтобы всегда видеть, не прячется ли кто-то у него за спиной.

Из времен его правления известен один характерный случай. Однажды Домициан пригласил самых влиятельных людей Рима к себе во дворец на пир. Гостей провели в комнату, от пола до потолка убранную черным, и они в ужасе увидели, что перед каждым ложем стоит надгробный камень и на каждом написано его имя. Гости заняли свои места согласно надписям и ожидали только прибытия палача. Но вместо этого в комнату вошли несколько обнаженных мальчиков, выкрашенных в черный цвет, и медленно исполнили торжественный танец. Потом подали поминальный пирог и другие блюда, которые обычно предлагают духам умерших. И все это время голос Домициана, который прятался за ширмой, рассказывал гостям ужасные истории убийств и кровавых преступлений, для их устрашения...

Эта дворцовая «шутка» дает представление об атмосфере маниакальной подозрительности в империи в годы правления Домициана, ставшего новым врагом христиан. Соглядатаи и доносчики были везде, тюрьмы не вмещали «подозрительных личностей», все боялись всех и на всех доносили. Христиан тоже стали повсюду искать, хватать и сажать в тюрьмы.

Апостола Иоанна арестовали и привезли на суд в Рим, а во время суда подвергали побоям и истязали. По преданию, его приговорили к смерти через отравление, но апостол Иоанн выпил яд и остался невредим. И все сразу же вспомнили легенду о его бессмертии...

Потому-то его и приговорили к «вечному изгнанию» на отдаленный пустынный остров Патмос.

Вместе с апостолом Иоанном в ссылку добровольно отправился и преданный ему Прохор.

К тому времени все остальные ближайшие ученики Христа уже завершили свой земной путь. Апостолы Петр и Павел были казнены в Риме, Андрей пострадал на кресте в греческом городе Патры, Фома — в далекой Индии. В живых остался только апостол Иоанн, и многие думали, что его на самом деле никогда не коснется смерть.

И хотя апостол Иоанн не любил морских путешествий, ему снова пришлось отправиться в плавание на корабле — на этот раз к греческому острову Патмос, который в то время был римской колонией.

В пути опять не обошлось без происшествий. Сын одного из богатых пассажиров случайно упал в море — и был извлечен из воды по молитвам апостола Иоанна. Во время плавания он даже совершил чудо превращения соленой воды в пресную, когда все запасы закончились.

Как тут не вспомнить о том, что только в Евангелии от Иоанна рассказывается о чуде

в Кане Галилейской, когда Иисус Христос на свадебном пире превратил воду в вино...

Все, кто плыл вместе с апостолом Иоанном на корабле, настолько его полюбили и поверили в святость старца, что предлагали высадить их с Прохором в любом месте, где они только захотят. Но Иоанн велел отвезти их на Патмос, предчувствуя, что его ожидает нечто большее, чем простая ссылка.

В то время небольшой каменистый остров Патмос — самый северный остров греческого архипелага Додеканес — был мало населен и тем более просвещен: вряд ли здесь кто-то прежде слышал о христианстве.

Иоанна сослали в большую каменоломню, где он вместе с остальными арестантами рубил камень. Апостол жил в обычной пещере, спал на каменном полу — а ведь в то время он был уже глубоким старцем!

О необычном каторжанине вскоре стало известно правителю острова. В житии рассказывается, как в доме Мирона, тестя правителя, апостол совершал чудеса исцеления, в результате чего покрестились и приняли христианство Мирон, его жена, дети, а затем и сам правитель.

Жители Патмоса с древности поклонялись идолам, особенно здесь чтили Аполлона. Апостол Иоанн состязался с неким местным волхвом Кинопсом и одержал победу — должно быть, и не с ним одним. Известно, что к концу его ссылки

большинство жителей острова уже верили во Христа.

Однажды, когда апостол Иоанн находился в своей пещере, он услышал обращенный к нему с неба Голос. Апостол сразу его узнал и с готовностью спросил: «Что, Господи?» Иоанну было велено провести в пещере еще десять дней, после чего ему будут открыты многие тайны. И вот в воскресный день апостол Иоанн услышал громкий голос, как бы трубный, который говорил: *Я есмь Альфа и Омега, Первый и Последний* (Откр. 1: 10). Перед ним открылось великое и грозное видение, и предстал Ангел Божий, разъясняющий все, что было показано. Апостол позвал ученика, чтобы тот записывал все, что он будет диктовать, и, по преданию, Прохор писал под диктовку два дня и еще шесть часов. Впрочем, время остановилось...

Так появилась Книга Откровения, или Апокалипсис, Иоанна Богослова, где человечеству впервые были приоткрыты тайны будущей судьбы Церкви и конца мира. Апостола и евангелиста Иоанна Богослова называют также Тайновидцем, или Тайнозрителем.

«Откровение» начинается с того, что Иоанн Богослов видит открытые двери, ведущие на небо.

И тотчас я был в духе; и вот, престол стоял на небе, и на престоле был Сидящий (Откр. 4: 2).

Апокалипсис (греч. «откровение») — особая, мистическая книга, которую невозможно пере-

сказать. Она полна загадочных символов и образов — на таком языке Господь в древности говорил с пророками и патриархами. Эти символы можно толковать по-разному, но каждый раз будет приоткрываться лишь небольшая часть той великой тайны, которую Бог сообщил через Апокалипсис человечеству.

Например, образ блудницы Вавилона, сидящей на семиглавом змее, многими прочитывается как Рим, расположенный на семи холмах. Или уже не только Рим?

Вот что видел Иоанн: *посреди престола и вокруг престола четыре животных, исполненных очей спереди и сзади. И первое животное было подобно льву, и второе животное подобно тельцу, и третье животное имело лицо, как человек, и четвертое животное подобно орлу летящему* (Откр. 4: 6–7).

Впоследствии эти образы стали символами четырех евангелистов: лев — символом Марка, телец — Луки, Ангел — Матфея, а орел — самого Иоанна.

Прекрасным и величественным предстает в Откровении Иоанна образ Церкви.

И явилось на Небе великое знамение: жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд (Откр. 12: 1). В Апокалипсисе Христос через апостола Иоанна обращается и к семи конкретным церквям в Азии (римской провинции в Малой Азии) — в Эфесе, Смирне, Пергаме, Фиатире, Сардисе,

Филадельфии и Лаокидии. Считается, что эти семь церквей являются олицетворением всей Вселенской Церкви на разных этапах ее развития, вплоть до наших дней.

«Семь — это символ полноты мира, и Иоанн Богослов обращается к семи Церквям, то есть к полноте всей Церкви», — написал в своем «Толковании на Апокалипсис» священник Даниил Сысоев.

Последняя церковь — Лаодикийская, единственная, о которой ничего хорошего не сказано, — это церковь времен конца мира.

Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих. Ибо ты говоришь: я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды; а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг (Откр. 3: 15–17).

Мы привыкли воспринимать Апокалипсис как страшное повествование о великой вселенской катастрофе перед концом мира, говорить об апокалиптических настроениях, имея в виду самые мрачные предчувствия. Это любимый голливудский сюжет о том, каким будет конец нашей цивилизации. А четыре всадника Апокалипсиса (чума, война, голод и смерть) по-прежнему носят над землей — хотя и в ином воплощении, нежели это изображено у Дюрера, Бёклина, Виктора Васнецова и других художников.

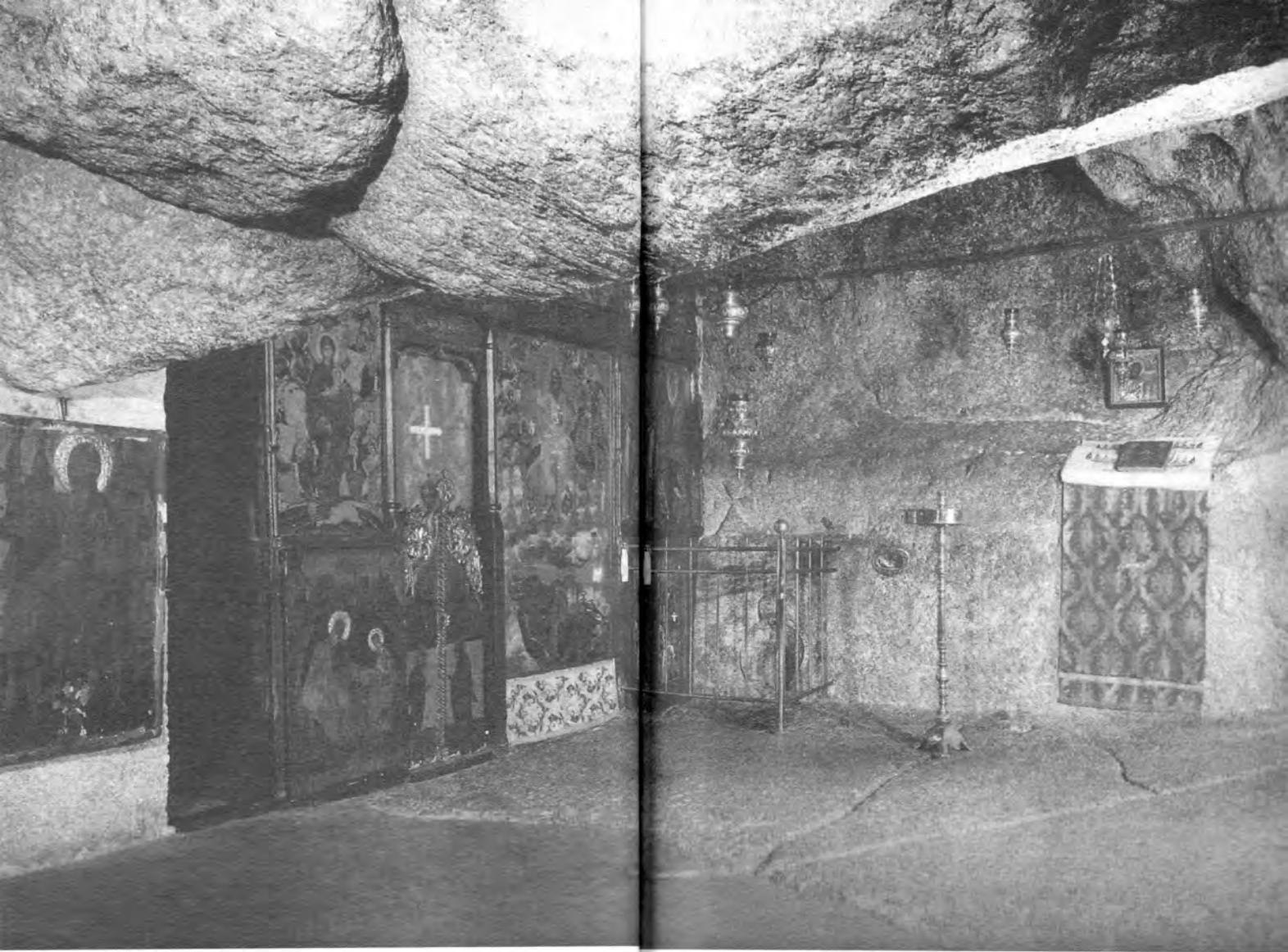
Да, все это так, но христиане первых веков воспринимали Апокалипсис Иоанна Богослова еще и как великое откровение о долгожданной победе добра над злом.

И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло (Откр. 21: 4). Эта книга возвещала верующим о грядущей победе христианства, давала надежду, вдохновляла на мученичество во имя веры. *И слышал я как бы голос многочисленного народа, как бы шум вод многих, как бы голос громов сильных, говорящих: аллилуйя! Ибо воцарился Господь Бог Вседержитель* (Откр. 19: 6). Вот, к примеру, «краткий пересказ» Апокалипсиса апологетом II века Мелитом, епископом Сардийским:

«Таким же образом, в последнее время будет потоп огненный, и сгорит земля с горами ее, сгорят люди вместе с идолами, которых они сделали, и со статуями, которым они поклонялись, и сгорит море с островами его, но праведные сохраняются от гнева, как сохранились праведные в ковчеге от вод потопа».

На рубеже II–III веков был составлен список книг, признаваемых Церковью священными (так называемый канон Муратори), в который был включен и Апокалипсис Иоанна Богослова.

Стали появляться и многочисленные подражания, которые мы называем апокрифами. Например, в Апокалипсисе Петра грешников в аду

Пещера Апокалипсиса, о. Патмос, Греция

наказывают Ангелы в темных одеждах — по мнению автора, там слишком много дыма и копоти, и во время работы Ангелы могут перепачкаться. Но разве сравнишь все эти человеческие измышления с грандиозными видениями апостола Иоанна?

В 96 году император Домициан был убит заговорщиками у себя в спальне. Не помогли ни зеркальные залы, ни толпы осведомителей... Сразу же после смерти Домициана сенаторы распорядились убрать в Риме его памятники и сбить с общественных зданий все надписи с его именем. На престол взошел Нерва, и заключенных при предыдущем правителе стали возвращать из тюрем и ссылок.

Апостол Иоанн и Прохор тоже вернулись в Эфес, где с радостью были встречены христианами. В это время епископом Эфесской Церкви был Тимофей, любимый ученик Павла, который с большим благоговением относился к тому, *которого любил Иисус* (Ин. 13: 23). В Эфесе апостол Иоанн поселился в том же самом доме, где жил до ссылки, и прожил в нем до самой кончины. В этот период он напишет еще одно величайшее произведение — Евангелие от Иоанна.

Чем дальше евангельские события уходили в прошлое, тем больше возникало домыслов относительно Личности Иисуса Христа. Всевозможных ересей будет очень много, и самые устойчивые из них в последующем станут предметом обсуждения на Поместных и Вселенских соборах.

Эфесские христиане убедили апостола Иоанна изложить христианское учение так, как он его принял от Учителя, и самому рассказать всю правду о Христе.

По преданию, Иоанн наложил на всех строгий пост, а сам с Прохором отправился на гору. Примерно на четвертый день внезапно загремел сильный гром, в небе заблестали молнии, и апостол Иоанн продиктовал Прохору первые строки:

В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его... (Ин. 1: 1–5)

Евангелие от Иоанна поистине уникально! С одной стороны, оно содержит глубочайшие тайны, над которыми вот уже два тысячелетия бьются великие богословские умы. *Слово было Бог* (Ин. 1: 1). С другой стороны, Евангелие от Иоанна в большей степени, нежели три остальных — от Матвея, Марка и Луки, — в чем-то можно сравнить с современным репортажем. Если вы хотите узнать, кто именно из учеников задавал Христу тот или иной вопрос или другие подробности, то прежде всего следует обратиться к Евангелию от Иоанна — его писал несомненный очевидец событий.

Только из Евангелия от Иоанна, к примеру, можно узнать, что в момент насыщения Иисусом пяти тысяч людей хлебами именно апостол

Филипп растерянно спрашивал: где нам купить хлеба, чтобы накормить столько народа, а апостол Андрей вспомнил, что у одного мальчика есть пять ячменных хлебов и всего лишь две рыбки. Ведь Иоанн тоже был при этом. В Евангелии от Иоанна — и только в нем одном — рассказано о чуде претворения воды в вино на пиру в Кане Галилейской, о воскрешении Лазаря и его сестрах — Марфе и Марии, приводится разговор Иисуса с фарисеем Никодимом, во время которого присутствовал как минимум еще один внимательный слушатель.

Истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия.

Никодим говорит Ему: как может человек родиться, будучи стар? Неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться?

Иисус отвечал: истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие.

Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух.

Не удивляйся тому, что Я сказал тебе: должно вам родиться свыше. Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит, так бывает со всяким, рожденным от Духа (Ин. 3: 3–8), — говорит Христос Никодиму.

Удивленный Никодим спрашивает: как это может быть? (Ин. 3: 9)

Если Я сказал вам о земном и вы не верите, — как поверите, если буду говорить вам о небесном? (Ин. 3: 12) — с горечью спросит его Иисус.

Но эти слова меньше всего относятся к Иоанну, которому как раз близко «небесное»: ему было дано понимать язык небесных откровений и созерцать духовные видения.

Многие исследователи пишут о том, что к моменту написания апостолу Иоанну были хорошо известны другие Евангелия, и он сознательно стремился восполнить недостающие подробности. И каждой строкой своего благовествования апостол Иоанн доказывает, что Христос — Бог и Сын Человеческий, то есть Богочеловек, а не просто один из пророков или великих учителей нравственности.

Сохранились три соборных послания апостола Иоанна Богослова, и все они проникнуты истинне неземной любовью, которой научил его Христос.

..Любовь познали мы в том, что Он положил за нас душу Свою: и мы должны полагать души свои за братьев. А кто имеет достаток в мире, но, видя брата своего в нужде, затворяет от него сердце свое, — как пребывает в том любовь Божия? Дети мои! станем любить не словом или языком, но делом и истиною (1 Ин. 3: 16–18), — призывает христиан апостол Иоанн.

Многое имею писать вам, но не хочу на бумаге чернилами, а надеюсь прийти к вам и говорить

устами к устам, чтобы радость ваша была полна (2 Ин. 1: 12), — напишет он неизвестной избранной госпоже и детям ее (2 Ин. 1: 1), и это так для него характерно: спешить к кому-то, чтобы доставить полную и совершенную радость, забывая о собственной немощи и годах.

Святой Климент Александрийский в своей проповеди «Кто из богатых спасется» рассказал об апостоле Иоанне трогательную историю. Как-то апостол Иоанн встретил красивого молодого человека, имевшего склонность к добрым делам и изучению духовных предметов. Апостол оставил его на попечение местного епископа, чтобы тот принял его в число оглашенных, а сам отправился в следующий город.

Епископ сначала занимался юношей, учил его, наконец удостоил крещения, после чего перестал особо опекать. Юноша попал в общество порочных людей и вскоре до того докатился, что сделался главарем шайки разбойников и в жестокости даже превзошел других.

Спустя какое-то время апостолу Иоанну случилось опять быть в этом городе, и он сразу же спросил епископа о юноше. «Юноша погиб, — сказал тот, — он умер для Бога и вечной жизни». Это известие глубоко огорчило Иоанна.

«Так ли следовало тебе заботиться о вверенной тебе душе брата? — сказал он епископу. — Дайте мне лошадь и проводника, я поеду за ним». И действительно, старец сам отправился в горы,

разузнав, в каком месте свирепствует банда. Разбойники схватили его и привели к своему начальнику, чего и хотел апостол Иоанн. При виде святого старца юноша до того смутился, что сорвался с места и побежал прочь. Иоанн побежал за ним, громко крича ему вслед: «Сын мой, зачем бежишь от отца? Сжался надо мной, дитя мое; не бойся, есть еще надежда жизни; я буду ответчиком за тебя Христу; я готов отдать жизнь за тебя. Остановись и послушай меня...»

Наконец юноша не выдержал, остановился, бросил оружие и со слезами бросился к ногам Иоанна. Апостол увел его в город и только тогда отпустил от себя, когда раскаявшегося снова приняли в христианскую общину.

В этой истории отражена вся любящая душа апостола Иоанна. Именно о такой безграничной исцеляющей любви писал он в своем Первом соборном Послании:

В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви. Будем любить Его, потому что Он прежде возлюбил нас. Кто говорит: «я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит? И мы имеем от Него такую заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего (1 Ин. 4: 18–21). Иоанн Богослов дожил до глубокой старости. По мнению историков, апостол окончил свои

земные дни приблизительно через 68 лет после Распятия Христа, около 100 года.

Евсевий, епископ Кесарийский, в своей «Церковной истории» писал об апостоле Иоанне: «По возвращении из ссылки с острова после смерти Домициана он имел попечение о тамошних Церквах. Что он дожил до этого времени, это достаточно засвидетельствовано двумя вернейшими свидетелями, вождями церковного правоверия: Иринеем и Климентом Александрийским. Первый из них во 2-й своей книге „Против ересей“ повествует дословно так: „Все асийские пресвитеры, общавшиеся с Иоанном, учеником Господним, свидетельствуют, что он рассказывал об этом; он ведь был с ними до времени Траяна“. В 3-й же книге того самого сочинения он пишет: „И Церковь, основанная Павлом в Эфесе — Иоанн жил там до времени Траяна, — правдивая свидетельница апостольского рассказа“. Царствование императора Траяна началось в 98 году и продлилось девятнадцать лет.

Под конец жизни Иоанн уже не мог ходить. Ученики на руках приносили его в собрание, и апостол все время повторял: «Дети мои, любите друг друга!» (Ин. 13: 34)

Кто-то спросил, зачем он повторяет одно и то же, и апостол Иоанн сказал: «Это — заповедь Господа, в ней заключается все Его учение».

Почувствовав приближение смерти, апостол Иоанн в сопровождении семи учеников отправился за город и велел выкопать крестообразную

могилу по своему росту, а сам, отойдя в сторону, стал молиться. Когда могила была готова, он лег в нее, как в постель, раскинул руки и велел ученикам покрыть его землей.

Ученики сначала покрыли его землей до колен, потом — по шею, а увидев, что святой старец уже не дышит, накрыли его лицо платком и, поцеловав, всего покрыли землей.

Эфесские христиане, узнав о таком необычном погребении апостола Иоанна, наутро пришли и раскопали могилу. Должно быть, они хотели его похоронить в лучшем, более почетном месте. Но могила оказалась пуста!

По преданию, верующие нашли на месте погребения только сандалии апостола Иоанна. И конечно, сразу же вспомнили сказанные Иисусом слова: *Если Я хочу, чтобы он пребыл, пока не приду, что тебе до того?* (Ин. 21: 23) Вот и в Апокалипсисе апостол Иоанн о себе написал: *И сказал он мне: тебе надлежит опять пророчествовать о народах и племенах, и языках и царях многих* (Откр. 10: 11).

Одно из толкований этого пророчества такое: Господь в теле забрал его из этого мира, как некогда ветхозаветных Еноха и Илию-пророка, а в нужный час снова вернет на землю.

Таким образом, Иоанн Богослов оставил нам еще одну великую тайну — тайну своей смерти.

В течение многих веков над могилой святого апостола служат панихиды, и было замечено, что

именно 8 мая на земле появляется хорошо различимый налет, что-то вроде тонкого праха. Верующие стали собирать его и получать исцеления от многих болезней. В память об этом чуде установлен еще один день памяти святого апостола наряду с 26 сентября — празднованием преставления апостола.

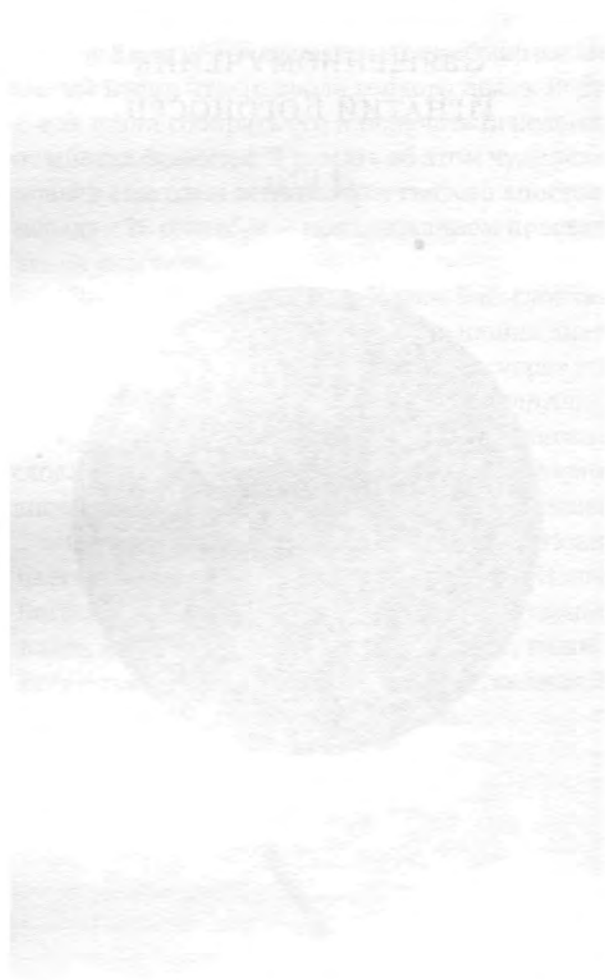
Пещера на Патмосе, где Иоанн Богослов получил Откровение, сохранилась до наших дней. Паломникам показывают расщелину, через которую донесся *громкий голос, как бы трубный* (Откр. 1: 10), перед входом в пещеру написаны слова: «Это место, производящее неизгладимое впечатление, есть дом Божий и врата Небесные».

Среди многочисленных икон апостола Иоанна есть одна, древняя, которая называется «Иоанн Богослов в молчании». На ней апостол поднес палец к губам и как будто говорит: тсс, тише... Ведь о самых последних тайнах Ангел, явившийся в Откровении, велел ему молчать.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК
ИГНАТИЙ БОГОНОСЕЦ

(† 107)

← Священномученик Игнатий Богоносец. Фрагмент мозаики. Церковь Богородицы Паммакаристы, Константинополь, Византия. XIV в.

*Все вы составляйте из себя
как бы один храм Божий...*

На пристани в Смирне собрались встречающие. Путешествующих по морю нередко приветствовали на берегу праздничные процессии — с музыкантами, певцами, актерами, а также жрецами, чтобы сразу же совершить жертвоприношение в честь благополучного исхода плавания.

Но эти люди стояли молча, немного в стороне от всех, напряженно глядя на море. «Христиане», — шепнул кто-то, проходя мимо. Наконец на горизонте показался корабль. Ближе, еще ближе... Судно причалило к пристани, и конвой вывел на берег изможденного седовласого старца. При виде смирнских христиан его лицо озарилось радостью. Старец поднял руки — все увидели, что они закованы в тяжелые цепи, — и своими узами благословил встречавших.

«Я несу на себе узы, этот духовный жемчуг», — напишет он в одном из своих посланий.

Это был епископ Антиохийской Церкви Игнатий, прозванный Богоносцем. Христиане Малой

Азии знали, что император Траян приговорил его к растерзанию зверями в Колизее во время декабрьских сатурналий (языческого праздника в честь бога земледелия Сатурна), и теперь старца по морю везли на казнь в Рим. Повсюду, где в пути останавливался корабль, на берегу собирались христиане, чтобы получить его благословение. Из толпы встречающих вышел человек лет сорока. Не обращая внимания на стражников, он приблизился к узнику и приветствовал его братским лобзанием.

Поликарп, епископ Смирнский, по возрасту годился епископу Антиохийскому в сыновья, но они были связаны духовным родством. Оба епископа являлись учениками Иоанна Богослова, этого великого «апостола любви».

Игнатий Богоносец познакомился с апостолом Иоанном, когда любимый ученик Христа еще жил в Палестине. Поликарп, епископ Смирнский, стал учеником Иоанна Богослова гораздо позже, когда тот после ссылки на Патмос снова поселился в Эфесе. Отсюда апостол руководил христианскими общинами в разных малоазиатских городах, в том числе и в Смирне. И конечно, не мог не заметить горячей веры Поликарпа. Именно его, несмотря на молодость, Иоанн Богослов самолично рукоположил в епископа Смирнской Церкви.

И вот осенью 107 года епископы Поликарп Смирнский и Игнатий Богоносец наконец-то встретились...

Игнатий Богоносец по происхождению был сирийцем и жил в Антиохии Сирийской. Существует предание, будто он был тем самым ребенком, которого однажды взял на руки Христос, сказав ученикам: *Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное... и кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает* (Мф. 18: 3, 5).

Если это так, значит, его родители могли быть в числе тех, кто слушал проповеди Христа в Галилее.

Впрочем, по свидетельству святого Иоанна Златоуста, который тоже вырос в Антиохии и хорошо был знаком с преданиями местной Церкви, епископ Игнатий Богоносец никогда не видел Христа во плоти. Но он так сильно Его любил, как бы постоянно носил в своем сердце, что христиане прозвали его Богоносцем. Игнатий Богоносец был рукоположен в епископа Антиохийской Церкви в конце 60-х годов I века, по одной версии — апостолом Павлом, по другой — апостолом Петром. В любом случае это означает, что он был достоин епископского служения.

В Послании к Титу апостол Павел перечислил качества, которыми, на его взгляд, должен обладать епископ: *...непорочен, как Божий домостроитель, не гневлив, не пьяница, не бийца¹, не корыстолюбец, но страннолюбив, любящий добро, целомудрен, справедлив, благочестив, воздержан,*

¹ Драчун, задира.

держащийся истинного слова, согласного с учением, чтобы он был силен наставлять в здравом учении... (Тит. 1: 7–9) Несомненно, все это было и у епископа Игнатия Богоносца. Как писал его последователь по антиохийской кафедре Иоанн Златоуст, «руки блаженных апостолов касались священной главы его». И не так важно, кого именно:

«Когда я говорю о Павле, то разумею не только его одного, но и Петра, и Иакова, и Иоанна, и весь их сонм, потому что как в одной лире, хотя различны струны, но гармония одна...»

Так вот, о гармонии. Однажды во время богослужения Игнатий Богоносец слышал ангельское пение на два хора. Один хор Ангелов пел, а другой вступал после того, как замолкал первый, подхватывая дивную мелодию. После этого видения епископ установил и в своей Церкви такое же пение на два хора — антифонное пение пришло к нам из древней Антиохии.

Сорок лет епископ Игнатий руководил антиохийской общиной, и эти годы для христиан прошли без каких-либо особенных потрясений.

До провинций не успел докатиться вал «нероновых гонений», которые закончились в 68 году со смертью Нерона. Следующие императоры — Веспасиан и его сын Тит — были заняты преимущественно войной против иудеев, а затем восстановлением разрушенного. Другой сын Веспасиана — Домициан, правивший страной пятнадцат

цать лет, мало интересовался тем, что происходит за пределами Рима, и боялся надолго отлучаться из столицы. Ему на смену пришел престарелый Нерва, который пробыл на троне всего два года и мало что успел сделать.

Но вот в 98 году на престол вступил воинственный, властный император Траян, и ситуация в стране сразу же изменилась. Именно при нем впервые начались узаконенные государством преследования христиан во всех областях империи. Примерно через год своего правления Траян издал эдикт против тайных обществ, желая пресечь любые попытки государственных переворотов и бунтов. По новому эдикту всех подозрительных личностей нужно было немедленно привлекать к суду и допрашивать с пристрастием.

А ведь под этот указ подходили и все без исключения христиане! Со времен «нероновых гонений» верующие, как правило, проводили свои собрания тайно, за закрытыми дверями в частных домах или даже катакомбах, и не допускали на них посторонних. Таинство Евхаристии совершалось ночью или перед самым рассветом, при свечах, — и несведущим это тоже казалось подозрительным. Враги христианства сразу же воспользовались новым эдиктом и стали отправлять христиан на суд как заговорщиков, участвующих в тайных собраниях. Любому из них, включая женщин, детей и стариков, грозило наказание тюрьмой, ссылкой или конфискацией имущества.

Пещерная церковь св. Петра в Антиохии (современная Антакия, Турция). I в.

О том, как появился указ Траяна, направленный непосредственно против христиан, нам известно из писем Плиния Младшего — племянника известного историка Плиния Старшего. В то время Плиний Младший, хорошо разбиравшийся в юридических законах, литературе и весьма преуспевавший в искусстве жить в свое удовольствие, служил губернатором одной из областей Малой Азии, в Вифинии. Он был крайне озадачен тем, что к нему на суд стали доставлять множество людей, обвиняемых в нарушении указа о тайных обществах. Причем допросы, даже с применением пыток, не смогли выявить никакой вины, кроме того, что все они называются христианами.

Плиний Младший написал императору Траяну письмо, в котором спрашивал совета, как ему следует поступать с этими странными преступниками, чтобы не нарушить закона.

Император Траян дал ответ в виде нового указа. В нем говорилось, что христиан не следует специально повсюду разыскивать, как других опасных преступников, и принимать на них анонимные доносы, но, если кто-то выдвинет официальные обвинения и представит их на суд, — наказывать по всей строгости, вплоть до смертной казни.

О противоречивости и жестокости эдикта Траяна с горечью писал христианский писатель II века Тертуллиан:

«Траян ответил [Плинию], что не надо христиан разыскивать; если же их схватят по доносу, то следует казнить. Увы, приказ противоречивый в силу необходимости! Траян объявляет нас невинными, запрещая нас разыскивать, и в то же время считает преступными, приказывая казнить: он милостив и беспощаден, податлив и суров...»

Новый указ развязывал руки всем, кто ненавидел христиан: от убежденных язычников до завистливых соседей, которые были не против поживиться чужим имуществом.

Но не надо думать, что римляне ненавидели христиан, потому что старались защитить свои религиозные чувства и древние традиции.

Религиозные настроения сограждан прекрасно выразил в своих «Сатирах» современник описываемых событий римский поэт Ювенал.

*...Что за насмешки в толпе вызывает твоя простоватость,
Ежели всем ты велишь свое слово держать и поверить
В то, что на всех алтарях обгазренных и в храмах есть боги?*
(Сатира 13)

А вот как он описывает обычную сцену в суде.

*...Как громогласно лжец отпирается, как он уверен:
Солнца лучами божится он твердо, тарпейским перуном,
Грозным Марса копьем, прорицателя киррского луком;
Он побожится стрелой и колчаном Охотницы-девы,
Даже трезубцем твоим, Нептун, Эгея родитель;
Лук Геркулеса он вспомнит, прибавит и дротик Минервы...*
(Сатира 13)

Даже простой народ давно уже не верил в «трезубцы Нептуна», стараясь не пропускать представления мимов, где высмеивались похождения Дианы или Юпитера, не говоря уж об образованных римлянах. Плиний Старший начинает свою «Естественную историю» с того, что вообще отрицает существование богов, утверждая, что единственным божеством является Природа, которая не слишком благоволит к людям.

Многие римляне давно с большей охотой участвовали в экзотических и таинственных мистериях, посвященных египетской богине Исиде, иранскому божеству Митре или восточным божествам Кибеле и Аттису, чем в жертвоприношениях «морально устаревшим» отеческим богам.

*...Ты слышишь ли это, Юпитер?
Ты не подвигнешь уста, когда
Должен был бы исторгнуть
Божий свой глас, будь мраморный ты,
будь и медный?
Зачем же благочестиво тебе мы кладем,
развернувши, бумажки,
ладан на уголь, телят рассеченную печень
и сальник белой свиньи?
Видно, нет никакого различия между
ликами высших богов
и Вагеллия статуей глупой.*

(Сатира 13)

И все же существовал один культ, который должны были неукоснительно соблюдать все без

исключения жители Римской империи, — это культ цезаря.

Так повелось со времен Цезаря Августа, который взял на себя роль верховного понтифика, то есть главного жреца империи. Все римляне обязаны были держать у себя дома, на почетном месте, наряду с домашними пенатами и ларами (богами — покровителями домов) изображение императора — и в праздничные дни украшать его венками. И это было только начало...

Римский писатель Гай Светоний в книге «Жизнь двенадцати цезарей» рассказывал: «...Калигула настолько притязал на божественное величие, что приказал привезти из Греции множество статуй богов, велел снять с них головы и заменить их на изваяния его собственной головы. Он доходил даже до того, что звал к себе в объятья полную луну, а днем имел привычку беседовать с Юпитером Капитолийским, делая это порой сердито и властно».

Когда Калигула потребовал, чтобы его изображение в виде божества поставили в Иерусалимском храме, это едва ли не привело к вооруженному восстанию иудеев.

Не менее склонный к безумствам Нерон довел свой культ до апогея. Он повелел, чтобы подданные верили не только в его богоподобность, но считали божествами его супругу Пoppею, некоторых любимых актеров и домашних животных. Тот, кто в этом сомневался, получал из

дворца приказ вскрыть себе вены. Когда Поппея родила дочь, умершую вскоре после появления на свет, испуганный сенат единогласно проголосовал за обожествление младенца. После смерти Нерона его гигантскую статую в облике Аполлона с трудом смогли сдвинуть с места 24 слона...

Император Домициан, провозгласивший божественными себя, своего отца, брата, жену, сестер, даже основал особый жреческий орден — флавиалов, в честь рода Флавиев, с целой системой замысловатых религиозных обрядов.

Некоторые римские императоры по своему усмотрению объявляли себя воплощениями конкретных божеств. Например, император Септимий Север повелел считать себя воплощением египетского бога Сераписа, Максимиан Геркул — явившимся на землю Геркулесом. Более сдержанные императоры требовали поклонения все же не себе лично, а своему «гению» — невидимому божеству. Такие божества, считали римляне, охраняют любого человека.

Каждый владыка вносил в культ цезаря свои неповторимые краски, но в целом это выражалось примерно одинаково: в общественных местах перед статуями императоров курился фимиам, как перед изваяниями римских богов; перед ними должны были совершаться жертвоприношения.

И только христиане решительно не признавали культ цезаря! Они отказывались приносить жертвы в честь императора, курить фимиам

перед его статуей и клясться его гением, видя в этом оскорбление своего Бога.

В 106 году император Траян одержал победу над скифами. В честь этого события повсеместно устраивались пышные празднества с жертвоприношениями языческим богам и «гению» цезаря. В Риме триумфальные торжества продолжались четыре месяца, и все это время для народа устраивались бесчисленные зрелища и развлечения.

Выступая в новый поход против армян и парфян, Траян с войском проходил через Антиохию Сирийскую. Кто-то сообщил императору, что местные христиане, подстрекаемые епископом, не хотят воздавать ему подобающих почестей и не участвуют в празднествах. Траян велел привести к нему Игнатия, епископа Антиохийского.

Сохранился уникальный документ под названием «Мученичество Игнатия», где подробно рассказано об их встрече. Документ известен в нескольких редакциях, описывающих события с различной степенью подробности. Не исключено, что в его основу легли записи очевидцев казни Игнатия Богоносца в Риме, которые дополнили свои впечатления сведениями о предшествующих событиях. Таким образом, «Мученичество» могло быть составлено вскоре после смерти епископа, то есть уже в начале II века.

Вот как описан в «Мученичестве Игнатия» разговор епископа с императором Траяном.

— Кто такой Богоносец? — спросил Траян.

— Тот, кто имеет Христа в груди своей, — ответил епископ Игнатий.

Траян задал следующий вопрос:

— Не кажется ли тебе, что и мы имеем в умах наших богов, к помощи которых прибегаем в противостоянии нашим врагам?

— Ты заблуждаешься, когда называешь демонов языческими богами, — возразил ему епископ. — Ибо Один лишь есть Бог, сотворивший небо и землю, и море, и все, что в нем, и Один Иисус Христос...

Игнатий Богоносец не согласился совершить жертвоприношение перед статуей императора, и цезарь приказал бросить неговорчивого старца на растерзание зверям на арене, считая такую казнь самой лютой. По всей видимости, в это время в Антиохии как раз проходили гладиаторские игры в честь цезаря.

Но кто-то из придворных услужливо подсказал Траяну, что в городе, где епископа все знают и любят, публичная смерть послужит славе мученика, и предложил отправить Игнатия Богоносца на игры в Рим, где зрители в Колизее примут старца за одного из преступников, осужденных на казнь.

Услышав приговор, Игнатий Богоносец воскликнул:

— Благодарю Тебя, Господи, что Ты соизволил удостоить меня совершенной любви к Тебе, и соделал меня связанным оковами железными, как апостола Твоего Павла!

Епископ не раз будет вспоминать имя апостола Павла, во многом повторив его последний путь в Рим: тоже на корабле, в железных узах... Вот только конвоиры епископу Антиохийскому попались куда более жестокие. Как повествует «Мученичество...», старец «был поспешно увенден с беспощадной жестокостью солдатами, как некий удивительный агнец...»

Антиохийские христиане с плачем проводили своего епископа до порта в Селевкии — того самого, откуда апостол Павел с Варнавой и Марком когда-то отправились в первое миссионерское путешествие, а Игнатий Богоносец — в свое последнее. Один из учеников епископа, Рей Агафопод, упросил стражников, чтобы ему разрешили сопровождать во время плавания восьмидесятилетнего старца. Игнатий Богоносец скажет о нем в Послании, что это был «муж избранный, который сопутствует мне от Сирии, отказавшись от жизни».

Теперь нам трудно представить все тяготы морского путешествия, которое длилось несколько месяцев. Сначала корабль должен был обогнуть южные берега Малой Азии, затем от западного порта полуострова двинуться к Италии. И опять была осень, время затяжных дождей и бурь на Средиземном море...

Солдаты-конвоиры торопились, как им было приказано, успеть в Рим к декабрьским сатурналиям, когда для народа в театрах и цирках

устраивались самые кровавые и разнузданные зрелища.

Епископ всего один раз обмолвится в Послании, сколько ему пришлось претерпеть в дороге: «На пути из Сирии до Рима на суше и на море, ночью и днем я уже борюсь со зверьми, будучи связан с десятью леопардами, то есть отрядом воинов, которые от благодеяний, им оказываемых, делают только злее».

В каждом порту, куда приставал корабль, чтобы пополнить запасы воды и продовольствия, узника встречали христиане. И не они ему, а он им говорил слова ободрения и утешения, напоминая, что христианину не пристало бояться смерти, которая есть лишь переход в вечную жизнь.

Христиане «получали немалое утешение, видя мученика идущим на смерть с такой готовностью, с какой естественно было идти призываемому в небесные чертоги», — напишет святой Иоанн Златоуст.

В Смирне, где состоялась памятная встреча Игнатия Богоносца с епископом Поликарпом Смирнским, по какой-то причине корабль задержался на несколько дней. Поэтому здесь успели собраться епископы, пресвитеры, диаконы из ближайших церквей, чтобы получить наставления от епископа, который отправлялся на мученичество.

Благодаря посланиям Игнатия Богоносца мы имеем представление о некоторых из этих людей: Поливий — епископ Траллийской Церкви,

«которого сама наружность весьма поучительна, а кротость исполнена силы»; Онисим — епископ Эфесской Церкви, «муж несказанной любви»; Дамас — молодой по возрасту, но уже «богодостойный» епископ Магнезийской Церкви; не названный по имени епископ Филадельфийской Церкви, кто «в молчании сильнее тех, которые говорят пустое»; Филон — «диакон из Киликии, муж засвидетельствованный» и многие другие... Именно о них Игнатий Богоносец скажет: «Все вы спутники друг другу, Богоносцы и храмосцы, Христоносцы, святоносцы, во всем украшенные заповедями Иисуса Христа», желая разделить с ними громкую славу своего имени.

Особое утешение епископу Игнатию доставила встреча с представителями Эфесской Церкви, где так много в свое время потрудились апостол Павел и апостол Иоанн Богослов.

В Послании к Ефессянам Игнатий скажет: «Я отребие ваше, и должен очиститься вашею, ефесяне, знаменитою в веках Церковью».

И конечно же, не забудет упомянуть о своем великом предшественнике: «Вы сотаинники Павла освященного, засвидетельствованного, достоблаженного, у ног которого желал бы я быть, когда приду к Господу».

Встреча в Смирне была очень важной для малоазийских епископов — на ней они смогли поделиться самыми острыми проблемами в своих общинах. Где-то прихожане не хотели слушаться

слишком молодого или чересчур строгого епископа, в другой Церкви подозревали диаконов в неправильном распределении пожертвований, а в третьей — увлекались новомодными учениями и ересями.

Авторитетный, обладающий сорокалетним опытом руководства Антиохийской Церковью епископ Игнатий всех внимательно выслушивал и давал советы. Покинув Смирну, он постарался еще точнее сформулировать свои мысли в посланиях к церквям, которые писал по пути в Рим.

Меньше всего в эти дни Игнатий Богоносец думал о собственной участи, скорой лютой смерти на арене, — его волновало, как дальше без него будет жить Церковь. Он видел, какую разрушительную опасность таили в себе непослушание духовенству, самомнение, стремление новообращенных жить своим умом, игнорируя жизнь общины.

«Если молитва двоих имеет великую силу, то сколько сильнее молитва епископа и целой Церкви? — писал он в Послании к Ефесянам. — Поэтому кто не ходит в общее собрание, тот уже возгордился и сам осудил себя; ибо написано: Бог гордым противится».

«Един Христос, и лучше Его нет ничего. Поэтому все вы составляйте из себя как бы один храм Божий, как бы один жертвенник, как бы одного Иисуса...» — увещевал он христиан магнезийской общины, а по сути — и всех нас.

«Посему необходимо... ничего не делать без епископа, — передал он наказ в Послании к Траллийцам, не забыв упомянуть и о конкретной причине возникших у них разногласий. — ...Диаконам, служителям таинств Иисуса Христа, все должны всячески угождать, ибо они не служители яств и питий, но слуги Церкви Божией, поэтому-то и им должно беречься от нареканий, как от огня».

Игнатий глубоко убежден: без Церкви христианин не в силах самостоятельно разобраться в многочисленных ересьях, «злых учениях и бесполезных баснях» и уберечься от тех, кто «подают смертоносную отраву в подслащенном вине».

Сохранить чистоту христианского учения можно, только соблюдая единоначалие и доверяя епископам, которых рукоположили апостолы, а те, в свою очередь, получили благодать от Самого Иисуса Христа, — сколько бы после этого ни сменилось поколений. «Епископы, поставленные по всем концам земли, находятся в мысли Иисуса Христа», — сказал он в Послании к Ефесянам.

А в Послании к Траллийцам Игнатий Богоносец дал полезный совет — как «вычислять» лжепроповедников и сектантов: «Ежели ни тот, ни другой не говорят об Иисусе Христе, то они, по мне, столпы и гробы мертвых, на которых написаны только имена человеческие».

Словно заглядывая на два тысячелетия вперед и предвидя проблемы современной Церкви, святой Игнатий предупреждал, что нельзя быть

«немножко христианином», — каждому необходимо сделать четкий выбор и быть готовым ответить за него жизнью.

«...Есть как бы две монеты, одна Божия, другая мирская, и каждая из них имеет на себе собственный образ, неверующие — образ мира сего, а верующие в любви — образ Бога Отца через Иисуса Христа. Если мы чрез Него не готовы умереть по образу страдания Его, то жизни Его нет в нас».

Предугадал Игнатий Богоносец и особый, изощренный грех христианской гордыни, когда уверовавшие во Христа считают себя избранными и со скрытым высокомерием относятся ко всем, кто еще не познал истины. «Но и о других людях непрестанно молитесь. Ибо есть им надежда покаяния, чтобы прийти к Богу. Дайте им научиться, по крайней мере, из дел ваших. Против гнева будьте кротки; против их велеречия — смиренномудренны, их злословию противопоставляйте молитвы, их заблуждению — твердость в вере, против их грубости будьте тихи. Не будем стараться подражать им, — напротив, своей снисходительностью окажем себя братьями их и постараемся быть подражателями Господу», — писал Игнатий Богоносец ефесянам.

«Составляйте же из себя вы все до одного хор», — вот его наказ всем христианам. При этом епископ просил, чтобы его не воспринимали как строгого учителя, и даже мучился своей известностью. «Хваля меня, они наносят мне

раны», — признавался он в Послании к Траллийцам. А эфесским христианам говорил: «Только теперь начинаю учиться, и обращаюсь к вам как к моим соучителям».

По пути в Рим Игнатий Богоносец отдельно написал Поликарпу, епископу Смирнскому. Его послание напоминает передачу наследства, только незримого, — так делают, прощаясь с жизнью, заботливые отцы, передавая дела тем, кто остается их продолжать. И главное богатство епископа Антиохийского — его многолетний опыт в служении Богу и людям.

Он завещал Поликарпу много молиться, бодрствовать и трудиться, так как «где больше труда, там больше и приобретения». Велел ему научиться любить не только хороших учеников, но и «худых покорять кротостью».

«Стой твердо, как наковальня, по которой бьют, — писал он тому, кому предстоит еще пятьдесят лет управлять паствой в Смирне, дожить до глубокой старости и тоже мученической кончиной завершить свой путь. — Борцу свойственно принимать удары и побеждать. Будь еще усерднее, нежели каков теперь. Вникай в обстоятельства времени».

Поликарп Смирнский усвоил эти наказы. Рассказывают, что, когда ему приходилось слышать ересь, он затыкал уши и восклицал: «Боже, до чего допустил Ты меня дожить!» — и убегал с того места, где произносили хулу на Церковь. Их

троих — епископов Игнатия Антиохийского, Поликарпа Смирнского и еще Климента Римского — историки Церкви назовут «мужами апостольскими». Они стали как бы связующим звеном между ближайшими учениками Христа — апостолами и последующими поколениями христиан.

Письмо Поликарпу епископ Игнатий Богоносец писал в Троаде, откуда внезапно, «по воле начальства» корабль отплыл в Неаполь. Но в Троаде епископа успело застать радостное известие о прекращении гонений на христиан в Антиохии. По всей видимости, Траян ушел на войну, и доносы на какое-то время прекратились.

Удивительно, что Игнатий Богоносец, не имея возможности выбрать свой маршрут, двигался практически по следам апостола Павла: Троада, любимые Павловы Филиппы, Рим... Когда корабль достиг Путеол близ Неаполя, восьмидесятилетний епископ попросил охранников высадить его на берег. Он хотел дойти до Рима пешком — тем же самым путем, что когда-то проделал в узах апостол Павел. Но сильный ветер помешал судну пристать к берегу, и епископа Игнатия высадили в другом месте. До времени его мученичества оставались считанные дни.

В «Мученичестве Игнатия» кто-то из свидетелей морского путешествия написал:

«...Продолжались попутные ветры, и мы неохотно торопились, преодолевая весь путь за один день и одну ночь, печалась о приближающемся

отшествия от нас этого праведника. Но с ним все происходило, как он и желал, ибо он торопился, сколько возможно скорее покинуть этот мир, чтобы достигнуть Господа, Которого любил». Подобно апостолу Павлу, Игнатий Богоносец напишет Послание к Римлянам, в котором больше, чем где-либо, будет говорить о своей предстоящей участи. И для этого была причина: стало известно, что христиане в Риме ищут возможности спасти епископа Антиохии от казни, вплоть до того что готовят по дороге засаду на конвоиров.

Игнатий Богоносец в письме настоятельно просит их не делать этого и вообще не заботиться о его освобождении: «Умоляю вас: не оказывайте мне неблагоприятной любви. Оставьте меня быть пищею зверей и посредством их достигнуть Бога. Я — пшеница Божия: пусть измельют меня зубы зверей...»

Есть там и такое потрясающее признание: «Живой пишу вам, горя желанием умереть».

«Он старался подражать апостолам не только смертью, но и готовностью к смерти», — скажет святой Иоанн Златоуст.

20 декабря, в день языческого праздника сатурналий, святого старца вместе с другими приговоренными к казни вывели на арену Колизея.

«Теперь дело не в исповедании только, а в силе веры, если кто пребудет в ней до конца», — писал епископ Игнатий в Послании к Ефесянам. Пришел и его час доказать это.

Предание повествует, что, идя на казнь, он непрестанно повторял Имя Иисуса Христа. Когда солдаты спросили, почему он это делает, Игнатий Богоносец ответил: «Кто запечатлен в моем сердце, Того я устами исповедую».

О том, что происходило на арене, также известно из «Мученичества Игнатия».

Старец «...со всей поспешностью был увлечен в амфитеатр. И он был немедленно брошен туда, в согласии с данным прежде повелением Цезаря. Публичное представление как раз уже близилось к завершению (а это был так называемый торжественный день, который на римском языке именуется тринадцатым, во время которого люди по обыкновению собирались в больших количествах, чем обычно). И он был брошен в клетку к диким зверям, за храмом, чтобы благодаря им (зверям) было исполнено желание святого мученика Игнатия... ибо он хотел, чтобы братья не имели хлопот, собирая его останки, и выразил до того в своем послании желание, чтобы таким был его конец. И из его святых останков сохранилась лишь малая часть, которую перевезли в Антиохию и обернули в льняное полотно как неоценимое сокровище, оставленное Церкви благодатью, которая пребывала в святом мученике».

Как замечательно сказал святой Иоанн Златоуст: «Он с такой легкостью сложил с себя тело, с какой иной снял бы с себя одежду».

А примерно через месяц состоялось торжественное перенесение мощей епископа в Антиохию, что, по словам Иоанна Златоуста, «увеличило пользу для церкви от его путешествия в Рим».

Вот как описывает Иоанн Златоуст это событие: «Как храброго атлета, победившего всех своих противников и с блестящей славой вышедшего с места борьбы, зрители тотчас принимают и не дают ему даже ступить на землю, но несут его домой на руках своих, осыпая бесчисленными похвалами, — так точно и этого святого, начиная от Рима, преемственно принимали тогда и несли на раменах своих до здешнего города, восхваляя увенчанного победителя»...

И это было как раз то единственное, что завещал сделать для него святой епископ в Послании к Римлянам, — не забывать его в молитвах.

«Не делайте для меня ничего более, как чтобы я был заклан Богу теперь, когда жертвенник уже готов, и тогда составьте любовью хор и воспойте хвалебную песнь Отцу во Христе Иисусе, что Бог удостоил епископа Сирии призвать с востока на запад. Прекрасно мне закатиться от мира к Богу, чтобы в Нем мне воссиять...»

Уже в апостольские времена существовал обычай в церквях вслух зачитывать послания и наставления апостолов. Эти письма, написанные учениками Христа или даже хотя бы содержащие их подпись, верующие хранили как святыню, переписывали, передавали в другие общины.

Вскоре к ним стали прибавляться и свидетельства о мучениках, пострадавших за веру.

Сохранилось Послание Поликарпа Смирнского к Филиппийцам, в котором он просил сообщить ему все, что им известно об Игнатии Богоносце:

«Послания Инатия, присланные им к нам, и другие, сколько их есть у нас, мы отправили к вам, согласно вашему требованию... Вы можете получить из них великую пользу. Ибо они содержат в себе веру, терпение и всякое назидание в Господе нашем. Что вы узнаете верного о самом Игнатии и его спутниках — сообщите нам», — писал он христианам в Филиппах.

Начиная со II века допросы, обстоятельства казни, последние слова мучеников подробно записываются. В день смерти мученика, точнее в день его рождения в вечную жизнь, торжественно отмечают его память: в церкви вслух зачитывают сведения о его житии и кончине, за него возносят молитвы, в его честь совершается вечеря любви.

«Пшеница Божия» не была перемолота — она повсюду дала дружные всходы.

В раннехристианском Послании к Диогнету (авторство не установлено) есть замечательное описание христианской «нивы» того времени: «Христиане не различаются от прочих людей ни страной, ни языком, ни житейскими обычаями. Они не населяют где-либо особенных городов, не употребляют какого-либо необыкновенного на-

речья и ведут жизнь, ничем не отличную от других. Только их учение не есть плод мысли или изобретение людей, ищущих новизны, они не привержены к какому-либо учению человеческого, как другие. Но, обитая в эллинских и варварских городах, где кому досталось, и следуя обычаям тех жителей в одежде, в пище и во всем прочем, они представляют удивительный и поистине невероятный образ жизни. Живут они в своем отечестве, но как пришельцы; имеют участие во всем, как граждане, и все терпят, как чужестранцы. Для них всякая чужая страна есть отечество, и всякое отечество — чужая страна. Они вступают в брак, как и все, рожают детей, только не бросают их. Они имеют трапезу общую, но не простую. Они во плоти, но живут не по плоти. Находятся на земле, но суть граждане небесные. Повинуются постановленным законам, но своею жизнью превосходят самые законы. Они любят всех и всеми бывают преследуемы. Их не знают, но осуждают, умерщвляют их, но они животворятся; они бедны, но многих обогащают. Всего лишены, и во всем изобилуют. Бесчестят их, но они тем прославляются; клеветают на них, и они оказываются праведны; злословят, и они благословляют; их оскорбляют, а они воздают почтением; они делают добро, но их наказывают, как злодеев; будучи наказываемы, радуются, как будто им давали жизнь... Откуда все это? Это не дело человека — это сила Божия».

Текст этого письма случайно был найден в Константинополе в XV веке, в лавке среди оберточной бумаги. До этого кем-то многократно переписанный, он хранился на протяжении веков, как и послания святого епископа Антиохийского.

В Послании к Римлянам Игнатий Богоносец предупреждал, что испытания для христиан еще не закончены: «Христианство — не в молчаливом убеждении, но в величии дела, особенно когда ненавидит его мир».

МУЧЕНИК
ИУСТИН ФИЛОСОФ

(ОК. 100–165)

← *Мученик Иустин Философ*. Фреска. Феофан Критский и Симеон.
Монастырь Ставроникита, Афон, Греция. 1546 г.

*...Несправедливо ненавидящих нас
стараемся убеждать...*

Однажды утром в Эфесе по аллеям приморского парка прогуливался человек лет тридцати в плаще философа. Навстречу ему вышла веселая компания молодых людей.

— Здравствуй, философ! — приветствовал его один из них. После чего изменил свой маршрут и с важным видом, нога в ногу, стал вышагивать рядом с философом. То же самое, явно дурачась, сделали и его спутники.

— Что тебе угодно от меня? — спросил философ зачинщика шутки.

На что тот непринужденно ответил, что просто-напросто следует совету одного своего приятеля, последователя Сократа, который учил: как только увидишь человека в греческом плаще философа, постарайся вступить с ним в беседу. Вдруг это обоим пойдет на пользу? Вот и другие надеются услышать от нас что-нибудь поучительное.

— Кто же ты, превосходнейший из смертных? — смеясь, спросил философ. Словоохотли-

вого прохожего звали Трифоном. Он был евреем, переселившимся во время последней войны из Иудеи в Грецию, и теперь по большей части жил в Коринфе. Философ тоже оказался гостем города и назвал свое имя: Иустин. В Эфесе он задержался, со дня на день ожидая корабля в Рим. Узнав о том, что Трифон — еврей, Иустин заинтересовался: зачем же тому, кто с детства знаком со Священным Писанием, искать мудрости у греков?

— Почему нет? — живо ответил Трифон. — Не есть ли настоящая задача философии — исследовать природу божества?

Иустин спросил: вот только для чего, с какой целью? Многие философы ставят перед собой задачу доказать, что боги равнодушны к жизни людей. Не толкает ли подобная философия, вместо того чтобы облагораживать душу, на путь порочной жизни, безнаказанности и вседозволенности?

Завязался весьма интересный разговор — один из тех, что так любили вести образованные люди в античные времена, особенно на природе, прогуливаясь среди цветущей зелени.

— А что ты думаешь об этом, какое мнение твое о Боге и какая твоя философия? — спросил Трифон собеседника с приятной улыбкой.

Хорошо, что к этому моменту он и его приятели успели присесть на мраморную скамью. Этот обходительный ученый грек, облаченный в греческий плащ философа, назвался христианином!

Забыв о приличиях, молодые люди стали громко смеяться. В начале II века о христианах ходили самые нелепые слухи, вплоть до того, что они поедают присыпанных мукой младенцев и поклоняются голове осла, а также множество скабрзных анекдотов о «вечерях любви».

Даже Трифон не удержался от снисходительной улыбки и заметил:

— Вы, христиане, приняли ложный путь, вообразили себе Какого-то Христа и ради Него так безрассудно губите вашу жизнь.

Философ попытался было что-то объяснить, но товарищи Трифона не могли успокоиться и громко гоготали. Иустин встал, чтобы уйти, и тут Трифон с умоляющим видом схватил его за край плаща, заявив, что ни за что не отпустит, пока тот не выполнит обещания и не поделится своей философией.

Иустин согласился продолжить беседу наедине. Товарищи Трифона со смехом удалились, а двое любителей мудрости стали прогуливаться по аллеям и беседовать. Но когда они дошли до скамейки, где в тени деревьев можно было укрыться от зноя, там уже сидели приятели Трифона и громко рассуждали о недавней иудейской войне.

А поговорить было о чем! В 132 году в Иудее вспыхнул мятеж против власти римлян, на его подавление император Адриан направил большое войско. В 135 году Иерусалим вторично был разрушен и теперь даже переименован: отныне это

была римская колония Элия Капитолина, названная в честь Юпитера Капитолийского. По тому месту, где некогда стоял Иерусалимский храм, прошелся плуг, а борозда была засыпана солью — по древним римским обычаям это означало, что здесь ничего нельзя строить без особого разрешения сената.

Всем иудеям под страхом смертной казни запрещалось не только жить в Иерусалиме и его окрестностях, но даже приближаться к нему. Лишь раз в году, в годовщину разрушения города, евреям дозволялось издалека взглянуть на то место, где когда-то находился храм, — да и то за деньги, как будто в насмешку.

В результате таких событий многие евреи, и по всей видимости Трифон с приятелями, сделались вынужденными эмигрантами.

Дождавшись, когда разговор о войне будет исчерпан, Иустин вернулся к своей теме: неужели молодые люди на самом деле думают, будто христиане едят человеческую плоть, а после совместных трапез гасят свечи и предаются разврату? Или же они смеялись просто из-за того, что находят христианское учение ложным?

За всех ответил Трифон — судя по всему, самый воспитанный и образованный. Лично он не верил в подобную клевету, так как эти басни противоречат человеческой природе, но...

— Ваши правила в так называемом Евангелии я нахожу столь великими и удивительными

ми, что никто не может исполнить их, — сказал он, прибавив со вздохом: — Я постарался прочитать их.

Трифона особенно задевало, что христиане, которые так много говорят о благочестии, ничем не отличаются от язычников: не соблюдают суббот и еврейских праздников, не признают обрезания. Но при этом чего-то просят и хотят получить от Бога, Который через Моисея велел неукоснительно исполнять все законы. Чем же христиане лучше всех других?

Товарищи были уверены, что этим вопросом Трифон поставил философа в тупик. Но неожиданно для слушателей Иустин обратился к знакомым им с детства текстам Священного Писания. Оказалось, что философ-грек не просто хорошо их изучил, но практически знал наизусть и каждую свою мысль мог проиллюстрировать строками закона Моисея, пророчествами пророков Исаии, Амоса, Малахии или Захарии, цитатами из псалмов Давида.

Это уже само по себе было необычно — никто бы не удивился, услышав от грека изречения Сократа или Эпикура, но ветхозаветных пророков!..

И самое главное, по мнению Иустина, весь хор древнейших пророчеств возвещал об одном — о явлении на землю Иисуса Христа! Что и произошло больше ста лет назад, хотя, кроме христиан, этого никто не заметил или же с упорством отрицает.

— Ты находишься не в своем уме, — прошептал изумленный Трифон.

— Послушай, друг, я не сумасшедший и не вне себя... — возразил Иустин и принялся приводить новые доводы, подтверждающие, что закон Моисея имел целью подготовить людей к принятию Мессии. Но теперь, когда Спаситель явился на землю, эта задача выполнена, все обетования и пророчества исполнились, для людей пришло время признать истину Нового Завета.

Услышанное было настолько ново, интересно и необычно, что даже опытный в спорах Трифон вынужден был признать с невольным уважением:

— Мне кажется, что ты часто бывал в состязаниях со многими обо всех спорных предметах, и потому можешь отвечать на все, что тебя ни спросят...

Да и товарищи Трифона уже не смеялись, а задавали вопросы: один расспрашивал об Аврааме, другой интересовался толкованием законов Моисея. Ведь Христос, о Котором говорил этот ученый грек, был таким удивительным, хотя и не вполне им понятным. По словам Иустина, Он любит людей, заботится о спасении каждого: «...все видит и все знает, и никто из нас не скрыт от Него», — разве не такого Бога ищет любое человеческое сердце?

Разговор затянулся допоздна, и под конец Иустин пояснил собеседникам, почему он не пожалел для них времени:

— Если бы я был так же пристрастен к спорам и суетен, как вы, то не продолжал бы доселе беседовать с вами, так как вы не стараетесь понимать того, что говорю, а напрягаете свои силы только, чтобы сделать какое-нибудь возражение. Но теперь, так как я боюсь суда Божия, — я не спешу с решительным приговором ни о ком из вашего рода, думая, не есть ли он из числа тех, которые могут спастись...

Но удивительнее всего, что эта беседа продолжилась и на следующий день! Трифон снова явился в парк и привел с собой новых слушателей, пожелавших увидеть ученого мужа в плаще философа, который исповедовал христианство.

Как позже напишет Иустин, люди окружили его «как будто в театре», и он согласился повторить Трифону все, что было сказано вчера, хотя «кратко и сжато, ради тех, которые пришли с тобою сегодня».

— ...Хотя бы ты еще пространнее повторял то же самое, будь уверен, что я и присутствующие очень рады слушать, — с благодарностью ответил ему Трифон.

Куда подевался вчерашний веселый насмешник, уверенный в собственном превосходстве и правоте?

Да и Иустин теперь обращался к слушателям как к единомышленникам: «друзья мои», «государь мои»... Его речи больше напоминают уже не ученый диспут, а взволнованную христианскую проповедь.

— ...Вы лучше оставьте любовь к спорам и покайтесь прежде, нежели придет тот великий день суда, когда, по предсказанию Писания, как я доказал, будут рыдать все из колен ваших, пронзившие этого Христа, — призывал он собравшихся в парке евреев.

Слушатели долго не хотели расходиться, желая и дальше «вместе исследовать слова Писания».

Но Иустина уже ждал корабль, который должен был отвезти его в Рим. Трифон с товарищами провожали Иустина на пристани как учителя, желая доброго пути и надеясь на новую встречу.

Эта беседа в Эфесе описана в знаменитом сочинении Иустина Философа «Разговор с Трифоном Иудеем».

Одни исследователи считают, что Иустин во всех подробностях, стараясь не пропустить ни слова, записал важный спор, имевший место в Эфесе, попутно дополнив его новыми аргументами в пользу христианского учения. Другие склоняются к мнению, что в своем произведении философ-христианин просто использовал любимую в эллинском мире литературную форму диалога, и иудей Трифон — вымышленное лицо. Как бы то ни было, благодаря «Разговору с Трифоном Иудеем» теперь мы имеем наглядное представление, как искусно Иустин Философ побеждал в спорах скептиков и идейных противников.

Так кто же этот молодой странствующий философ?

Известно, что он родился в Самарии, в древнем городе Сихем, который после разорения римлянами стал называться Флавия Неаполис, в честь императора Флавия Веспасиана — того, кто сначала прошелся по городу войной, а затем велел восстановить его по римскому образцу. Дед Иустина носил греческое имя Вакх, или Вакхий, отец — распространенное латинское имя Приск. Предположительно они принадлежали к римским колонистам, прибывшим поднимать Сирию из руин после первой Иудейской войны 66–71 годов.

Но сам Иустин явно родился не строителем, а философом — любителем мудрости. Он с юности искал истину в разных философских школах — сначала у стоиков, затем среди последователей Пифагора и Аристотеля и, наконец, в возвышенном учении Платона. Но душа его жаждала чего-то иного...

Церковный просветитель и историк А.Н. Муравьев («Первые четыре века христианства») сумел в одном абзаце объяснить, что же не устраивало христиан в многовековой античной мудрости:

«Стоики предлагали страждущему человеку только холодный ум и неумолимую силу рока. Платоники в утонченных своих исследованиях искали только идеи истинного и прекрасного, но находили только мечту и не достигали цели. Эпикурейцы тонули в наслаждениях чувственных,

все покоряя животному началу. Скептики во всем сомневались. Эклектики, ничему не доверяя, составили себе из чужих обломков странную систему». Веру Иустина определила встреча с человеком, который не был ученым мужем.

Однажды юноша гулял в уединенном месте за городом, на берегу, где ему никто не мешал предаваться размышлениям, и встретил там незнакомца. Его ближние ушли в море, а он ожидал их возвращения. Незнакомец поинтересовался у юноши: что он тут делает один?

— Я люблю такие прогулки, где ничто не развлекает моего ума, и я могу беседовать с самим собою, не опасаясь перерыва, — ответил ему Иустин. — Эти места весьма удобны для умственных занятий.

— Так ты любитель умствований, а не дел и истины, — заметил незнакомец, — и не стараешься быть более деятельным мудрецом, а не софистом.

Они разговорились о мудрости, границах человеческого познания и других интересных вещах. Собеседник оказался христианином и посоветовал юноше искать ответы на все вопросы в Священном Писании, и прежде всего — молиться Богу.

С той поры Иустин не встречал этого человека, он даже не узнал его имени. Но незнакомец словно открыл перед ним новые двери — иной способ познания истины: не путем логических

умозаключений, а вслушиваясь в голос Самого Бога, различимый в древних пророчествах. С тех пор Иустин не расставался со Священным Писанием, а через несколько лет принял и крещение.

По словам апостола Павла, христианин должен служить людям в том звании, в котором призван, — и Иустин стал делать это в плаще философа.

«Всякий, кто может возвещать истину и не возвещает ее, будет осужден Богом», — убежденно напишет он об этом в «Разговоре с Трифоном Иудеем».

Итак, Иустин становится странствующим философом-христианином. Он много путешествовал по городам Малой Азии, посещал знаменитые школы в Александрии, использовал любую возможность говорить о Христе и убеждать неверующих.

Добравшись до Рима, Иустин открыл там христианскую школу, наподобие распространенных в то время частных философских школ. У него появились преданные (как мы увидим — до смерти!) ученики. Как никто другой, он старался найти точки соприкосновения христианского учения с греческой философией и совершенно по-новому, через пророчества Священного Писания, осмыслить всю мировую историю.

Но в историю христианства Иустин Философ вошел прежде всего как апологет, силой слова защищавший христианскую веру.

Во II веке христианство особенно нуждалось в защите умных, образованных людей от всех, кто считал веру во Христа «религией рабов и черни».

Писатель-апологет II века Марк Минуций Феликс в своем сочинении «Октавий» вложил в уста язычника Цецилия весьма распространенное мнение, что христиане — это люди из «жалкой, запрещенной, презренной секты, которые набирают в свое нечестивое общество последователей из самой грязи народной, из легковверных женщин, заблуждающихся по легкомыслию своего пола...»

Простой народ, краем уха услышав что-то о христианских вечерах любви, вкушении плоти и крови, заклании Агнца, — давал волю воображению и придумывал невообразимые небылицы. Чтобы понять всю дикость возводимых на христиан обвинений, прочитаем мнение язычника Цецилия, который выразил весьма расхожие представления современных ему римлян:

«Эти люди узнают друг друга по особенным тайным знакам и питают друг к другу любовь, не будучи даже между собой знакомы; везде между ними образуется какая-то как бы любовная связь, они называют друг друга без разбора братьями и сестрами для того, чтобы обыкновенное любодение через посредство священного имени сделать кровосмешением... Слышно, что они, не знаю по какому нелепому убеждению, почитают голову осла. Говорят также, что они почитают че-

ловека, наказанного за злодеяние страшным наказанием, и бесславное древо креста; значит, они имеют алтари, приличные злодеям и разбойникам, и почитают то, чего сами заслуживают. То, что говорят об обряде принятия новых членов в их общество, известно всем и не менее ужасно. Говорят, что посвященному в их общество предлагается младенец, который, чтобы обмануть неосторожных, покрыт мукою: и тот, обманутый видом муки, по приглашению сделать как будто невинные удары, наносит глубокие раны, которые умерщвляют младенца, и тогда — о нечестие! — присутствующие с жадностью пьют его кровь и разделяют между собой его члены».

Все древние ужасы и дикие суеверия тесно сплелись в один узел: и младенцы в муке, и ослиная голова, и разбойники, и кровь...

Неудивительно, что здравомыслящие люди брались за перо, чтобы как минимум в этом разобраться, — и многие из них сами становились апологетами.

Что же касается Иустина Философа, то еще в годы учебы у платоника он «слышал, как поносят христиан, но видя, как они бесстрашно встречают смерть и все, что почитается страшным, почел невозможным, чтоб они были преданы пороку и распутству». Теперь же он был в этом убежден и обладал всеми знаниями, чтобы образумить других, включая даже членов императорской семьи.

Примерно в 153 году Иустин подал императору Антонину Пию свою Первую апологию в защиту неповинно осужденных на казнь христиан. Апология была адресована императору, его сыну Марку Аврелию, Священному сенату и римскому народу как ходатайство за христиан — «людей из всех народов несправедливо ненавидимых и гонимых».

«Вы называетесь благочестивыми и философами и слывете везде блюстителями наук: теперь окажется, таковы ли вы на самом деле. Мы обратились к вам не с тем, чтобы льстить вам этою запискою или говорить в удовольствие ваше, но требовать, чтобы вы судили нас по строгому и тщательному исследованию...» — с такого, лишённого всякого заискивания перед цезарями требования начинается его сочинение.

В апологии Иустин говорит о ложности возводимых на христиан обвинений по трем основным пунктам: почему их нельзя упрекать в безбожии, если они отказываются почитать римских богов; подозревать в политическом заговоре против императора; обвинять в безнравственности.

О том, какой была реакция правителей Рима на апологию Иустина, нам неизвестно. Впрочем, судя по тому, что христиане по-прежнему оставались вне закона, изменений в лучшую сторону не произошло.

За то время, что Иустин провел в Риме, у него появилось немало врагов и завистников.

Одним из самых непримиримых противников Иустина был философ-киник Кресцент. У них даже состоялся публичный диспут на тему атеизма, то есть безбожия, который закончился поражением киника. Иустин при всех «доказал, что Кресцент вовсе ничего не знает», и предложил продолжить спор в присутствии императора. Кресцент отказался, но, похоже, затаил на победителя обиду. Вскоре Иустин Философ написал Вторую апологию — теперь это было обращение к римскому сенату.

Поводом послужил конкретный случай в Риме. Некая римлянка, уверовав во Христа, не хотела вести прежний разгульный образ жизни, что не понравилось ее мужу-язычнику. Женщина подала на развод. В отместку муж через своего приятеля убедил префекта Урбика заключить в тюрьму наставника жены Птолемея — того, кто обратил ее в христианство. Состоялся суд, и Птолемея приговорили к смерти. Но на суде за него публично вступился человек из окружения префекта по имени Луций, заявив, что нельзя казнить невинного человека. Узнав, что Луций — христианин, их с Птолемеем вместе осудили на казнь. За них-то и вступился Иустин, написав апологию к сенату, где снова подробно, со всей убедительностью изложил христианское учение, убеждая, что нельзя убивать людей за их веру.

Во Второй апологии он убедительно объяснил, почему считает христианство выше всех

Храм Антонина и Фаустины, Рим, Италия.
Построен в 141 г. по приказу императора Антонина Пия

известных философских школ и направлений, — из текста видно, что Иустин был хорошо знаком с Евангелием от Иоанна.

«Наше учение, — пишет он, — возвышеннее всякого человеческого учения, потому что явившийся ради нас Христос по всему был Слово... И все, что когда-либо сказано и открыто хорошего философами и законодателями, все это сделано ими соответственно мере нахождения ими и созерцания Слова, а так как они не знали всех свойств Слова, Которое есть Христос, то часто говорили противное самим себе... Превосходство христианского учения перед всяким другим видно и из того, что даже лучшему языческому учителю, Сократу, никто не поверил так, чтобы умереть за его учение; напротив, Христу поверили не только философы и ученые, но и ремесленники и вовсе необразованные, презирая и славу, и страх, и смерть».

К сожалению, несмотря на усилия Иустина, отношение властей к христианам оставалось прежним. Но это ничуть не остудило пыл апологета. Он продолжал преподавать в своей философской христианской школе, вел активную писательскую деятельность, участвовал в диспутах с еретиками и противниками христианства.

В 161 году на престол вступил сын Антонина Благочестивого — Марк Аврелий.

Этот император тоже любил философствовать, но на свой лад: христианство было ему

чуждо и даже ненавистно. Когда читаешь размышления Марка Аврелия о душе, смысле жизни, быстротекущем времени, кажется, он подошел к истине так близко! Но без Христа его мысли оставались холодными и умозрительными.

Хотя один случай в жизни философствующего императора чуть было не заставил его признать непобедимую силу христианства.

По свидетельству Тертуллиана (II век) и Евсевия, епископа Кесарийского (IV век), накануне сражения с германцами войска Марка Аврелия мучились от жажды: по молитвам воинов-христиан из так называемого Мелитинского легиона Бог послал сильный ливень, так что солдаты смогли восстановить силы и выиграли битву. После этого Марк Аврелий написал письмо, в котором признал, что чудо совершил христианский Бог. Письмо, к сожалению, не сохранилось.

Тертуллиан сообщал, что Марк Аврелий даже несколько ослабил преследования верующих. Впрочем, другие, не менее достоверные источники свидетельствуют об обратном.

Мелитон, епископ Сардийский, еще один апологет II века, называл «варварскими» указы Марка Аврелия в отношении христиан.

Новые законы позволяли арестовывать и отправлять на суд человека из любого сословия, если он назывался христианином. Христиан было приказано разыскивать повсюду, где бы они ни скрывались. Доносы не только дозволялись, но

и поощрялись: доносчик мог рассчитывать на вознаграждение из доли конфискованного имущества христианина. Как свидетельствует апологет Мелитон, «бесстыдные доносчики и охотники поживиться чужим имуществом, находя себе повод в таких распоряжениях, явно разбойничают, днем и ночью грабят людей, ни в чем не повинных».

В тюрьмах по отношению к христианам были разрешены пытки. Даже тех, кто отрекся от веры, держали в темницах — в наказание за то, что на своих собраниях они якобы «умерщвляли младенцев» и совершали другие тяжкие преступления.

Иустин чувствовал, что над ним тоже сгущаются тучи. Во Второй апологии он написал: «...Я ожидаю, что буду пойман в сети... и повешен на дереве, по крайней мере Кресцентом».

Точно неизвестно, кто донес на Иустина Философа, — не исключено, что из мести это сделал Кресцент. Впрочем, обе апологии Иустина — по сути открытые письменные признания в том, что их автор является убежденным христианином.

В сборнике византийского автора X века Симеона Метафраста приводятся мученические акты святых первых веков, в том числе и Иустина Философа.

Его допрашивал римский префект Рустик, он убеждал Иустина отречься от христианской веры. За отказ принести жертву римским богам и «неповиновение приказу императора» Иустин был подвергнут бичеванию, после чего обезглавлен.

Вместе с Иустином смерть от меча приняли и шесть его учеников: Харитон, Харита, Эвелпист, Иеракс, Пеон и Либерриан. В «Житиях святых» Димитрия, митрополита Ростовского, предложен другой вариант гибели Иустина Философа — от яда. На суде за ним не нашли никакой вины, и тогда завистник Кресцент, «боясь, чтобы Иустина не отпустили на свободу, тайно приготовил смертный яд, посредством которого обманным образом и лишил его жизни».

Такая интерпретация (исторически менее вероятная) интересным образом сближает христианского философа с Сократом, который когда-то изрек: «Я знаю, что ничего не знаю». Только Иустин Философ пошел еще дальше, поставив перед человечеством новый вопрос: а нужны ли знания, которые не ведут человека к Богу и любви? Можно ли вообще назвать такие знания мудростью?

Как бы то ни было, но все авторы жизнеописаний сходятся в том, что Иустин Философ был казнен в 165 году, в возрасте примерно шестидесяти пяти лет, в Риме, во время царствования императора Марка Аврелия, оставив после себя учеников и последователей. По сведениям церковных историков, один из них — Татиан — после смерти учителя преподавал в Риме в основанной Иустином философской христианской школе.

Мы не знаем, где похоронен Иустин Философ и шесть его учеников, возможно, где-нибудь

в катакомбах Рима. Надпись, сохранившаяся в катакомбах святого Себастьяна (место погребения мученика), гласит: «Кто бы ты ни был, отыскивающий имена Петра и Павла, ты должен знать, что здесь почивали святые».

На многих средневековых гравюрах и на древнерусских иконах мученик Иустин изображен в плаще философа со свитком в руках — словно и к потомкам он обращается с защитительной речью.

Как тут не вспомнить слова христианского писателя Тертуллиана из его трактата «О плаще»: «Радуйся, плащ, и торжествуй! Ты достиг лучшей философии с того момента, как покрываешь христианина».

МУЧЕНИК
АПОЛЛОНИЙ РИМСКИЙ

(† 183/5)

*Я не боюсь смерти из-за того,
что люблю жизнь.*

— Дорогу сенатору! Прочь с дороги! — выкрикивали бежавшие впереди носилок рабы-скороходы, и прохожие почтительно расступались.

Сенаторам полагалось первое место на улицах Рима.

Так повелось с древних времен, когда сенаторов-старейшин выбирали из самых уважаемых и знатных римлян, чтобы они решали судьбу народа. И хотя в императорском Риме сенаторы давно уже не имели прежней политической власти — почти все зависело от воли цезаря, — но почет и многочисленные привилегии у них остались.

Сенаторы занимали самые почетные, первые места в театрах и цирках, их приглашали на званые обеды в императорские дворцы пировать за государственный счет, они обладали правом свободного доступа к императорской особе, освобождались от многих налогов, за пределами страны имели полномочия выступать как послы от Рима. По римским законам только мужчины

из сенаторского и всаднического сословий считались «имеющими право занимать должности». Все прочие относились к разряду «смиренных», или «слабых».

Римские сенаторы даже одеждой отличались от своих сограждан. Они носили белую тогу с красной каймой и красные кожаные сандалии с пряжкой из слоновой кости в виде полумесяца, а на пальце особое кольцо с драгоценными камнями — символ власти.

Сенаторский дом, как правило, представлял из себя мраморный дворец где-нибудь на Палатинском холме (центральном из семи главных холмов Рима, где жили богачи и аристократы).

Дом обслуживали многочисленные рабы и вольноотпущенники: повара, почтальоны, врачи, секретари, массажисты — иногда до нескольких сотен человек прислуги. По утрам у входа толпились бесчисленные клиенты, спешившие пожелать сенатору доброго утра в надежде получить приглашение на обед или какую-либо подачку.

Нам почти неизвестна биография Аполлония Римского. Он жил в Риме во II веке и был сенатором. Скорее всего, он имел все, о чем только могли мечтать большинство римлян: богатство, почет, пожизненные привилегии.

В члены сената избирались взрослые мужчины из самых влиятельных и богатых семей, как правило, не моложе 25 лет. Основываясь на речи, которую Аполлоний произнес на суде перед се-

натов, можно предположить, что он был уже в зрелых летах.

Прежде чем стать членом сената, нужно было, как правило, подняться по лестнице государственных должностей (магистратур). Например, проявить себя в роли военного трибуна или префекта (лат. *praefectus* — «начальник») — должностного лица, отвечающего за какой-либо округ или службу наподобие полицейской; затем побыть в должности квестора, то есть чиновника, ведавшего финансовыми и судебными делами. Для этого нужно было обладать социальной активностью, незаурядным характером, пользоваться уважением и доверием у сограждан.

Аполлоний, видимо, обладал этими качествами. Согласно скромной заметке в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского, Аполлония знали в среде римских христиан как философа и человека высокой культуры.

Для прохождения в сенат существовал имущественный ценз — своеобразное сито, отсеивающее бедняков. Должность в сенате могли занять только люди состоятельные, а еще лучше — очень богатые.

В древности большое значение придавалось еще и знатности рода, но к концу II века в императорском Риме, где даже цезарей все чаще выдвигала армия, родовитость отошла на второй план. Зато на первый план вышли деньги, очень большие деньги.

Храм Антонина и Фаустины, Рим, Италия.
Построен в 141 г. по приказу императора Антонина Пия

Перемену в нравах римлян подметил сатирик II века Ювенал:

*Спросят сперва про ценз (про нравы — после всего лишь):
Сколько имеет рабов, да сколько земельных угодий,
Сколько съедает он блюд за столом и какого размера?
Рим доверят тому, кто хранит в ларце своем деньги:
Больше монет — больше веры...*

(Сатира 3)

При Августе имущественный ценз сенатора был определен в миллион сестерциев — огромная по тем временам сумма! Достаточно сказать, что ежедневные расходы семьи из трех человек в Риме составляли примерно семь сестерциев, годовое жалованье легионера — одну тысячу сестерциев, миллион за год получал только высокооплачиваемый наместник римской провинции. И хотя суммы имущественного ценза для прохождения в сенат менялись, но «порядок цен» сохранялся. Вот почему мы можем предположить, что Аполлоний был очень богатым человеком, по нашим меркам — кто-то вроде олигарха.

Мы не знаем, когда и при каких обстоятельствах Аполлоний Римский уверовал во Христа. Впрочем, тот факт, что римский сенатор стал христианином, не должен вызывать удивления: в начале II века христианство начало проникать в высшие слои римского общества и даже в императорские дворцы.

Многие еще помнили, как император Домициан казнил своего двоюродного брата Флавия

Климента из «божественного» рода Флавиев как христианина, а его жену Домициллу по той же причине сослал на необитаемый остров.

А семья императора Траяна? Оказалось, что его дочь Дросида участвовала в тайных погребениях христиан, казненных по повелению отца, и сама была христианкой.

Да и про императора Коммода говорили, будто он находился под влиянием некой тайной христианки Марции и потому не спешил издавать новые указы против христиан.

В Риме невозможно было скрыть такие отношения, тем более если человек принадлежал к высшему обществу. Жизнь знатного римлянина была у всех на виду, и любые перемены сразу же становились заметны для окружающих.

Римляне не мыслили своей жизни без зрелищ: театров, гладиаторских боев, триумфальных шествий, праздничных церемоний. Лишение на год права посещения общественных мест считалось таким суровым наказанием, что провинившиеся нередко просили заменить его на плети.

Человек, принявший христианство, наоборот, старался избегать посещения зрелищ и пышных торжеств, которые, как правило, сопровождались жертвоприношениями и другими языческими обрядами.

Римляне готовы были дни напролет проводить в термах — общественных банях (этом аналоге современных развлекательных центров),

с бассейнами, массажем, играми в мяч, — обмениваясь городскими новостями. Но для христиан такое времяпровождение утратило смысл. Они не посещали публичных домов, отказывались от приглашений на ежевечерние пирушки и «пропадали из вида», вызывая многочисленные вопросы.

Первое, что должен был сделать член сената, заходя в курию (место, где собирался сенат), — непринужденно бросить щепотку фимиама на горячую решетку, стоящую на углях перед статуей императора. Никто не придавал особого значения этой церемонии — никто, кроме христианина, и его отказ воспринимался как вызов всему обществу.

Впрочем, многие знатные христиане посвоему служили общине, предоставляя помещения для совместных богослужений, оказывая материальную поддержку неимущим и стараясь без необходимости не афишировать свою принадлежность к Церкви.

Сохранились сведения, что на сенатора Аполлония донес его раб Север. Скорее всего, за ним стояло другое, более влиятельное лицо: ведь по законам того времени раб, доносивший на своего хозяина, заслуживал смерти. Пойти на смерть можно было, пожалуй, только ради денег или из чувства сильной ненависти.

Второе менее вероятно, учитывая, что христиане из высших слоев общества отличались ми-

лосердным отношением к слугам и рабам, зачастую вызывая непонимание и осуждение соседей.

Аполлоний предстал перед судом в правление императора Коммода, когда действовали строгие законы его предшественника Марка Аврелия. Человека, подозреваемого в исповедовании христианства, допрашивали и, если тот не отрекался от веры, казнили.

Обычно христианам на суде предъявлялось три обвинения. Первое — в безбожии, так как они отказывались поклоняться римским богам. Второе — в политической неблагонадежности, иногда даже в заговоре против существующей власти, — за то, что христиане и под угрозой смертной казни не соглашались совершить поклонение перед статуей императора. И третье — всех верующих во Христа считали «врагами рода человеческого» за то, что они не хотят жить, как все, и, следовательно, «не любят жизнь».

Вот что писал по поводу третьего пункта с присущей ему наблюдательностью христианский писатель II века Тертуллиан:

«Ненависть, которую толпа питает к этому имени [христианин], у большинства людей так слепа, что они, даже хваля христианина, вменяют ему в преступление его имя. „Кай, — говорит один, — хотя добрейший человек, но христианин“. „Удивительно, — говорит другой, — что такой умный человек, как Луций, сделался христианином“. А никто и не подумает, что Кай добр, а Луций умен

потому, что они христиане, или они потому христиане, что один умен, а другой добр. Некоторые даже предпочитают вредить себе, лишь бы не мириться с именем, которое им так ненавистно. Муж, не имеющий больше повода к ревности, разводится с женою, которая, сделавшись христианкой, стала целомудренной. Отец лишает наследства покорного сына, прежнее непослушание которого охотно переносил. Господин прогоняет от себя верного раба, с которым прежде обходился кротко. Ненависть к христианскому имени берет верх над всяким добром, проистекающим из него».

Сенатора Аполлония допрашивал римский префект Терентий (по другим данным, префекта звали Перенний), и первый его вопрос был таким:

— Аполлоний, почему ты противишься непобедимым законам и повелению императора и почему ты отказываешься принести жертву богам?

Судя по формулировке обвинения — «непобедимые законы и повеление императора», префект обращался к государственному человеку, сведущему в законах.

— Потому что я христианин и боюсь Бога, сотворившего небо и землю, и не приношу жертву бездушным идолам, — ответил подсудимый.

Тогда префект напомнил ему о том, что каждый гражданин Рима, вне зависимости от веры, должен в первую очередь выполнять указы императора и Аполлонию еще не поздно доказать свою лояльность.

— Но ты должен бы раскаяться в таком настроении вследствие императорских указов и поклясться Фортуною самодержавного Коммода, — подсказал префект.

— Выслушай внимательно мой ответ, — ответил Аполлоний. — Тот, кто раскаивается в добрых и справедливых делах, в действительности нечестив...

И со всей обстоятельностью объяснил Терентию, почему он является противником всяких клятв, кроме как «в истине истинным Богом», прибавив в конце:

— ...Хотя мы любим также и императора и возносим молитвы за его величество.

Сбитый с толку префект перешел к привычным действиям и приказал:

— Иди же и принеси жертву Аполлону и другим богам, а также и изображению императора.

Но Аполлоний снова ему пояснил, почему жертвоприношения перед изваяниями императора или эллинских божеств невозможны для христианина и почему он не будет в этом участвовать.

— Ты призван сюда не для того, чтобы толковать о философии, — раздраженно заметил префект. — Я даю тебе один день сроку для размышления о твоих делах и для обсуждения вопроса о твоей жизни.

Судья приказал взять Аполлония под стражу и отвести в темницу. Наверняка он рассчитывал,

что оказавшийся в грязном подземелье сенатор быстро заскучает по своим дворцам и одумается.

Но, как точно сказал христианский апологет Татиан, сам из знатного рода, имевший все блага жизни: «Не хочу царствовать, не желаю быть богатым, отказываюсь от военачальства, ненавижу блуд; не замышляю плавать на корабле ради ненасытной жадности, не вступаю в борьбу за получение венков; я свободен от безумного честолюбия, презираю смерть, я выше всякого рода болезни, печаль не снедает моей души» («Речь против эллинов»).

Для устрашения префект продержал сенатора Аполлония в тюрьме не один, а три дня. И на следующий допрос позвал философа, чтобы тот помог разубедить Аполлония, доказав ему ложность христианского учения.

— И к какому решению ты пришел? — спросил префект, когда Аполлоний снова предстал перед судом.

— Я верен и буду верен поклонению Богу, как сказал раньше, — ответил Аполлоний.

Терентий еще раз напомнил подсудимому определение сената, по которому отказ принести жертву богам карается смертью.

— ...Гораздо лучше для тебя жить среди нас, чем умереть жалкою смертью. Ты, мне думается, незнаком с этим определением сената, — подсказал он Аполлонию, как еще можно избежать наказания. Это же так легко — сказать: да,

не знаком, не присутствовал на последних заседаниях в сенате...

Но подсудимый отвечал, что он прекрасно знаком с постановлениями Всемогущего Бога и будет верно их соблюдать, а также разъясняет, что такое идолопоклонство, невольно демонстрируя при этом начитанность и острый ум.

— ...Египтяне называли богами лук порей и плоды, которыми мы питаемся и которые входят в желудок и выбрасываются на навозную кучу, и их-то они боготворили. Да, они боготворили также рыбу, голубя, собаку, и камень, и волка, боготворили даже вымыслы своего собственного воображения, — говорил Аполлоний, и в его речи не было не только ни малейшего страха, но даже сквозила жалость к Терентию, который все еще находится во мраке заблуждений.

— Ты наговорил много философии и доставил нам удовольствие, — заметил префект. — Но разве ты не знаешь, что по определению сената совсем не полагается быть христианином?

Разумеется, сенатор Аполлоний это прекрасно знал, но ответил, что только Бог является всем судьей, и он не боится смерти, надеясь, как последователь Христа, унаследовать вечную жизнь.

— ...Горячка или всякая другая болезнь может убить человека. Я могу предполагать, что я умер от такой именно болезни, — заключил он с философским спокойствием.

— Поэтому ты настаиваешь на смерти? — удивился префект.

— Я желаю жить во Христе, но я не боюсь смерти из-за того, что люблю жизнь. Ибо нет ничего более достойного нашего почитания, как жизнь вечная, которая для души...

Префект пришел в смятение. Судя по всему, ему не хотелось приговаривать к смерти умного, всеми уважаемого сенатора, но он был обязан исполнить требования закона.

— Я не понимаю, что ты говоришь, — растерянно признался Терентий.

— Что же мне делать с тобою? То, что озаряет сердце, есть слово Божие, и оно, как свет, дает видение глазам, — сказал Аполлоний.

Заметив, что префект находится в замешательстве, в разговор вступил философ.

— Аполлоний, ты делаешь себя предметом насмешки, потому что ты заблудился, хотя воображаешь, что изрекаешь глубокие истины, — сказал он сердито.

И услышал в ответ не менее строгую отповедь:

— Я научился молиться, но не издеваться; однако твое лицемерие доказывает слепоту твоего сердца, потому что для глупцов только истина кажется смешной.

Судья не хотел ссоры и снова попросил подсудимого:

— Объясни мне хорошенько, что ты разумеешь...

Аполлоний изложил ему христианское учение, а дойдя до самого трудного для непосвященных места — почему был распят Христос? — призвал на помощь и греческую философию, чтобы сделать свою речь более понятной для слушателей:

— Как афиняне, руководимые чернью, произнесли и издали несправедливый приговор над Сократом, так равным образом несправедливые наконец произнесли приговор смерти и над Христом, потому что несправедливые позавидовали Ему.

— Я думал, что ты за ночь переменял свое мнение, — сказал префект с сожалением.

— А я ожидал, что твои мысли изменятся за ночь, глаза твоего духа будут открыты моими ответами, твое сердце принесет плод, и ты поклонись Богу, — сказал ему Аполлоний.

— Я хотел бы освободить тебя, но не могу сделать этого вследствие определения сената. Однако я произнесу мягкий приговор, — объявил Терентий, после чего отдал приказ обезглавить подсудимого мечом.

— Благодарю моего Бога за твой приговор, — сказал Аполлоний Римский.

Сенатор Аполлоний был казнен в Риме примерно в 185 году.

Каким-то непостижимым образом подробная запись (как сказали бы сейчас — стенограмма) судебного процесса дошла до наших дней. Текст этого уникального документа, который назван «Апологией» Аполлония Римского, был

обнаружен только в XIX веке — сначала на армянском, а затем на греческом языке. Находка стала настоящей сенсацией в научном мире, а для верующих — подтверждением нравственного поведения христианина, отказавшегося ради имени Христа от материальных благ, богатства и высокого положения в обществе.

Говоря о временах императорского Рима, обычно упоминают об упадке римской литературы по сравнению с ее золотым и серебряным веками. Все это так — из жизни римлян незаметно исчезала поэзия, особенно лирика, меньше становилось оригинальной прозы.

Но почему-то мало кто обращает внимание на апологетику — литературную защиту христианства. А ведь как раз во II–III веках в Римской империи этот жанр достиг настоящего расцвета.

Авторами апологий являлись писатели, философы, ученые, юристы — люди, обладавшие пытливым умом и неповторимым литературным стилем. Многие из них углублялись в христианское учение лишь затем, чтобы его опровергнуть, — и сами принимали Христа.

Давайте прислушаемся к их далеким голосам.

Вот страстный полемист Тертуллиан (блаженный Иероним называл его «неистовый муж»), готовый поспорить даже с олимпийскими богами:

«...Вы скажете, что доходы храмов уменьшаются со дня на день. Извините, наших средств не хватит для помощи и людям, и нищим богам.

Сверх того, что полагаем, что обязаны давать только тем, кто просит. Пусть Юпитер протянет руку, мы подадим и ему» («Апологетик»).

А это возвышенный Мелитон Философ, чуть ли не белым стихом повествующий в своей апологии о Боге и призвании человека:

«...Он поставил перед тобою небо и на нем звезды; Он поставил перед тобою солнце и луну, которые ежедневно обтекают небо; Он поставил перед тобою великую землю, которая покоится и стоит пред тобою в одинаковом виде; и дабы ты не подумал, что она стоит собственною силою, Он потрясает ее, когда хочет; Он поставил перед тобою облака, которые по Его повелению выпускают воду с высоты и насыщают землю, дабы ты познал из этого, что Тот, Кто производит это, больше всего существующего, и чтобы ты постигал благость Того, Кто дал тебе разум, способный рассуждать обо всем этом. Поэтому я советую тебе познать самого себя, и ты познаешь Бога».

К сожалению, до нас не дошли сочинения апологета Ермия, кроме небольшого, чрезвычайно остроумного отрывка из его книги «Осмеяние языческих философов». По нему одному можно судить о незаурядном литературном даровании автора, описывающего страдания души в круговороте существующих философских школ:

«То я бессмертен и радуюсь; то я смертен и плачу; то разлагают меня на атомы; я становлюсь водою, становлюсь воздухом, становлюсь

огнем; то я не воздух и огонь, но меня делают зверем, или превращаюсь в рыбу, и я делаюсь дельфином. Смотря на себя, я прихожу в ужас от своего тела, не знаю, как и назвать его, человеком ли, или собакой, или волком, или быком, или птицей, или змеем, или драконом, или химерою. Те любители мудрости превращают меня во всякого рода животных, в земных, водяных, летающих, многовидных, диких или домашних, немых или издающих звуки, бессловесных или разумных. Я плаваю, летаю, парю в воздухе, пресмыкаюсь, бегаю, сию...

Или чеканный слог Афинагора Афинянина, составившего прошение за христиан императорам Марку Аврелию Антонину и Люцию Аврелию Коммоду — от лица многих тысяч несправедливо обиженных:

«Великие государи! В вашей империи народы держатся разных обычаев и законов, и никому из них не возбраняется законом и страхом наказания следовать отечественным постановлениям, как бы они ни были смешны. Только нам, называющимся христианами, вы не оказываете вашего внимания, и даже позволяете гнать, притеснять и мучить нас, и все это за одно имя, которое вооружает против нас толпу...»

Жанр апологий был настолько популярным, что в III веке в некоторых христианских общинах даже появился такой обычай: если бывшие гонители или противники христианства обращались

к вере, им давали задание сочинять апологии, которые доказывали бы искренность их убеждений. В частности, известно, что епископ города Сикки только тогда принял в свою паству некоего Арнобия, когда тот написал апологию «Семь книг возражений против язычников». Целых семь книг!

Древнеримский философ и врач Клавдий Гален, современник Иустина Философа, изучавший здоровье человека, а вовсе не вопросы веры, вынужден был отметить в своем комментарии к «Государству» Платона, что среди христиан «есть такие, кто обладают таким высоким уровнем самоконтроля в отношении пищи и питья, и которые так возлюбили добродетель, что не уступают в этом тем, кто проповедует истинную философию».

Жаль, что обычай писать «самодеятельные» апологии в защиту христианства просуществовал недолго, — мы имели бы множество свидетельств о неповторимой встрече человека с Богом.

Но, может быть, какие-то из этих сочинений еще найдутся, как это произошло с записью судебного процесса Аполлония Римского, которая теперь воспринимается как прекрасно составленная и убедительнейшая апология.

Мученица Перпетуя

(ОК. 180–202/3)

← Мученица Перпетуя. Мозаика. Архиепископская капелла,
Равенна, Италия. V в.

*Я видела золотую лестницу
изумительной высоты...*

«Христиан — львам! — ревели трибуны. — Христиан — в огонь! Смерть христианам!» К началу III века эти крики сотрясали всю Римскую империю, включая самые отдаленные провинции. Какие бы ни случались стихийные бедствия — пожары, засухи, землетрясения, извержения вулканов, наводнения, — вина за них привычно возлагалась на христиан. «Отеческие боги гневаются на нас за то, что повсюду появились почитатели некоего Христа», — говорили римляне, требуя наказывать «виновных» наравне с уголовными преступниками.

«Пусть о том свидетельствуют собственные списки ваши — между преступниками, осуждаемыми на наказание и заточение за убийство, воровство или другие преступления, есть ли хоть один христианин? Вами, язычниками, полны темницы; а если в них заключены христиане, то уж разве только за то, что они христиане, — вопрошал писатель Тертуллиан, выходец из

Карфагена. — А между тем вы преследуете христиан. Народ, и не ожидая приговора судей, побивает нас камнями, сжигает наши жилища. В ярости своей он не щадит даже умерших и из гробниц вырывает тела христиан, чтобы терзать их. Все служит предлогом для ненависти вашей: разольется ли Тибр или разольется Нил, случится ли засуха или землетрясение, голод или болезнь, тотчас поднимаются крики: „Христиан львам!“, как будто до пришествия Иисуса Христа никогда не испытывалось подобных бедствий...»

Когда-то Карфаген — древнейшая колония финикийцев, основанная отважными мореплавателями, — был одним из самых могущественных противников Рима. С финикийцами-карфагенянами, или, как их называли римляне, — пунийцами, велись бесконечные Пунические войны. Как тут не вспомнить сенатора Катона, который 180 (!) своих речей в сенате заканчивал одной и той же фразой: «А все-таки, я считаю, Карфаген должен быть разрушен». Город и был до основания разрушен в 146 году до н.э. — со всеми древними финикийскими храмами, дворцами, святилищами, и затем вновь отстроен по римскому образцу.

На развалинах вырос новый Карфаген, который стал столицей крупнейшей римской провинции Африка. Теперь это был оживленный, многонаселенный город, где общественные здания сверкали мрамором и имелись — это не так давно

открыли археологи — даже шестизэтажные дома, оборудованные ваннами и канализацией, своего рода первые «высотки», правда, рассчитанные всего на одну семью. При раскопках домов в Карфагене были обнаружены самые древние образцы красивейшей средиземноморской мозаики.

Достопримечательностью нового Карфагена был большой амфитеатр (примерно на тридцать тысяч зрителей), а также общественные бани, подаренные городу Марком Аврелием. В первые века в городе вовсю кипела политическая и культурная жизнь: существовали философские, медицинские и юридические школы, училища риторов, театры.

В конце II века в Карфагене в богатой и знатной семье родилась главная героиня этого рассказа — Фивия Перпетуя.

Ее отец, судя по сохранившимся сведениям, был декурионом — действующим или бывшим членом городского совета, либо занимал в Карфагене другой высокий пост. Еще у Фивии были мать и два брата, один из которых умер в семилетнем возрасте.

«Благородно рожденная, изысканно воспитанная» Фивия Перпетуя вышла замуж, родила сына. О ее муже нам ничего не известно — возможно, он погиб или оставил жену, обратившуюся в христианство. Перпетуе было 22 года, когда она, ее раб Ревокат и его жена рабыня Фелицита, а также еще двое юношей благородного происхождения — Сатурнин и Секунд — готовились

принять крещение. В христианской общине Карфагена они были в числе оглашенных.

Как будет вспоминать Перпетуя, отец из любви к ней всячески старался отвлечь ее от веры.

«— Отец, — сказала я ему, — видишь ли, скажем, этот сосуд — кувшин, лежащий здесь?

— Вижу, — отвечал отец.

— Можешь ли ты назвать этот кувшин каким-нибудь иным наименованием, чем то, что он есть?

— Нет, — сказал он.

— И я не могу назвать себя ничем, кроме того, что я есть, — христианка.

Тогда отец мой, разгневанный моими словами, бросился на меня, как будто хотел вырвать глаза мои. Но он только пригрозил мне и ушел прочь...»

В 201 году император Септимий Север издал указ, запрещающий подданным империи принимать иудаизм или христианство.

Фивию Перпетую и других оглашенных, которые готовились стать христианами, схватили и привели на допрос к судье Иларию. Все арестованные — и знатного происхождения, и рабы — с твердостью исповедовали Христову веру.

К ним добровольно присоединился еще один человек, по имени Сатур, которого в момент ареста не было дома. Кто-то называет Сатура родным братом Перпетуи, другие — старшим и более взрослым по возрасту наставником всей группы

оглашенных. Фивия Перпетуя обращалась к нему «брат мой», что тогда было принято среди христиан. Но одно несомненно: Сатур во время испытаний старался поддерживать всех остальных.

Сначала заключенных держали в заточении в частном доме, и там все они приняли крещение. Таким образом, они нарушили императорский эдикт и выразили неповиновение закону, за что полагалось строгое наказание. Арестованных бросили в темницу, где они должны были дожидаться суда.

Но Фивия Перпетуя заранее знала, что ее ожидает:

«...Мы были крещены, и Дух подсказал мне, чтобы в воде крещения я не искала ничего, кроме благодати для телесного укрепления в мученичестве», — написала она в своем дневнике.

Дело в том, что в темнице Перпетуя делала записи «собственной рукой по ее собственным мыслям». Судя по всему, она, будучи римлянкой благородного происхождения, получила хорошее образование.

Дневниковые записи Фивии Перпетуи, сохранившиеся до наших дней, — один из самых поразительных документов раннехристианского времени. Они позволяют нам заглянуть за стены карфагенской тюрьмы и понять, что чувствовали те, кто отдавал жизнь за Христа.

Из записок Перпетуи мы узнаем, что в тюрьме было очень темно и тесно.

Скорее всего, тюрьма представляла собой подземелье или помещение, где окна закрывались камнями, и арестованные находились в полной темноте.

Перпетуя пишет, что была «очень испугана, потому что никогда ранее не испытывала такой темноты».

«О, ужасный день! Страшная жара, удары воинов, непролазная толпа...» — доверит она переживания своему дневнику.

Судя по всему, мужчин в тюрьме избивали. Один из арестованных — Секунд — умер в заключении, и, как напишет Перпетуя, «тело его уже испытало борьбу».

Сама она больше всего тревожилась об оставленном дома грудном ребенке. Но затем карфагенским христианам удалось подкупить стражников, и ей стали приносить сына в тюрьму на кормление. После этого, пишет Перпетуя, «темница показалась мне дворцом, и я предпочитала быть в ней скорее, чем где бы то ни было в другом месте».

Но вот наступил день суда. На заседание пришел отец Перпетуи, который умолял дочь пожалеть его седины и отказаться от прежних показаний.

Вот как молодая женщина и любящая дочь описывает еще одно сильнейшее испытание:

«Он пришел ко мне и бросился передо мной.

— Сжался, дочь моя, над моими сединами. Сжался над твоим отцом, если я могу еще называться твоим отцом. Этими самыми руками

я воспитал тебя до нынешнего твоего цветущего возраста, я всегда предпочитал тебя твоим братьям, не предавай же меня. Подумай о своих братьях, подумай о твоей матери, о твоей тетке, подумай о твоём сыне, который не сможет жить без тебя. Отложи свою храбрость и не доведи нас всех до гибели, потому что никто из нас не сможет жить со свободным сердцем, если ты пострадаешь.

Это и подобное говорил мой отец, в своей любви ко мне целуя мои руки, бросаясь к ногам моим и со слезами называя меня не дочерью, но госпожой. И я скорбела о седых волосах моего отца и о том, что он — единственный из всей нашей семьи — не радовался моему мученичеству. И я старалась утешить его, говоря:

— На лобном месте будет то, что Богу угодно, ибо знай, что мы находимся не в собственных наших руках, но в руках Божиих.

И он ушел от меня в огорчении».

На следующий день арестованных снова повели для слушания дела в городское управление. Слух об этом быстро распространился по городу, и в зале суда собралось много народа. Ведь и Фивию Перпетую, и других арестованных многие карфагеняне знали с детских лет, и уж конечно вовсе не как преступников.

Подсудимые взошли на возвышение. Каждый по очереди был допрошен и «исповедал свою вину», то есть вслух говорил, что он — христианин.

Когда очередь дошла до Фивии Перпетуи, в зале неожиданно появился ее отец с младенцем на руках.

«Мой отец с моим мальчиком протиснулся ко мне и тихим голосом сказал мне:

— Пожалей свое дитя.

Илариан-прокуратор, который только что принял власть вместо проконсула Минуция Тимияна, недавно умершего, сказал:

— Пощади седины отца твоего, пощади младенчество твоего сына, принеси жертву о благополучии императоров.

Я ответила:

— Я не сделаю этого.

Илариан спросил:

— Христианка ли ты?

Я ответила:

— Да, я — христианка».

После полученных признаний оставалось только дожидаться решения суда, но Фивия Перпетуя и до вынесения вердикта знала, что это будет смертный приговор.

Ей было открыто в сонном видении, что всех подсудимых в скором времени ожидает мученичество за Христа, и даже то, что Сатур уйдет из жизни первым.

Она описывает в дневнике, что видела во сне «золотую лестницу изумительной высоты, чрезвычайно высокую, которая доходила от земли до неба».

Эта лестница была такой узкой, что взбираться по ней можно было только поодиночке, к тому же бока этой лестницы были увешаны и утыканы острыми мечами, ножами, копьями, кинжалами, гвоздями, крючьями и тому подобными острыми предметами.

У подножия лестницы сидел страшный змий, готовый броситься на всех, кто хотел по ней подняться. Не обращая на него внимания, Сатур первым взошел на лестницу и благополучно взобрался наверх. На самой верхней ступени он оглянулся и обратился к Перпетуе со словами:

— Перпетуя! Я жду тебя, но остерегайся, чтобы змий не поглотил тебя.

— Я не боюсь его, — ответила она и тоже стала подниматься по лестнице, как на первую ступень, наступив на голову змия.

А когда тоже поднялась — увидела райские обитатели и прекрасные селения. Там она встретила благообразного пастуха, который доил овец. Пастух предложил ей испить молока, Перпетуя согласилась и... проснулась. Пробудившись, она почувствовала во рту «сладость, которую не в силах описать» и с этого момента «перестала иметь какую-нибудь надежду на этот мир».

Но все же приговор, который вынес карфагенским христианам суд, заставил содрогнуться многих присутствующих на заседании.

7 марта 203 года, в день рождения Геты — сына императора Септимия Севера, во время

праздничных игр арестованные должны быть отданы на растерзание зверям на арене цирка. Это был очень жестокий приговор: как правило, осужденных приговаривали к «усечению мечом». Существует версия, что недавно прибывший из Испании новый губернатор Карфагена Публий Илариан хотел таким образом отличиться перед цезарем и устроить в честь императорского сына человеческие жертвоприношения.

«После того прокуратор произнес приговор обо всех нас, осудив нас на съедение диким зверям, и мы сошли с помоста вниз и, радостные, вернулись в темницу», — запишет, вернувшись из зала суда, Перпетуя.

Радость... Вот то самое чувство, которое испытывали христиане первых веков, воспринимая как великую награду возможность пострадать за Христа. До казни оставалось еще несколько дней. Главной заботой Фивии Перпетуи был маленький сын, но даже это вскоре перестало ее мучить: «Так как мой ребенок должен был питаться моей грудью и для того находиться при мне в темнице, то я просила диакона Помпония пойти к моему отцу и просить его дать мне моего младенца, но отец мой не дал его. И, видимо, была на это воля Божия, потому что дитя перестало просить о груди, а мои груди не причинили мне никакой тяготы, и я перестала терзаться заботой о моем ребенке и болью в грудях».

Схваченная вместе с госпожой рабыня Фелицитата была беременна, и у нее приближалось время родов. Она боялась, что не успеет родить до дня казни. По закону беременных женщин нельзя было подвергать общественным наказаниям. И значит, ее должны были казнить не с единоверцами, а среди преступников.

В тюрьме Фелицитата мучилась родами и громко стонала.

Кто-то из тюремщиков ее спросил:

— Ты, которая так страдаешь сейчас, что же станешь делать, когда будешь брошена диким зверям, которых ты так презирала, когда отказывалась принести жертву?

Она ответила:

— Сейчас страдаю я, а там со мной будет страдать Другой, так как я готова страдать с Ним, — имея в виду Иисуса Христа.

За два дня до казни Фелицитата родила девочку, которую передали женщине-христианке, и та воспитала ее как свое дитя.

В тюрьме с осужденными на казнь стали обращаться еще хуже прежнего: перестали кормить, запретили свидания. Кто-то нашептал трибуну, что христиане могут сбежать из тюрьмы «посредством волшебных заклинаний и песен», и он ужесточил условия их содержания.

Перпетуя пристыдила его, сказав:

— Почему ты не позволяешь нам лучшего утешения? Ведь мы подведомственны благородному

цезарю и будем бороться со зверями в день его рождения. Не является ли для тебя славой, чтобы мы выглядели более сытыми и здоровыми в этом представлении?

Трибун покраснел и приказал, чтобы христиан содержали с большей человечностью. По крайней мере к ним снова стали пускать посетителей.

Один из тюремщиков сделал для осужденных много доброго.

«Пуденс-воин, помощник надзирателя тюрьмы, который начал относиться к нам с большим почтением, убеждаясь, что великая сила Божия была с нами, допустил много братьев видеть нас, чтобы и мы и они могли бы взаимно ободрить друг друга». Накануне казни узники совершили в темнице агапу — общую трапезу, соединенную с богослужением: общей молитвой, пением псалмов, гимнов.

В помещение стали набиваться любопытные стражники, которые прежде ничего подобного не видели.

— Сегодня вы, видимо, тронуты нашей судьбою, — сказал им Сатур, — а завтра будете рукоплескать нашим убийцам. Всмотритесь в нас, чтобы вы могли узнать нас, когда все мы предстанем пред грозным Судиею живых и мертвых.

Тюремщики испугались этих слов и разошлись, но один из них остался. Это был уверовавший во Христа Пуденс, который принял решение вместе с осужденными принять смерть на арене.

В ночь перед казнью Фивия Перпетуя увидела еще один сон, который успела записать. Она как будто бы подошла к амфитеатру цирка и взошла на арену, где ей предстояло начать схватку с безобразным эфиопом. Перпетуя дала согласие и уже готовилась вступить в бой, как вдруг появился высокого роста человек, в одной руке которого была красивая трость, а в другой — зеленая ветвь с золотыми яблоками. Он огласил условия предстоящего состязания: если эфиоп победит женщину, то может убить ее; если же одолеет женщина, то она получит в награду ветвь с яблоками.

Началась борьба. Перпетуя ловко уворачивалась и убегала от эфиопа, состязание было трудным. Наконец, чтобы скорее окончить борьбу, она сложила вместе обе руки и ударила ими по голове противника так сильно, что эфиоп упал на песок. Перпетуя получила обещанную награду — ветвь с золотыми яблоками.

«Меня утешило это видение, — написала в дневнике Перпетуя, — ибо оно хотя и предсказывало мне борьбу, но вместе с тем уверяло меня в победе».

Как скажет в своей апологии Марк Минуций Феликс, современник карфагенских христиан: «Мы испытываемся несчастьями, как золото огнем». Вот и видения Фивии Перпетуи были такими же: золотая лестница, золотые яблоки... Записки Фивии Перпетуи завершаются такими словами:

«Итак, я заканчиваю это описание нескольких дней перед представлением. А то, что совершится на представлении, пусть запишет кто-нибудь другой».

И вот наступило 7 марта 203 года — день рождения несчастного Геты, который спустя несколько лет будет убит на глазах у матери родным братом.

С раннего утра жители Карфагена начали занимать места в цирке, чтобы быть ближе к арене.

Все-таки поразительна эта любовь римлян к жестокому, кровавому зрелищу... Сейчас она кажется нам коллективным помешательством, но история дает возможность проследить, как оно развивалось, достигнув в III веке состояния полного безумия. Когда-то все начиналось с благородного обряда устраивать состязания на могилах умерших предков, чтобы те тоже смогли полюбоваться доблестью потомков. Вынесенные на широкую публику турниры, уже с участием осужденных на смерть преступников и плененных врагов Рима, стали любимым развлечением римлян.

Как сообщает в «Анналах» историк Тацит, «ранее наспех сколачивали ступенчатые трибуны для зрителей и временную сцену, а если глубже заглянуть в старину, то народ смотрел представления стоя, ибо опасались, что если в театре будут сиденья, он станет проводить в нем целые дни в полном безделье». И эти опасения

полностью оправдались. В императорском Риме гладиаторские бои длились целыми днями и неделями, а в честь особых праздников — месяцами. Кровавые зрелища становились все более широкомасштабными и изощренными.

Это были и морские сражения, где гладиаторы с трезубцами охотились на жертв, наряженных морскими чудовищами, так что в конце представления вода на арене становилась красной от крови, и инсценировки знаменитых исторических битв, и охота на диких зверей в Африке. Дело дошло до того, что к III веку популяции многих животных в Римской империи были на грани уничтожения. Со всех частей света на гладиаторские игры везли слонов, крокодилов, львов, леопардов, медведей, кабанов — только для того, чтобы их публично убить.

Римский консул и историк Дион Кассий в «Римской истории» сообщил, что в день торжественного открытия Колизея на арену выпустили до девяти тысяч зверей и большое количество преступников, осужденных на смерть. У нас нет данных о массовых казнях христиан именно в Колизее, но традиция сохранила имя одного узника, растерзанного на этой арене в начале II века, — святой Игнатий Богоносец.

Римлянам так понравилось наблюдать публичные убийства безоружных людей, что без этого уже не могли обойтись и театры: во время представления непременно проливалась чья-то кровь!

*...Скалы по ней поползли, и лес побежал баснословный,
Напоминая собой сказочный сад Гесперид.
Вместе с домашним скотом были всякие дикие звери,
И наверху над певцом реяло множество птиц,
Сам же, однако, он пал, растерзан коварным медведем, —*

так описывает театральное представление римский поэт I века Марциал.

И в его «Книге зрелищ» нет ни малейшего сожаления о несчастном, который на глазах у всех был растерзан в рукотворном «сказочном саду».

Осужденных на смерть наряжали в звериные шкуры или костюмы богов и заставляли перед казнью разыгрывать для потехи публики целые спектакли. Чтобы привлечь интерес публики, в конце драмы «Геракл» героя могли и сжечь на настоящем костре. А в популярной, любимой римлянами драме Катулла «Лавреол» о беглом рабе, ставшем разбойником, главного героя — Лавреола — в финале полагалось распять на кресте.

Никто давно уже не мог понять, что происходило на арене. Будь то гладиаторские сражения, цирковое или театральное представление, — все вместе они назывались одним словом — зрелища. Впрочем, было и другое распространенное название — потешные игры, так как они устраивались для потехи зрителей. Возбужденная видом крови и смерти, публика доходила до полного неистовства...

Блаженный Августин в своей «Исповеди» рассказывает о юноше, который ненавидел подоб-

ные зрелища и осуждал друзей за то, что они ходят в цирк. На спор юноша согласился один раз пойти на гладиаторские игры, сказав, что даже не будет смотреть на арену. Он действительно зажмурился, но в тот момент, когда трибуны взорвались криками, не выдержал и открыл глаза...

«Как только увидел он эту кровь, он упился свирепостью, он не отвернулся, а глядел, не отводя глаз, он неистовствовал, не замечая того, наслаждался преступной борьбой, пьянел кровавым восторгом. Он был уже не тем человеком, что пришел, а одним из толпы, к которой пришел, настоящим товарищем тех, кто его привел. Чего больше? Он смотрел, кричал, горел и унес с собой безумное желание, гнавшее его обратно».

Утром карфагенских христиан вывели из темницы и повели в амфитеатр. По сценарию «потешных игр» мужчин должны были одеть в костюмы Сатурна, женщинам следовало изображать римскую богиню урожая Цереру. Но Перпетуя отказалась наряжаться и сказала, заступившись за других:

— Мы пришли сюда по собственному нашему изволению, и поэтому наша свобода не должна быть насилуема. Мы пришли сюда именно для того, чтобы не делать таких вещей. Думаю, что вы согласитесь с нами в этом.

Палачам пришлось уступить ее требованиям: осужденных вывели на арену в своей одежде.

«Перпетуя шла с кротким видом, с величием невесты Христовой, избранницы Божией, пряча

сияние своих глаз от рассматривания толпы», — рассказал очевидец, продолживший ее записи.

Поравнявшись со скамьей, где сидел вынесший им приговор прокуратор Илариан, кто-то из осужденных воскликнул: «Ты осуждаешь нас в настоящей жизни, но Бог осудит тебя в будущей!»

В амфитеатре среди жадных до зрелищ зрителей были и карфагенские христиане, которые пришли для того, чтобы услышать и запомнить каждое слово мучеников и по возможности после казни забрать их святые останки для достойного захоронения.

Для борьбы с Перпетуей и Фелицитатой была выведена дикая буйволица. Свирепое животное сразу же подняло Перпетую на рога и швырнуло на землю. Женщина лишилась чувств. Но к ней подбежала Фелицитата, которая находилась рядом, и подняла свою бывшую госпожу.

Удивленная Перпетуя не чувствовала ни страха, ни боли — «так глубоко она пребывала в Духе», и даже не сразу могла понять, откуда на ее теле появились раны.

«Жестокость зрителей была удовлетворена, и они потребовали, чтобы осужденные были выведены в Живительные врата», — свидетельствовал очевидец казни. Как и в любом цирке, у арены амфитеатра в Карфагене было двое главных ворот, именовавшихся Врата жизни (или Живительные врата) и Врата смерти. Победители покидали арену через Врата жизни,

а убитых или умирающих уносили через Врата смерти.

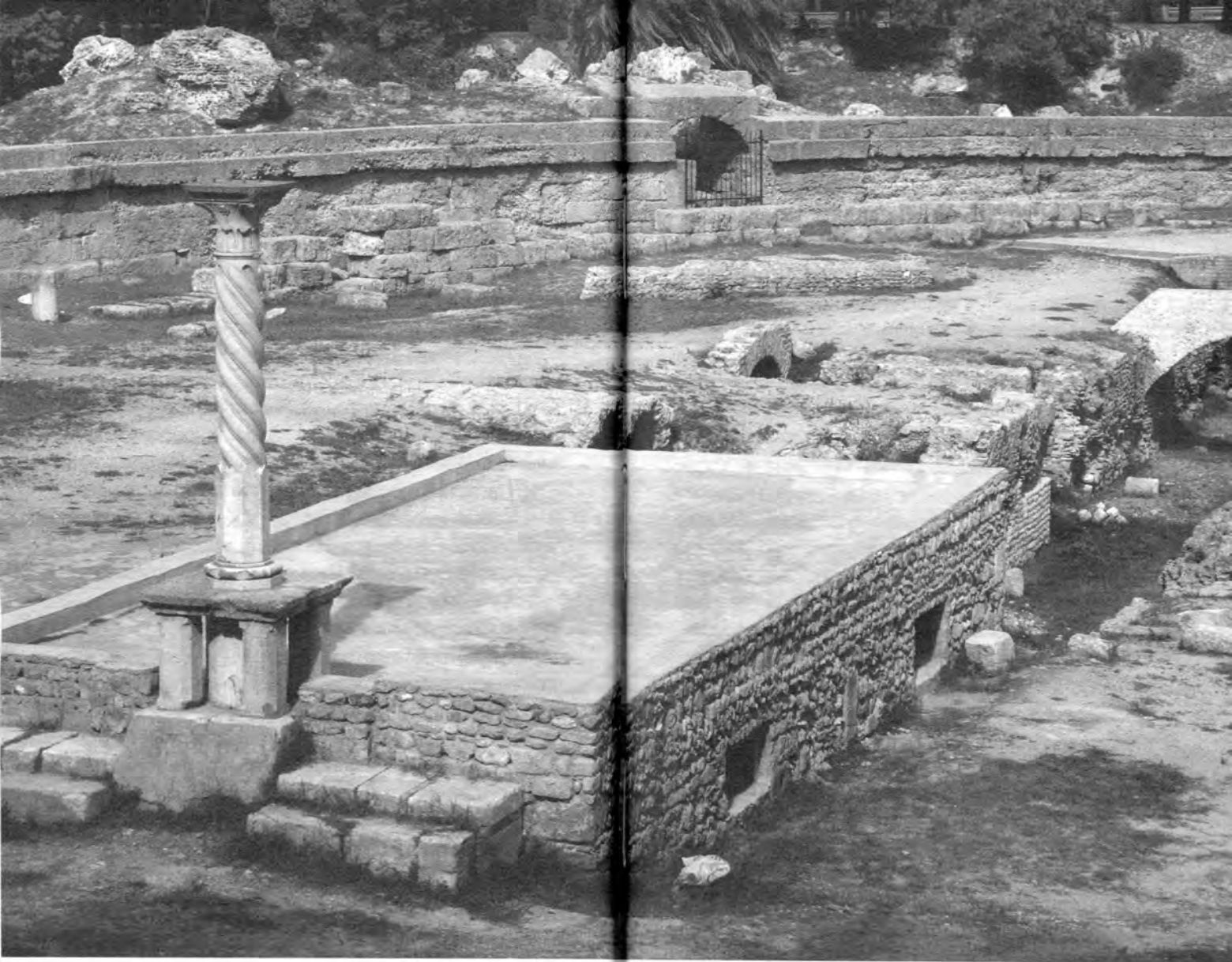
Но прокуратор не дал знака прекратить расправу над христианами, и представление продолжилось.

Велев друзьям подойти к ней ближе, Перпетуя сказала: «Стойте крепко в вере и любите друг друга, и не огорчайтесь моими страданиями».

Тем временем на арену выпустили кабана, медведя и леопарда. На Сатуре бросился леопард и тяжело ранил его. Увидев льющуюся кровь, народ на трибунах закричал: «Омыт и спасен, омыт и спасен!» и «Он крещается в другой раз!»

Такое крещение кровью принял на арене воин Пуденс, которого Сатур убеждал не падать духом. Умирая, Сатур снял с руки перстень, окунул его в свою кровь и дал Пуденсу «как знак памяти».

Апологет Марк Минуций Феликс, родиной которого тоже считается Африка, писал: «Не только мужчины, но даже отроки и женщины, вооружившись терпением в страданиях, презирают кресты, пытки зверей и все ужасы казней. И вы не понимаете, несчастные, что никто не захотел бы без причины подвергнуть себя казни, никто не мог бы без Божественной помощи вынести такие мучения». Затем, как это было принято на играх, раненых перенесли на особую площадку на арене, чтобы добить их. Толпа ринулась к этому месту, «чтобы видеть, как меч будет входить в тела мучеников, делая свои взоры как бы участниками убийств».

Римский амфитеатр в Карфагене (современный Тунис)

Мучеников подняли и поставили так, как того захотела толпа. Карфагенские христиане обменялись поцелуями, как написал очевидец, «причащаясь мученичеству с лобзанием мира». Неопытный палач сумел предать смерти Фивию Перпетую только со второго удара, и она сама приставила его меч к своему горлу.

«...И я пошла и увидела большой сад, а в середине сада седовласого человека, сидящего в пастушьей одежде и доящего овец. Вокруг же стояли многие тысячи облеченных в белые одежды. Он поднял голову, посмотрел на меня и сказал: „Приветствую тебя, дочь Моя!“ И Он позвал меня и дал мне кусок сыра из молока, которое надоил. Я приняла сыр протянутыми руками и съела его. А все стоящие кругом сказали: „Аминь“».

В темнице Сатур тоже записывал свои видения. Он увидел, как четыре Ангела переносят его и Фивию Перпетую куда-то на восток, в прекрасный сад, где их встречают другие африканские мученики — Иокунд, Сатурнин, Артай и Квинт. В другой раз Сатур видел священномучеников — епископа Оптата Карфагенского и пресвитера Аспазия, предлагавших ему остаться с ними.

И райские чертоги, и Ангелы, поющие «Свят, свят, свят», и двадцать четыре старца на удивление похожи на то, что созерцал духом и описал в Апокалипсисе Иоанн Богослов, — эта реальность доступна только святым.

Тела святых карфагенских мучеников погребли в Карфагене. Позднее над их могилами была возведена величественная базилика. Уже в наше время на ее месте обнаружена плита с высеченными именами Перпетуи и Фелицитаты.

Но они были и ранее известны верующим, благодаря уникальному древнему документу «Страдания святых мучеников Перпетуи, Фелицитаты, Сатура, Сатурнина, Секунда и Ревоката». Основная часть текста представляет собой тюремные записки Фивии Перпетуи и Сатура, а завершающая часть, по мнению исследователей, написана Тертуллианом со слов очевидцев. Впрочем, по поводу последней части есть и другие версии, но ни у кого нет сомнений, что «Страдания» сохранили для нас реальные сведения о карфагенских мучениках. И подобных историй в конце II — начале III века в древнеримской провинции Африка происходило немало.

Известно, что в царствование Коммода христиане из местечка Исхли (по-латыни Сцили) отказались поклоняться «гению» императора. Имена семи мужчин и пяти женщин, обезглавленных в Карфагене 17 июля 180 года, перечислены в древнем документе «Акты сцилийских мучеников».

В 188 году, как сообщает Тертуллиан в сочинении «Апологетика», ярость карфагенского населения против христиан возбудили жрицы богини Целесты. Толпа нападала на собрания,

оскверняла христианские кладбища, требовала от властей «не отводить поля под гробницы христиан».

В 198 году, при Септимии Севере, состоялась казнь христианина Намфата и других мучеников в африканском городе Мадавре.

Гонения в Африке были такими сильными, что Тертуллиану пришлось написать послание римскому проконсулу в Африке Скапуле, который из ненависти к христианам вообще хотел казнить каждого десятого жителя Карфагена. Это жестокое наказание — децимация — применялось только в римских армиях, да и то в исключительных случаях, для подавления бунтов.

«Пощади несчастную сию провинцию», — взывал Тертуллиан и тут же утверждал с гордостью: «У нас нет иного верховного владыки, кроме Бога. Он превыше тебя, Он не может и не захочет оставаться в неизвестности, и ты ничего не в состоянии сделать против Него».

Время показало, насколько он был прав.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК
КИПРИАН КАРФАГЕНСКИЙ

(201–258)

← *Священномученик Киприан Карфагенский. Фреска. Феофан Критский и Симеон. Монастырь Ставроникита, Афон, Греция. 1546 г.*

...Изменило меня в нового человека...

В начале III века в Карфагене в семье сенатора-язычника родился удивительно способный ребенок — Фасций Киприан.

Мальчик получил прекрасное образование и стал известным в городе юристом, учителем философии и оратором.

«А что достохвальнее, нежели прославление Карфагена — города, в котором все вы — люди учейшие, всякую науку у вас юные учат, взрослые применяют, старцы преподают?» — писал о Карфагене римский писатель Апулей, сам выходец из Африки.

Фасция Киприана часто приглашали в суды как защитника — выступать по делам сограждан. Он мог разобраться в самых запутанных делах и пользовался большим уважением среди жителей Карфагена.

От богатых родителей Фасций Киприан унаследовал состояние и ни в чем не нуждался. Да он и сам хорошо зарабатывал, постоянно увеличивал свое состояние и жил на широкую ногу:

любил красиво одеваться, закатывал пиры, ни в чем себе не отказывал.

Впоследствии он скажет, что долго «носился и блуждал на море этого бурного века» — примерно до сорока пяти лет.

Мы не знаем, почему и при каких обстоятельствах Фасций Киприан заинтересовался христианским учением. Возможно, он просто решил самостоятельно разобраться, почему, несмотря на запреты, появляется все больше сторонников новой веры.

В «Апологетике» Тертуллиан утверждал, что к началу III века количество христиан в Римской империи было огромно. Языческие жрецы жаловались на опустевшие храмы, в то время как во всех городах и деревнях умножалось число уверовавших во Христа. «Все возрасты, состояния и звания переходят к нам, — писал Тертуллиан с присущим ему красноречием. — Мы появились только вчера, но мир уже полон нами».

Современные исследователи считают, что писатель несколько преувеличивал общепризнанность христианства, точнее, выдавал желаемое за действительное. Мир еще был полон теми, кто заполнял трибуны многотысячных амфитеатров и с радостью смотрел, как христиан истязают на аренах.

Но в III веке думающему человеку не заметить христианское учение действительно было уже трудно.

Вот и блестящий юрист Фасций Киприан углубился в изучение христианства и первым делом ознакомился с трудами своего известного земляка Тертуллиана. И они его сильно, очень сильно впечатлили!

Наверняка он даже пожалел, что не успел познакомиться с Тертуллианом лично: этот сын карфагенского сотника, с юности обратившийся ко Христу, к тому времени примерно двадцать лет как скончался в Карфагене.

Тертуллиан писал свои сочинения на хорошей латыни и обращал их именно к римлянину, к римскому сознанию — и в этом среди христианских авторов он был первопроходцем. К тому же Тертуллиан защищал христиан не только как философ, но и как юрист и политик. Такой подход многим образованным римлянам, в том числе и Фасцию Киприану, был особенно близок.

Христианам просто говорили в суде: *Non licet esse vos* — «Вам не дозволено быть». Но Тертуллиан на конкретных примерах старался доказать, что судопроизводство, применяемое к христианам, несправедливо и давно устарело. Он пытался разобраться в путанице противоречащих друг другу сенатских решений, полемично спрашивал: можно ли вообще для открытия истины применять пытки, которые заставляют лгать?

«Сколько законов ждут реформы, если действительно законы пользуются уважением не на

основании их древности или заслуг законодателей, а соразмерно с проникающей их справедливостью! А пока они признаются несправедливыми, мы имеем право осуждать те законы, которые осуждают нас», — пишет он в «Апологетике».

Тертуллиан умел спорить, критиковать, полемизировать, ломать расхожие представления, ставить под сомнение общепринятые авторитеты, другими словами — будил мысль. К сожалению, позднее Тертуллиан примкнул к малоазийским сектантам-монтанистам — проповедникам крайнего аскетизма и мученичества во имя Христа, а потом основал собственную общину и ушел слишком далеко от учения Церкви. Но литературные сочинения мятежного писателя и мыслителя являются важными историческими источниками, помогающими почувствовать пульсацию раннехристианской мысли.

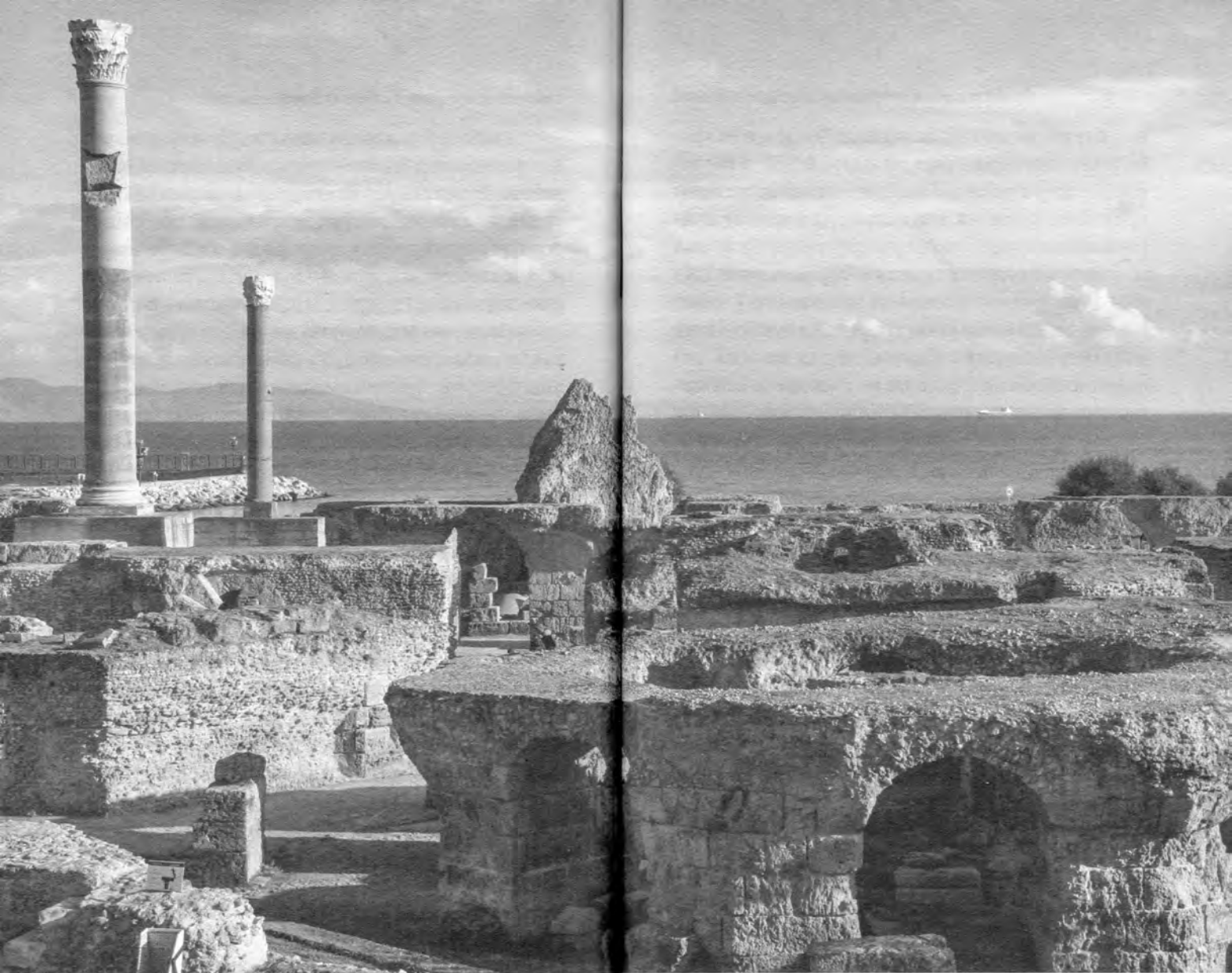
«...Философов нельзя сравнивать с христианами ни по их учению, ни по чистоте нравов. У христиан последний из ремесленников не только знает Бога, но может и другого научить Богопознанию и удовлетворительно дает ответ на каждый вопрос о Боге. Между тем как Платон утверждает, что Творца вселенной и познать нелегко, и, познавши, трудно объяснить всем... Что общего между философом и христианином? Между учеником Греции и учеником Неба? Между тем, кто выдумывает все новые заблуждения, и тем, кто бережно хранит истину?»

Все по-разному приходят ко Христу. Фасций Киприан, как и многие люди в наше время, пришел ко Христу через книги, перевернувшие многие его привычные представления. В особенности в учении Христа его потрясло обещание вечной жизни и спасения — и то, что это открыто для каждого.

«Люди не рождаются, но делаются христианами, — писал, приободряя таких, как он, Тертуллиан, — и мы прежде смеялись над тем, чему веруем ныне».

Но Киприан считал, что такое высокое, чистое учение лично ему не подходит, он его недостойн. Отголоски его сомнений можно найти в «Послании к Донату о благодати Божией», где он пишет о себе:

«Научится ли когда бережливости тот, кто привык к великолепным пиршествам и роскошным обедам? Покажется ли когда-нибудь народу в обыкновенном и простом платье тот, на ком всегда сияли драгоценные, блестящие золотом одежды и багряница?.. Всегда сопровождаемый своими клиентами, окружаемый в знак почести многочисленной толпой раболепствующего ему народа, он почитает наказанием, когда бывает один. Как раб беспрестанных забав, он не может отстать от привычного пьянства; его надмевает гордость, воспаляет гнев, подстрекает корысть, разжигает жестокость, услаждает честолюбие, увлекает похоть».

Руины городских кварталов Карфагена
(современный Тунис). Термы Антонина. II в.

Как мы видим, в Послании к Донату, в то время епископу карфагенской христианской общины, Киприан откровенно рассказывал о своем прежнем образе жизни, весьма далеком от христианского.

Многих современников Киприана волновал еще один вопрос: можно ли христианину заниматься какой-либо общественной службой или, к примеру, служить в армии? Ведь каждый акт публичной жизни, будь ты муниципальный магистрат, государственный чиновник или офицер, сопровождался молитвами и жертвоприношениями римским богам.

Категоричный, склонный к крайностям Тертуллиан отвечал на этот вопрос однозначно: нет, невозможно.

В своем сочинении «Против идолов», с которым Фасций Киприан наверняка был знаком, Тертуллиан так обосновывал свое мнение: «Если допустят, что можно, будучи магистратом, не совершать церемоний и не назначать их, не совершать жертвоприношений и не заботиться о храмах, не назначать людей для заботы о них, не устраивать игр и не председательствовать на них, не решать вопрос об имуществе и жизни граждан, не присуждать их к заключению в тюрьме или к пытке, тогда можно решить, что христианину дозволительно быть магистратом».

Вместо последнего слова можно подставить любое другое: цензором, юристом, адвокатом...

А ведь Киприан в своем деле был, как сказали бы сейчас, профессионалом, накопившим в этой области большие знания. Он любил юриспруденцию, может быть, даже больше «роскошных обедов» и «беспрестанных забав». Значит, и от этого нужно отказаться? Находясь под впечатлением от работ Тертуллиана, он мог и не знать, что не все разделяли столь категоричные суждения автора.

Неизвестно, в какую сторону завели бы Киприана сомнения, но в нужную минуту он встретился с христианским пресвитером Цецилием, который стал его учителем и близким другом.

Один из самых ярких критиков христианства того времени — философ-платоник Цельс издевательски писал, что только «разные шерстянщики, сапожники, кожевники, самые необразованные, самые низкие люди были самыми ревностными распространителями христианства и проповедовали его прежде всего среди женщин и детей». Но образованный, благородного происхождения Киприан из Карфагена уж точно не был похож на «шерстящика».

В возрасте сорока шести лет преуспевающий юрист Фасций Киприан был принят в христианскую общину Карфагена как оглашенный.

А через несколько месяцев он уже раздал все свои накопления бедным и переселился в простой дом пресвитера Цецилия. Всю жизнь Киприан с почтением, как к отцу, относился к этому человеку, который помог ему родиться заново. В знак

признательности он даже принял имя пресвитера и стал называться Фасцием Цецилием Киприаном.

Впоследствии в письме к карфагенскому епископу Донату Киприан описал, что он пережил в момент крещения: «Когда возрождающая волна очистила нечистоты моей прежней жизни, свет, тихий и ясный, нисшел с Неба в сердце мое. Когда второе рождение Духом Небесным изменило меня в нового человека, то чудным образом укрепился я против сомнений, открылись тайны, осветилось темное...»

И сделал важное признание, что после крещения почувствовал в себе новые, в том числе и творческие, силы:

«Какое могущество, какая сила души! Кто очистился и пребывает чист, тот не только сам себя сохраняет от мирских соблазнов, не только не уловляется никакою сетью нападающего на него врага, но и укрепляется в своих силах до того, что над всем воинством противника господствует по своей воле, как повелитель».

Уже через год после крещения Фасций Цецилий Киприан был рукоположен в пресвитера, а в 249 году был почти единогласно избран епископом Карфагенским. Это был редкий случай, чтобы в епископы избрали человека, по сути, всего два года как примкнувшего к Церкви. Киприан отказывался, считая себя недостойным, но карфагенские христиане настояли. Для них было важно, чтобы именно такой человек — умный, авторитет-

ный, юридически образованный, с твердым характером — возглавил общину и стал их защитником.

Почти одновременно с избранием Киприана епископом Карфагенским на римский престол взошел новый непримиримый враг христиан — император Деций.

До него империей правил Гелиогабал, увлеченно пытавшийся совместить христианство с сирийским культом солнца и не слишком обращавший внимание на самих верующих. Затем тринадцать лет на троне был Александр Север, который в равной степени интересовался всеми религиями и из каждой выбирал для себя то, что ему больше нравилось.

О Севере, этом первом из экуменистов — идеологов всехристианского единства, — интересно рассказано в «Истории Августов»: «В своей божнице наряду с римскими ларами, статуями божественных императоров и Александра Македонского он держал изображения Авраама и Христа. Александр украсил храм Изиды, но подумывал построить храм Христу. Однажды христиане заняли какой-то участок земли, что не понравилось местным трактирщикам. Император решил, что пусть лучше на этом месте в любой форме поклоняются Богу, чем процветают кабаки».

Из последующих трех императоров один — Филипп Аравитянин — даже благоволил к христианам, и некоторые исследователи считают его самого тайным христианином.

Но это была лишь тридцатилетняя передышка перед новыми испытаниями.

Цезарь Деций решил продолжить жесткую политику Траяна и даже принял в честь него имя — Деций Траян. Он поставил перед собой конкретную цель — обратить всех христиан в язычество или уничтожить.

На основании указа 249 года христиан следовало разыскивать во всех уголках Римской империи и заставлять отречься от своей веры. И не только на словах, но непременно через жертвоприношения. Всех, кто отказывался, разрешалось жестоко пытаться и казнить.

«От этого пустыни наполнились преследуемыми; дома опустели, лишившись жителей; многие общественные здания были назначены для заключения узников, потому что темницы не могли вместить в себе множества мучимых за веру; все площади и собрания, как общественные, так и частные, вместо обычного веселия разделяли таковые же бедствия; потому что и здесь одних тащили, других уводили; прочие же при этом зрелище или смеялись, или плакали» — так описывал тяжелое время «дециевых гонений» святитель Григорий Нисский.

Первыми во исполнение указа во всех областях Римской империи арестовывали епископов и священнослужителей.

Как напишет Киприан, император Деций с большим спокойствием духа мог перенести по-

явление соперника по императорской короне, чем поставление на кафедру нового епископа в Риме, — священники были ему особенно ненавистны.

Вскоре волна репрессий докатилась до Карфагена, но епископ Киприан сумел предупредить о ней паству. Кто-то из карфагенских христиан предпочел скрыться, другие остались в городе. Епископ был объявлен вне закона, в карфагенском амфитеатре все чаще раздавались крики: «Киприана львам! Зверей! Зверей!» Оживились и те, кому не давало покоя церковное имущество.

Верующие уговорили епископа на время покинуть Карфаген, чтобы он руководил общиной из безопасного места. Перед отъездом Киприан Карфагенский разделил церковные сбережения между диаконами, наказывая им продолжать помогать нуждающимся, и на некоторое время «ушел в подполье». Все это время он поддерживал связь с карфагенскими христианами: писал письма, давал советы, велел соблюдать осторожность.

«Ибо хотя братья по любви своей ревнуют собираться и посещать добрых исповедников, которых Бог удостоил уже прославиться славными начатками, однако, по моему мнению, нужно делать это осторожно, не толпами, не собираясь вместе, чтобы тем самым не возбудить злобы и не заградить себе входа и чтобы, ненасытно желая всего, всего не потерять... Ибо во всех отношениях нам нужно вести себя кротко и смиренно, как

прилично рабам Божиим; приспособляться к обстоятельствам, стараться о спокойствии и иметь попечение о народе» («Письмо к пресвитерам и диаконам»).

Из своего далека ему приходилось решать и спорные вопросы.

Епископ уполномочил нескольких пресвитеров, которым он доверял, проверить, насколько нравственную жизнь вел Фелициссим, которого самовольно поставил диаконом пресвитер Новат, всячески демонстрировавший неприязнь к епископу Киприану. Испытание ставленника перед хиротонией начиная с первых веков является общепринятой церковной практикой. Но просьба епископа почему-то встретила неожиданное сопротивление со стороны Фелициссима и пресвитера Новата. Они подняли возмущение и против проверяющих, и против самого епископа Киприана.

Киприан Карфагенский поступил твердо: отлучил Фелициссима и шестерых его сторонников от Церкви. Епископ написал послание к пастве, где увещевал христиан не нарушать единства Церкви, подчиняться законным распоряжениям и дожидаться его возвращения. Отступничество и раскол он считал тяжелейшими преступлениями.

«Равным образом и каждый, приставший к его крамоле и расколу, пусть знает, что не будет иметь с нами общения в Церкви как добровольно

захотевший отделить себя от Церкви» («Письмо к Калдонию Гуркулану об отлучении Фелициссима»). Как и епископ Игнатий Богоносец, он считал непослушание священноначалию источником серьезных бед и раскола в Церкви.

«Ибо усилия еретиков и зломыслящих раскольников начинаются обыкновенно с самоугождения, соединенного с надменным и гордым презрением к предстоятелю. Так совершается отступление от Церкви и осквернение алтаря, так возмущается мир Христов, чиноположение и единство Божие, — писал Киприан в «Письме к Рагациану о дьяконе, оскорбившем епископа».

В середине III века христианский поэт Комодиан (считается, что он принадлежал к школе Тертуллиана) горько жаловался на слишком уступчивых духовных лиц, которые по доброте душевной, из выгоды или боязни скрывают от верующих истину, стараются облегчить, сгладить проблемы и говорят только то, что всем приятно слушать.

Епископ Киприан Карфагенский к их числу не принадлежал. Все чаще в затруднительных случаях епископы других кафедр обращались к нему за советами — его мнения всегда конкретны, аргументированы, хотя и лишены «приятности».

«Пусть щеголяет богатое красноречие свою изворотливость в судебных местах и в публичных речах, произносимых среди народных

собраний. Где идет речь о Господе Боге, там чистое и искреннее слово ищет доказательств для веры не в силе красноречия, а в самой вещи, — выразил свое кредо Киприан Карфагенский в письме к Донату еще до своего избрания в епископы. — Ожидай от меня не красноречия, а силы, не речей, прикрашенных витиеватыми оборотами, какими увлекается толпа, а безыскусственного, сильного простою истиною слова...»

В 251 году император Деций погиб на войне с готами, но за почти два года его гонений успели пострадать тысячи невинных. Не все выдерживали тюрьмы и пытки — были и те, кто отпадал от веры. Таких в Церкви называли падшими (*lapsi*).

Отречение от веры происходило по-разному. Кто-то отступался при первом же допросе. Как говорил Киприан Карфагенский, некоторые отрекались с какой-то странной поспешностью. Не дожидаясь, пока на них укажут соседи, они сами шли к судьям и объявляли, что не являются христианами, или же на суде отрекались раньше, чем их об этом спрашивали. Другие подкупом добывали себе ложные свидетельства, что они якобы совершили жертвоприношения идолам, хотя на самом деле этого не делали. Таких называли *libellatici* — буквально «получившие удостоверение, либеллу». Были и те, особенно среди богатых карфагенян, кто выставлял вместо себя на допрос рабов.

Зато исповедники, с достоинством выдержавшие испытания, пользовались среди верующих огромным уважением. Они имели право писать соборные послания к различным Церквям, ходатайствовать перед епископами о прощении кающихся или о сокращении их епитимий, их голоса были первыми на собраниях.

Сразу же после смерти Деция многие из отпавших христиан стали обращаться к исповедникам, чтобы те дали им так называемые «письма мира», то есть ходатайственные записки о восстановлении в общине.

Перед Церковью встала новая проблема: как поступать с падшими? Многие считали, что падшие — потерянные для Церкви люди и, даже если кто-то из них раскается, принимать их обратно в общину нельзя.

Но была и другая крайность. Появился некий исповедник Лукиан, который объявил, что карфагенский мученик Павел в час своей смерти дал ему власть его именем прощать всех падших. Лукиан начал всем без разбора давать отпустительные листы, заочно в письмах прощал целые группы падших, и его самомнение стало возмущать многих. Епископ Киприан Карфагенский высказал по этому вопросу свое авторитетное мнение. Он считал, что нужно подробно рассматривать каждый отдельный случай, вникать во все обстоятельства отречения, учитывать искренность раскаяния. И только после церковного

покаяния и с разрешения епископа принимать падшего обратно в общину. По сути, он переносил на церковную жизнь судебную практику, проявляя справедливость и давая каждому возможность для исправления.

«Некоторым даются такие свидетельства, в которых говорится только: „Да имеет он общение со своими“, — чего решительно никогда не допускалось мучениками, потому что неопределенное и безыменное ходатайство только умножит впоследствии неудовольствие к нам. Слова „он со своими“ имеют обширное значение, и к нам могут являться по двадцати, тридцати и более человек, уверяя, что они родные, родственники, вольноотпущенные и слуги того, кто получил свидетельство. И потому прошу поименно означать в свидетельстве тех, которых вы сами видели, знаете и покаяния которых находите более или менее удовлетворительными; и такие только письма, сообразные с верою и учением, присылайте к нам...» («Письмо к мученикам и исповедникам, просившим даровать мир падшим»).

Мнение Киприана Карфагенского поддерживали многие епископы, хотя он вовсе не стремился к тому, чтобы быть для остальных неким духовным лидером. Наоборот, епископ Киприан был убежден, что единство Церкви должно выражаться не в суждении некого церковного авторитета, «епископа епископов», а в соборном решении всех

епископов, которые в равной мере наделены благодатью Святого Духа и каждый самостоятельно управляет своей паствой.

В 251 году епископ Киприан созвал в Карфагене собор, который подтвердил его суждения о возможности принятия в Церковь падших после принесения ими церковного покаяния, а также отлучение Фелициссима. Были выработаны различные степени покаяния для падших, «дабы не овладело ими отчаяние». При этом епископы и другие служители Церкви, хотя бы однажды проявившие малодушие, лишались сана и принимались в общину как простые миряне.

В Риме вопрос о падших даже стал причиной раскола. Римский священник Новациан, к которому присоединился карфагенский пресвитер Новат (тот самый, кто вместе с Фелициссимом взбунтовался против епископа Киприана и успел за это время перебраться в Рим), был убежден, что падших ни при каких обстоятельствах нельзя обратно принимать в Церковь.

Новациан, принадлежащий к числу тех, кого сейчас принято называть «крайними радикалами», вместе с карфагенянином Новатом нашел сторонников в лице еще трех италийских епископов и выступил против действующего тогда римского епископа Корнилия. Они называли себя и своих последователей «кафарами», то есть чистыми, и убеждали христиан, что никто не должен вступать в общение с падшими, а также

со вступившими в повторные браки. «Кафары» посчитали, что кафедру в Риме должен возглавлять такой «чистый» человек, как Новациан, объявили его римским епископом и письма об этом разослали в разные церкви.

Самочинного епископа никто не принял, в том числе и Киприан Карфагенский, посоветовавший Новациану лучше искать мира душе и покаяния. По поводу раскола и новой ереси он написал ряд окружных посланий к африканским епископам, а также целую книгу «О единстве Церкви».

Епископ Киприан провел в Карфагене еще три Поместных собора и вывел лаконичную и важную для дальнейшей судьбы Церкви формулу: «Тот не может уже иметь Отцом Бога, кто не имеет матерью Церковь».

В связи с распространением различных ересей на соборах разбирался и такой вопрос: можно ли считать действительным крещение, совершенное епископами-раскольниками, которые пользовались авторитетом у своей доверчивой паствы? На соборе в Карфагене 87 епископов приняли единогласное решение, что крещение вне единой Церкви невозможно, и потому крещенных еретиками следует перекрещивать заново.

Когда Церковь перестанет быть гонимой, по самым важным вопросам будут собираться Вселенские соборы, и на них будет съезжаться еще большее число епископов из всех уголков империи. И все же принятию коллегиальных реше-

ний мы во многом обязаны Киприану Карфагенскому — в прошлом талантливому юристу, который сумел и в церковную жизнь ввести многое из законодательной практики.

«Пусть никто неблагоприятно не срывает незрелого плода, пусть никто потрясенного и пробитого волнами корабля своего не ввергает снова морю, не исправив его сперва тщательно, пусть никто не берет и не надевает разодранной одежды, пока, искусно починенная, она не будет вручена ему исправленною мастером», — учил он и других не принимать поспешных решений, а сначала тщательно все обдумать и взвесить («Письмо к народу»).

Середина III века для римлян во многих смыслах была трудным временем. В империи шли постоянные войны с варварами: с севера на Италию хлынули германцы, в Греции и Малой Азии не прекращались войны с сарматами, парфяне наступали на Сирию, Африка подвергалась постоянным нападениям варваров-нумидийцев.

К тому же на Рим обрушились многочисленные стихийные бедствия и эпидемии. В Малой Азии, в ее горных провинциях Каппадокия и Понт, произошло разрушительное землетрясение, уничтожившее целые города, по Италии прокатилась чума, в Африке начались эпидемия моровой язвы, засуха и голод.

Сотни людей бежали из Карфагена, оставляя больных без помощи, а мертвых без погребения.

Епископ Киприан и карфагенские христиане мужественно ухаживали за больными, хоронили мертвых, причем не только братьев по вере, но и язычников. Своим авторитетом епископ убеждал богатых карфагенцев не жалеть жертвовать средства для голодающих и на выкуп пленных, которых уводили с собой варвары-нумидийцы, чем спас жизни многих людей.

Тем временем на престол Рима взошел новый властитель — император Валериан. Примерно через четыре года правления он выпустил свой первый указ против христиан.

Эдиктом 257 года христианам запрещалось созывать собрания и собираться вместе на богослужения, а всех священнослужителей приказано отправлять в заточение.

Получив новый указ, карфагенский проконсул Патерн вызвал епископа Киприана на допрос и, угрожая смертью, заставлял его отречься от Христа.

— Я христианин и епископ, — с достоинством ответил Киприан, — верую в Единого и Истинного Бога, Которого молю о здравии императоров, и пребуду тверд в благом исповедовании.

Тогда проконсул стал требовать, чтобы епископ указал местонахождение всех карфагенских священников.

— Ты найдешь каждого на своем месте, — сказал епископ. — Собственные ваши законы запрещают нам делаться доносчиками, а наши прави-

ла не позволяют нам произвольно представлять себя мучениям; твори, что тебе велено.

Киприана Карфагенского сослали в отдаленный приморский городок Курубис. В ссылку с ним добровольно отправился диакон Карфагенской Церкви Понтий, который впоследствии составил жизнеописание епископа. Прибыв на место ссылки, Киприан в первый же день увидел сон, предвещавший ему мученичество. Епископу приснилось, что он предстал перед тем, кто подписывал ему приговор, а за спиной судьи стоял светлый юноша и знаком показал, что осужденный приговаривается к усечению мечом. Епископ попросил себе отсрочку, чтобы успеть устроить неотложные церковные дела, и юноша так же молча дал знак, что судья согласен, после чего Киприан Карфагенский еще год прожил в Курубисе, зная, что ждет его впереди.

В это самое время девять африканских епископов со многими священниками и диаконами и даже их женами и детьми были в оковах сосланы на Мавританские рудники. По всей Африке продолжались преследования христиан.

В 258 году император Валериан издал второй, еще более суровый эдикт против верующих. Вот что сообщил о нем епископ Киприан в «Письме к Сукцессу о возвращении послов из Рима с известием о гонении»:

«Валериан предписал сенату, чтобы епископов, пресвитеров и диаконов не медля забирать

под стражу, у сенаторов же, почетных людей и всадников римских сверх лишения достоинств отбирать еще имущества и, если они и после сего остаются непоколебимы в христианстве, отсе-
кать им головы, — благородных женщин, по ли-
шении имущества, ссылать в ссылку, у придвор-
ных же, которые или прежде исповедали, или те-
перь исповедают Христа, описывать имущество
и по исключению ссылать их в оковах в кесаре-
вы имения. Император Валериан к указу своему
приложил еще список с предписания, посланно-
го к правителям провинций, относительно нас.

Этого предписания мы ожидаем со дня на
день, с твердою верою готовясь к подъятию стра-
даний и уповая, при помощи Господа и по мило-
сердию Его, получить венец жизни вечной».

Предписание прибыло — и опять повсюду
стали хватать священнослужителей и мирян, что-
бы подвергнуть еще более строгим наказаниям.
Узнав об этом, епископ добровольно вернулся из
Курубиса к своей пастве в Карфаген.

«Во время одного из первых гонений он, не
колеблясь, скрылся от палачей, так как находил
полезным жить, и отдался на смерть при втором,
потому что хотел подать великий пример веру-
ющим», — объяснил решение епископа француз-
ский историк Г. Буассье («Падение язычества»).

В Карфагене епископ был отведен на суд
и твердо отказался принести жертву идолам, за
что был приговорен к усечению мечом.

Услышав приговор, Киприан только и сказал:
— Благодарение Богу!

По преданию, весь народ в зале суда в один голос воскликнул: «И мы хотим умереть с ним!»

Придя на место казни, епископ благословил верующих и распорядился, чтобы палачу дали от него за работу 25 златниц. Потом он сам завязал себе глаза, а руки дал связать стоявшим около него пресвитеру с иподиаконом и преклонил голову. «Какое прекрасное зрелище для Бога, когда христианин борется со скорбью, когда он твердо стоит против угроз, пыток и казней, когда он смеется над страхом смерти и не боится палача, когда он сохраняет свою свободу перед царями и владыками и преклоняется только перед Богом, Которому он принадлежит», — писал современник Киприана Карфагенского апологет Марк Минуций Феликс.

А вот как трогательно описывает последние мгновения жизни Киприана Карфагенского российский историк А.Н. Муравьев: «Верные бросали вокруг платки и полотенца, чтобы сохранить священную кровь его, и на это поставленное их любовью ложе скатилась старческая голова».

Ночью христиане забрали тело своего епископа и с честью погребли на частном кладбище некоего прокуратора Макровия Кандидиана — скорее всего, тайного христианина. Мученическая кончина Киприана Карфагенского произошла в 258 году. «Нет необходимости перечислять

произведения этого гения, ибо они сияют ярче солнца», — написал о нем блаженный Иероним.

А нам остается только удивляться тому, как много может сделать человек даже за короткий отрезок жизни, — ведь с момента крещения до кончины Киприана Карфагенского прошло всего-то десять лет! Древнеримский писатель Лактанций, прозванный за красноречие «христианским Цицероном», в трактате «О смерти гонителей» не пожалел красок, чтобы рассказать о бесславной судьбе гонителя христиан цезаря Валериана:

«Плененный персами, он потерял не только власть (в чем была несомненная польза), но и свободу, которую отбирал у других, и стал жить в позорнейшем рабстве.

Ведь пленивший его царь персов Сапор, когда ему угодно было подняться на повозку или на коня, приказывал римлянину склоняться и подставлять спину. Ставя ногу на его хребет, он говорил, со смехом издеваясь над ним, что такого римляне ни на картинах, ни на стенах еще не изображали; и это вполне правдоподобно.

Побежденный, он какое-то время жил таким достойнейшим образом, что имя римлян еще долго было для варваров предметом издевок и насмешек».

Император, из страха смерти согнувший спину перед смеющимся над ним варваром... Епископ, с царственным величием склонивший голову перед палачом, с верой в вечную жизнь.

Две, казалось бы, одинаково склоненные фигуры, однако какое меж ними различие! Как о многом оно говорит!..

Свои письма Киприан Карфагенский часто заканчивал так:

«Желаю вам, возлюбленнейшие и вожделеннейшие братья, всегда здравствовать о Господе и помнить о нас».

СВЯТИТЕЛЬ
ГРИГОРИЙ НЕОКЕСАРИЙСКИЙ

(ОК. 213 — ОК. 270)

← Святитель Григорий Неокесарийский. Икона. Византия. XII в.

Многие знали, что христиане скрываются в горах, — их увел туда епископ. А кто-то из местных жителей даже видел, в какой пещере они спрятались. Он-то и выдал солдатам беглецов в надежде получить вознаграждение, а сам, прячась в кустах, пошел следом. Но у подножия горы застался, чтобы себя не выдать, и стал дожидаться, когда мимо поведут пленных.

Но солдаты вернулись назад злые, ругаясь, что зря потратили время. Гора пуста, никакой пещеры там нет, спрятаться нигде: на вершине растут только два одиноких дерева.

Доносчик поднялся на гору и не поверил своим глазам. Возле входа в пещеру у всех на виду стоял, воздев руки к небу, епископ Григорий. Точно так же рядом молился его диакон. Их-то и приняла солдаты за два дерева и, не замечая, прошли мимо...

Это было еще одно чудо, совершенное епископом Неокесарийским, которого в народе называли Чудотворцем...

Он родился, почти всю жизнь прожил и окончил свои дни в Неокесарии — крупном городе на севере Малой Азии. Основные биографические сведения о Григории Неокесарийском можно почерпнуть из его собственного сочинения под названием «Благодарственная речь Оригену».

«Первоначальное мое воспитание от самого рождения проходило под наблюдением родителей, а нравы в отеческом доме уклонялись от пути истины. Что я освобожусь от них, этого, я думаю, и никто другой не ожидал, и не было никакой надежды у меня самого, так как я был еще дитятей и неразумным и находился под властью отца, преданного идолопоклонству».

Если преодолеть несколько тяжеловесный стиль, простительный для древнего автора, перед нами откроется совершенно невероятная история жизни этого человека.

Примерно в четырнадцатилетнем возрасте Григорий Неокесарийский потерял отца. По мнению блаженного Иеронима, в то время его еще звали Федором — он поменял имя во время крещения. Отрок много читал, и в числе прочих книг в руки ему попало Евангелие. Таким образом, «потеря отца и сиротство» совпали с «началом истинного познания».

К этому времени Федор окончил образование в школе грамматика и по желанию заботливой матери поступил в школу ритора. Но тут не все пошло гладко: казалось бы, тихий и скромный,

он ни за что не соглашался произносить похвальные речи, если видел в них неправду. А публичность и желание блистать красноречием явно были не в его характере.

Учитель латинского языка уговорил Федора взяться за изучение законов — профессия юриста у римлян всегда считалась одной из самых престижных и доходных. Да и сам ученик пусть без особого желания, но все же решил, что изучение законов будет для него «важным запасом на жизненный путь».

Позднее несостоявшийся юрист признался, что он позволил убедить себя больше из желания доставить удовольствие учителю и что его душа не была расположена к юриспруденции.

Зато перед ним сразу же открылись новые возможности, в том числе и для путешествий. Для продолжения образования вместе с братом Афинодором он отправился в город Берит (Бейрут), где находилась крупнейшая в то время на Востоке юридическая школа.

«Город находился недалеко от тогдашнего моего местопребывания, имел, так сказать, более римский отпечаток и считался рассадником законоведения».

Но вскоре судьба (а для верующих за этим словом скрывается воля Бога) перенесла братьев в другой город. Муж сестры Федора получил назначение в Цезарию Палестинскую, где со времен апостола Павла находилась резиденция римского

наместника. Вступив в должность советника прокуратора, он захотел, чтобы за ним последовала жена, и взял с собой обоих ее братьев. Наверняка в надежде и на то, что образованным молодым людям в таком окружении будет легче сделать карьеру.

Прибыв в Цезарию Палестинскую, братья стали знакомиться с существующими здесь школами. Федор пришел слушать философа Оригена — и его выбор был сделан. Восемь лет он будет учиться в школе Оригена и выйдет из ее стен убежденным христианином. Но не следует думать, что обучение давалось ему просто: никому не легко расставаться с прежними убеждениями и образом жизни.

«Он нападал на меня и, особенно своим способом доказательства по методу Сократа, иногда повергал меня на землю, если видел, что я, как дикая лошадь, совершенно сбрасывал узду, выскакивал за дорогу и часто бесцельно бегал кругом, пока убеждением и как бы принудительною силою — доказательством из моих собственных уст, как уздой, снова делал меня спокойным», — напишет он об уроках в школе Оригена.

А вот еще одно интересное признание о годах учебы: «Сначала мне было тягостно и не безболезненно, когда он [Ориген] приводил свои доказательства, так как я не привык еще к этому и не упражнялся в том, чтобы подчиняться доводам разума; но вместе с тем он и очищал меня».

Были моменты, когда юноше в отчаянии хотелось бросить учебу и вернуться домой, но не тут-то было!

«Подобно зверям, рыбам или птицам, попавшим в силки или в сети, но старающимся ускользнуть и убежать, хотел удалиться от него в Берит или в отечество. Он же употреблял всевозможные доводы, трогал, как говорит пословица, за всякую веревку, прилагал все свои силы...»

Пришло время поближе познакомиться и с самим незаурядным учителем. Ориген вырос в многодетной христианской семье. Когда юноше исполнилось семнадцать лет, его отец Леонид был арестован, брошен в тюрьму и вместе с другими христианами приговорен к смертной казни. Молодой человек хотел разделить с отцом мученичество, но мать, у которой было еще шестеро детей, удержала сына от этого поступка: она просто спрятала его одежду.

Но Ориген все же сумел отправить отцу в тюрьму прощальное письмо, в котором написал: «Не обращай внимания на нас, не изменяя своим убеждениям ради нас».

Леонид вместе с другими христианами-узниками был обезглавлен, и Ориген взял на себя заботы о семье. При этом сам он вел аскетическую жизнь: не имел сменной одежды, не носил обуви, соблюдал строгие посты, спал на голой земле, за что получил прозвище Адамантий — что значит «непоклонный», «крепкий».

Цезария Палестинская (современная Кесария, Израиль).
Раскопки древнего города

С детских лет Ориген не расставался с книжными свитками, обладал исключительной памятью и познаниями в разных науках.

В восемнадцатилетнем возрасте он уже возглавлял в Александрии огласительное училище, основанное Климентом Александрийским, и имел много учеников. В течение двадцати восьми лет Ориген Адамантий увлеченно занимался изучением Библии, сделав сравнительный анализ текстов Ветхого Завета на языке оригинала и всех его греческих переводов. Этот серьезный богословский труд, известный под названием «Гекзаплы», стал важным пособием для многих дальнейших исследователей Писания.

Но, как всякого увлеченного человека, Оригена нередко заносило в крайности. Он умел наживать врагов и в какой-то момент был изгнан из родной Александрии.

Поселившись в Цезарии Палестинской, он и здесь открыл богословскую школу, наподобие александрийской, где его и нашли двое любознательных братьев из Неокесарии.

«Я поражен был его речью, как стрелой, и именно с первого дня, ибо речь его представляла в некотором роде смешение приятной привлекательности, убедительности и какой-то принудительной силы», — признается один из них.

В своей школе Ориген последовательно обучал учеников различным наукам: астрономии, физике, физиологии, геометрии, словесности, по-

степенно переходя к произведениям древних поэтов и философов. Но все знания у него служили общей цели — вели к познанию Бога.

«Этот человек получил от Бога величайший дар — быть переводчиком слова Бога к людям, разуместь слово Божие, как Бог Сам его употреблял, и изъяснять его людям, как они могут уразуметь», — написал Григорий Неокесарийский в своей «Благодарственной речи Оригену».

В школе Федор принял крещение и, по-видимому, сменил имя — отныне его звали Григорием, что значит «бодрствующий», «пробудившийся». Ученые выяснили, что раньше это имя ни у кого не встречалось, — возможно, его придумал себе сам пробудившийся и уверовавший во Христа юноша.

По-видимому, Ориген с большим участием относился к своему восприимчивому, способному ученику. «Ибо он [Ориген] поразил меня и жалом дружбы, с которым нелегко бороться, острым и сильно действующим, жалом умелого обращения и доброго расположения, которое, как благожелательное ко мне, обнаруживалось в самом тоне его голоса, когда он обращался ко мне и беседовал со мною», — рассказывал Григорий.

Из студенческих лет Григория Неокесарийского известен такой случай. Однажды, когда он беседовал с учителями на площади, к нему подошла известная в городе блудница и стала

требовать плату за якобы совершенное с ней прелюбодеяние. Григорий стал ей возражать, уверяя, что она ошиблась и приняла его за кого-то другого. Однако блудница не унималась и продолжала кричать на всю площадь. Тогда юноша попросил друга заплатить ей — у него с собой столько не было.

Но как только блудница взяла деньги в руки, она упала на землю в припадке беснования, «представив собою присутствующим ужасное и страшное зрелище: распущенные волосы, терзаемые ее руками, глаза навывкате, рот, испускающий пену. И не прежде перестал душить ее демон, как оный великий муж воззвал к Богу и умилиствовал Его за нее» — так описал этот эпизод святитель Григорий Нисский в своем «Слове о жизни святого Григория Чудотворца».

Придя в себя, блудница призналась в обмане — ее подкупили и подговорили опорочить Григория студенты из другой школы, которым не давал покоя его чистый, безукоризненный образ жизни. Они хотели над ним посмеяться — и сами же были при всех осмеяны и разоблачены.

Эта история хорошо показывает, что Григорий уже в юности заметно отличался от сверстников, и прежде всего — смирением, праведным образом жизни и скромностью. Вот его собственное признание: «Хорошая вещь — молчание и именно как часто для многих других [людей], так особенно для меня... Ибо я не на-

вык и не искусен в тех прекрасных и благопристойных речах, которые произносятся или составляются в стройной последовательности, как бы в неудержимом потоке, из отменных и превосходных слов и выражений. Может быть, я и от природы слишком мало способен заниматься этим приятным и поистине эллинским делом». Во время учебы у него был свой круг общения: родной брат Афинодор; Фирмилиан, который в будущем станет епископом в Цезарии Каппадокийской и будет переписываться с Киприаном Карфагенским по поводу еретиков; наверняка, и другие молодые люди, тоже христианских воззрений.

Но рано или поздно годы учебы должны были подойти к концу. Григорий достиг и даже немного перешагнул свое тридцатилетие — пора было начинать самостоятельную жизнь, возвращаться в родной город.

Мы помним, что Григорий был «не искусен в... прекрасных и благопристойных речах», но, покидая огласительное училище, он написал и торжественно произнес перед публикой панегирик. Только это было не похвальное слово в честь цезаря или важного общественного лица, как было принято среди упражняющихся в красноречии, а «Благодарственная речь Оригену», любимому учителю. Текст речи долгое время бережно хранился в рукописях Оригена, благодаря чему дошел до наших дней.

В начале выступления Григорий сделал признание, что «прошло уже восемь лет с того времени, как мне самому совершенно не приходилось произносить что-либо или писать какую-нибудь большую или малую речь», — но он словно знал, что ему больше не суждено будет увидаться с учителем, и сумел преодолеть смущение.

«Подобно искре, попавшей в самую душу мою, возгорелась и воспламенилась моя любовь как к священному, достойнейшему любви самому Слову. Которое, в силу своей неизреченной красоты, привлекательнее всего, так и к сему мужу, Его другу и глашатаю», — вот главное, за что он благодарил наставника.

Из исповедальной речи мы также поймем, как тяжело было Григорию возвращаться домой, в прежнюю жизнь. Он ехал в родную Неокесарию, как на каторгу. Ведь в школе он был полностью избавлен от «многопопечительности, какой требует повседневная жизнь, и беспокойств общественного служения», имея возможность «тщательно исследовать самого себя и делать то, что является поистине собственным делом».

Он признавался: «Меня ожидает все печальное: шум и смятение вместо мира и вместо спокойной и благоустроенной жизни — беспорядочная, а вместо этой свободы тягостное рабство, площади, суды, толпы и роскошь».

Для других жизнь в благоустроенном родительском доме среди роскоши, работа в суде или

магистратуре, приятный досуг в кругу родных и друзей были бы пределом мечтаний, а для Григория — беспросветная печаль и «тягостное рабство».

Родные надеялись, что он все же станет юристом или займется другой общественной службой, — на обучение ушло немало времени, да, наверняка, и средств тоже. Но такая перспектива приводила молодого человека в ужас: «Меня ожидает настоящая ночь вместо дня, вместо ясного света — мрак, вместо празднества — печаль, вместо отечества — вражеская страна...»

Вернувшись в Неокесарию, в свою «вражескую страну», Григорий оказался на перепутье. И тут учитель снова протянул ему руку помощи — теперь уже из-за моря. Ориген прислал Григорию письмо, из которого видно, насколько хорошо он понимал и на расстоянии своего ученика.

Учитель во всех подробностях вник в его жизненную ситуацию: «Итак, твое дарование может сделать тебя совершенным римским юристом и эллинским философом тех школ, которые считаются знаменитыми. Но я желал бы, чтобы ты воспользовался всею силой своего прирожденного дарования в последней цели для христианства».

Ориген поступил мудро, не дав ученику конкретного совета, какую профессию ему следует избрать, — по сути, это было не так уж и важно. Но он сказал о самом главном: «Итак, господин мой сын, прежде всего занимайся чтением

Божественных писаний». И напомнил, что постижение истины невозможно без молитвы — только так Бог ему откроет нужную дверь.

Нет, не зря говорил в своей похвальной речи Григорий, что, покидая школу, он уносит с собой «семена наставлений» своего учителя. «Я ухожу, плача, как отправляющиеся в путь, но все-таки эти семена я уношу с собою».

Григорий сделал выбор, который удивил всех, наверное, даже самого Оригена, — он стал монахом-отшельником!

Григорий решил полностью отказаться от мирской жизни, нашел пещеру в горах, неподалеку от Неокесарии, и начал вести строгую подвижническую жизнь — в постах, молитвах и чтении Божественных книг.

Люди во все века спрашивают: почему уходят в монахи? Что они чувствуют, отказываясь от всего, к чему прежде были привязаны?

Григорий Неокесарийский помог ответить на этот вопрос: радость освобождения, долгожданную свободу и полноту бытия. Это ощущение сброшенной с плеч тяжелой ноши мирской жизни точно сформулировал раннехристианский автор Марк Минуций Феликс: «Как путешественнику тем удобнее идти, чем меньше он имеет с собою груза, так точно на этом жизненном пути блаженнее человек, который облегчает себя посредством бедности и не задыхается от тяжести богатства».

Конечно, жизнь подвижника, избравшего пустынножительство, настолько трудна, что мы не в силах себе этого вообразить.

Она исчисляется не годами и месяцами — каждый день и даже час становится ареной невидимой борьбы. Но Григорий еще в школе Оригена научился «всегда держаться поставленной пред собою цели, ни в каком случае не уклоняясь с прямого пути...»

И благодарил наставника за то, что он сделал его «невосприимчивым к скорбям и нечувствительным ко всякого рода бедствиям, напротив, внутренне упорядоченным, уравновешенным и поистине богоподобным и блаженным».

С этого момента жизнь Григория Неокесарийского становится для всех тайной, а позднее — и легендой.

Из жизнеописаний святых разных веков известно, что Бог дарует подвижникам поистине неземные дары: прозорливость, умение исцелять молитвой и изгонять злых духов, способность чудотворений.

В одном из своих известных афоризмов Григорий Неокесарийский лишь намекает нам на эти великие тайны: «Созерцание видимого открывает сокровенное...» Вскоре об отшельнике стало известно во всей округе. Дошла новость и до епископа Федима, который управлял христианской общиной в городе Амасия, в соседней области Каппадокия. Он загорелся идеей поставить

подвижника епископом в Неокесарии и с этой целью направил в горы посольных.

Но Григорий провидел об этом духом и от всех скрылся, желая продолжать уединенную жизнь. Федим не отступился от своего и даже пошел на необычный, довольно дерзкий поступок: он посвятил Григория в епископы... заочно, молясь, чтобы Господь Сам освятил эту необычную хиротонию. Григорию об этом тоже стало известно, и он воспринял такое посвящение как волю Бога. Отшельник сам явился к Федиму, чтобы его хиротония была совершена по всем правилам — так, как это велось с апостольских времен.

В Неокесарию в сане епископа Григорий вернулся приблизительно в 245 году. С этого времени он всегда будет жить среди людей, в трудах и заботах своей многочисленной общины.

Святитель Григорий Нисский, составивший в IV веке «Слово о жизни св. Григория Чудотворца», интересно описывает момент, как отшельник впервые появился в родном городе. Его встречало множество народа, но он, «идя как бы по пустыне, смотрел только на себя и на дорогу, не обращаясь ни к кому из собравшихся около него... Григорий входил в город, отовсюду теснимый сопровождающими, как будто весь город уже почтил его святительство. Но, освобождая себя от всякого житейского бремени, святой не обращал на это внимания».

Замечательная зарисовка, показывающая молитвенную сосредоточенность Григория, — и «это самое показалось народу еще выше и удивительнее чуда», которое он совершил по пути в город. В Неокесарии выяснилось, что Григорию негде жить: у него не было ни церковного дома, ни собственного. Но когда кто-то из встречавших его об этом спросил, епископ ответил, что его домом является «покров Божий» и он привык не думать о том месте, где можно успокоить тело. Тогда горожане стали наперебой предлагать ему свой кров, и Григорий выбрал того, кто предложил гостеприимство первым, — этого человека звали Муссонием.

Отныне мы можем навсегда забыть о человеке, который в школе Оригена не отличался красноречием и старался держаться в тени. В первый же день, когда во дворе дома Муссония собралась толпа земляков, Григорий общался с ними до позднего вечера — и отныне так будет всегда. «И он, стоя в середине, уделял силою Святаго Духа каждому из собравшихся то, что соответствовало его нуждам: проповедовал, рассуждал, увещевал, учил, исцелял», — рассказывал Григорий Нисский.

Теперь каждый день в доме Муссония проходили молитвенные собрания, на которые приходили и знатные горожане, принося пожертвования, — и вскоре на эти средства в Неокесарии была построена христианская церковь.

Наверняка, она отличалась от привычных нам церквей. Храмовая архитектура, порядок богослужения, обрядность — все это будет развиваться и меняться на протяжении многих веков. Тем не менее это уже было отдельное, с любовью украшенное здание, где за общим столом собирались и вместе причащались верующие — в радости и простоте сердца. Жестокие гонения Деция Траяна затронули все римские провинции, включая и Неокесарию. Во время испытаний епископ Григорий дал совет своей пастве: всякий, кто не имеет силы и дара Божия претерпевать муки, может спрятаться. Это лучше, чем потом, устранившись, отпасть от Бога.

По всей видимости, тех, кто предпочел укрыться, нашлось немало, — и епископ сам увел своих христиан в горы, следуя евангельской заповеди: *Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой* (Мф. 10: 23). Христиане спрятались в той самой пещере, куда по доносу местного жителя явились солдаты, но никого там не нашли.

Потрясенный чудом доносчик сам явился к Григорию Чудотворцу, чтобы тот принял его в свою паству. А диаконом у епископа Григория уже давно служил бывший языческий жрец, уверовавший во Христа. Во время гонений в Цезарии был арестован и Ориген. Его вздернули на дыбу, заковав в оковы и железный ошейник, долго истязали, после чего бросили в темницу.

Как только стало известно о смерти Деция Траяна на войне, осужденных опустили, однако шестидесятипятилетний Ориген так и не смог оправиться после пыток, тяжело болел и спустя три года умер.

«Свою длинную и праведную жизнь Ориген закончил исповедником: скончался от пыток и истязаний, полученных во время гонения Деция» — так писал о нем известный богослов XX века Александр Шмеман в своей книге «Исторический путь Православия». «Желание мученичества, не ослабевавшее в нем с детства, исполнилось. Если образ Оригена — необычайно привлекателен, пример — вдохновляющий, то богословие его в конечном итоге сыграет роковую роль в истории церковной мысли и многими скорбями преодолееет Церковь соблазны и опасности „оригенизма“».

«Аллегорическое богословие» Оригена завело его так далеко, что он был осужден на Поместном Константинопольском соборе 543 года, и на V Вселенском соборе 553 года.

Но для Григория Неокесарийского и многих его современников Ориген был прежде всего талантливым учителем и «переводчиком слова Бога к людям», который многих своих учеников привел ко Христу.

В течение примерно двадцати пяти лет епископ Григорий управлял общиной в Неокесарии. По его благословию были установлены

новые церковные праздники в честь мучеников, пострадавших за Христа, он писал богословские сочинения, боролся с ересями. В то время среди христианских восточных Церквей распространилось лжеучение Павла Самосатского (Самосата — город в Сирии), весьма своеобразно толковавшего понятие Троицы. Для осуждения этой ереси в 264 году был созван первый Антиохийский собор, и на почетных местах в этом собрании епископов сидели Григорий, епископ Неокесарии и его брат Афинодор, епископ Понта.

По преданию, накануне собора Григорий усиленно молился, чтобы постичь тайну Святой Троицы. И в видении ему явилась Пресвятая Богородица с апостолом Иоанном Богословом, облаченным в архиерейские одежды. Апостол Иоанн его научил, как правильно исповедовать тайну Троицы, и, проснувшись, епископ Григорий записал видение.

По другим сведениям, свое откровение он получил раньше, когда готовился к рукоположению в епископы и не знал, как правильно произносить «Символ веры».

В любом случае эта запись, сделанная его рукой, долгие годы хранилась в Неокесарийской Церкви и легла в основу «Символа веры», принятого на Первом Вселенском соборе в 325 году — того, что и по сей день произносят православные христиане во время богослужения.

В своих богословских сочинениях епископ Неокесарии писал, что Бога никому нельзя до конца познать и даже воспеть достойным образом, однако Он бесконечно близок, щедр, милостив к каждому. И в этом признании Григория чувствуется и его личный опыт.

Как и Иоанн Богослов (не случайно именно он в видении открыл ему «Символ веры»!), епископ Григорий тоже борется с теми, кто пытается превратить Христа в «бесплотного духа», а христианство — в миф.

«Если кто говорит, что Христос есть совершенный человек — отдельно и Бог Слово — отдельно, и не исповедует Единого Господа Иисуса Христа, как написано, анафема да будет», — писал он в своем сочинении «Двенадцать глав о вере».

В его творениях отражены многие исторические реалии того времени, в том числе — войны с готами. Епископ говорил, что в то время, когда многие бросают свои дома, христиане не должны поддаваться искушениям и брать чужого, — судя по всему, такие случаи имели место.

«А что во время [вражеского] нашествия, среди столь великого стенания и столь многих слез, некоторые осмелились время, угрожающее всем гибелью, считать для себя временем корысти, то это свойственно людям нечестивым и богоненавистным и таким, которых низость не может быть превзойдена. Поэтому мы решили объявить всех таковых отлученными...»

Однажды из небольшого города Команы в Неокесарию явилось посольство с просьбой, чтобы святитель Григорий и у них тоже утвердил церковь и рукоположил достойного епископа. Григорий Неокесарийский отправился в соседний город и пробыл там несколько дней. Когда же пришло время избрать епископа, он указал на Александра — простого угольщика.

«Когда один из присутствующих со смехом вывел на середину упомянутого, одетого в худое рубище и то не на всем теле, и вместе всею внешностью — руками, лицом и всем телом, запачканным от делания углей, указывающего на свое ремесло, то в таком виде стоящий на середине Александр был предметом смеха для прочих», — рассказывал Григорий Нисский.

Но очень быстро выяснилось, что Александр лучше других знал Священное Писание и был прекрасно образован, — его осталось только умыть и переодеть. В историю Церкви этот человек вошел как священномученик Александр, епископ Команский.

С именем епископа Неокесарии связано столько преданий и чудесных историй, что его уже при жизни стали называть Григорием Чудотворцем.

Как-то два брата получили наследство и никак не могли поделить между собой озеро на отцовской земле. Каждый из них собрал группу сторонников, и все они явились к епископу, чтобы

тот разрешил их спор. Григорий Неокесарийский уговорил их подождать до завтра, а сам ушел на берег озера и провел там всю ночь. Когда рассвело, все увидели, что спорить больше не о чем: за ночь озеро ушло под землю.

И это лишь одна из многочисленных историй, которые на протяжении веков передавались из уст в уста. Люди верили, что, взмахнув своим посохом, епископ может останавливать реки и очерчивать границы половодья, сгонять и разгонять тучи, передвигать с места на место горы, а воткнутый в землю жезл превратить в зеленый дуб. И мы уже никогда точно не узнаем, какие из чудес произошли в реальности, а какие являются вдохновенными легендами...

Составляя или в очередной раз переписывая жития святых мучеников, многие не могли удержаться, чтобы из любви к святому не добавить в текст то, что они тоже слышали, и приукрасить историю на свой лад.

Как замечательно написал об этом французский историк Г. Буассье, «все без колебаний допускали действительность Актов мучеников, которые читались в церквях для прославления верующих; то было время, когда распускались блестящие цветы легенды» («Падение язычества»).

В начале IV века против сочинений такого рода активно выступал церковный историк Евсевий, епископ Кесарийский. Он называл их «нелепыми и нечестивыми».

Позднее «Декретом о принимаемых и не принимаемых [Церковью] книгах», который приписывается римскому папе Геласию I (V век), подобные сочинения были официально запрещены в Римской Церкви, «потому что имена их авторов совершенно не известны, и неверующими или несведущими людьми они были дополнены или, наоборот, сокращены».

Но спустя много веков мы воспринимаем «цветы легенды» как благочестивые предания: для нас они тоже являются свидетельствами веры первых христиан. Попробуйте отделить историю пострадавшего при Диоклетиане воина-христианина Георгия, родом из Лиды Палестинской, от деяний Георгия Победоносца, который сражался с драконом, пожирающим девиц! Да и надо ли? Как говорится, каждому по вере его...

Остается только добавить, что Григорий, епископ Неокесарийский, мирно скончался приблизительно в 270–275 годах, в царствование императора Аврелиана, в возрасте примерно шестидесяти лет. Он завещал не покупать особенного места для его погребения, ибо, как пояснил автор жизнеописания святителя, «если при жизни он не хотел называться господином какого-нибудь места, но проводил жизнь в чужих домах, то и по смерти, конечно, ему не будет стыдно лежать в чужом владении».

Из христианской общины Неокесарии вышли те, кого теперь называют отцами Каппадокий-

ской Церкви: святитель Василий Великий и два его родных брата — Григорий Нисский и Петр Севастийский.

Как сообщал Василий Великий, до второй половины IV века неокесарийцы «не прибавляли ни действия, ни слова, ни таинственного какого-либо знака сверх тех, какие он оставил», имея в виду епископа Григория.

По свидетельству древних авторов, когда Григорий Неокесарийский вступал на кафедру, в городе было только семнадцать христиан, а перед его кончиной осталось всего семнадцать язычников, — и это тоже можно считать настоящим чудом. Ведь его служение пришлось на время, когда многим казалось, будто мир сошел с ума. Достаточно сказать, что после смерти цезаря Септимия Севера за семьдесят два года в Римской империи сменились двадцать три императора: трое правили по году, двое — всего по месяцу, и лишь один из них умер своей смертью. В империи царили анархия и безвластие, нищета, инфляция, страх перед будущим, уныние... Везде — но только не в христианских общинах.

Христианские церкви стали теми «кораблями спасения», где люди жили по законам любви и надежды. Все без исключения, даже рабы, которых в Древнем Риме вообще не считали за людей, для епископов были Божьими творениями, имеющими бессмертную душу.

Добрые пастыри без устали исцеляли больных, помогали беднякам, защищали в суде несправедливо обиженных. Так будет и в городе Миры Ликийские, где во главе Церкви встанет добрейший и справедливый епископ Николай — Угодник и Чудотворец, и на острове Кипр, где крестьяне изберут в епископы смиренного пастуха Спиридона Тримифунтского, тоже совершавшего великие чудеса, и везде, везде...

Мученицы
Агапия, Ирина и Хиония

(† 304)

← Мученичество святых Агапии, Ирины и Хионии. Миниатюра.
Минологий Василия II, Византия, X в. Ватиканская библиотека

В раннехристианские века отношение христиан и язычников к женщине, браку и семье было диаметрально противоположным.

*С самых старинных времен ведется, мой Постум, обычай
Портить чужую постель, издеваться над святостью ложа,*

— весело сообщал поэт-сатирик Ювенал (Сатира 6).

Христиане стремились личным примером изменить такие обычаи.

Христианский писатель-апологет Татиан (ученик Иустина Философа) в своей «Речи против эллинов» удивлялся:

«Что за прекрасное учение произвела вам Главкиппа, родившая чудовище, как показывает ее медная статуя, сделанная Никерафом Афинянином, сыном Авктемона? Пракситель и Геродот сделали вам статую распутной Фрины, а Эвтикрат — Пантевхиды, сделавшейся беременной от прелюбодея. Геродот Олфинский изобразил Гликеру, блудницу и аргосскую музыкантшу.

Бриаксис поставил статую Пазифее; вспоминая ее распутство, вы едва ли не желаете, чтобы и ныне были подобные женщины... Посему вы должны стыдиться того, что вы ученики презренных женщин, а смеетесь над женщинами, преданными нашему учению, и над общественными собраниями, которые они посещают».

Факт остается фактом: в первые века в римском обществе на передний план вышли женщины, умеющие выгодно продавать свою красоту и лихо вытряхивать деньги из мужчин, чья «душа прибита Купидоновым гвоздем».

В разные времена их называли по-разному — шикарными, куртуазными, дорогими, гламурными, — но в простом, грубом Риме своим именем: продажными.

Этот любимый персонаж комедий Плавта несколько веков не сходил с подмостков римского театра, став частью повседневной жизни. Да еще какая-нибудь сопровождающая красотку старая сводня скрипучим голосом внушала зрителям со сцены: «Тех надобно любить, кто деньги платит за любовь».

В Римской империи проституцию легализовали и узаконили: публичные дома (лупанарии) и таверны, в которых работали проститутки, были повсюду. И пользовались такой популярностью, что известны случаи, когда политические деятели устраивали сбор голосов через коллегию содержателей публичных домов.

Уже в I веке римский поэт Овидий уверял, что женщин легкого поведения «больше, чем звезд на небе». И с каждым годом их становилось все больше, так как свободная любовь на разные лады воспевалась и чуть ли не обожествлялась.

«Порядочные женщины — это те, которых еще никто не домогался; мужчина, который гневается на распущенность своей жены, — просто деревенщина», — писал Овидий, общепризнанный в римском мире «певец любви».

Император Элий Вер, приемный сын Адриана, держал книжку Овидия «Наука любви» в изголовье своей кровати как главный учебник жизни, да и не он один.

«Знай, что нет такой женщины, которая была бы тебе недоступна, но надо лишь сеть распахнуть пошире», — учил этот «источник знаний».

Между строк Овидий сообщал важную информацию, которая многое в этом вопросе проясняет: «Нет наказаний за то, чтобы обманывать женщин».

Действительно, жизнь древнего римлянина вплоть до мелочей была регламентирована строгим законодательством, — а в области нравственности особых наказаний не существовало. Время от времени какой-нибудь император пытался начать борьбу с распущенностью нравов и растущей проституцией (в особенности — детской), но его указы надолго не приживались.

Тацит ужасался, рассказывая о временах Нерона: «Рим увидел все самое развращенное и несущее с собой развращение, что только ни существует под небом, дабы римская молодежь, усвоив чужие обычаи, проводя время в гимнасиях, праздности и грязных любовных утех, изнежилась и утратила нравственные устои, и все это — по наущению принцепса и сената». Разумеется, и сенату, и императорам было выгоднее, чтобы народ развлекался и не вникал в политику.

Император Веспасиан издал эдикт, по которому женщина, вступающая в связь с рабом, сама становилась рабыней, — но даже эта угроза не помогала. Чуть ли не каждая состоятельная римлянка официально разводилась по крайней мере однажды, а чаще — два или три раза. В моде были бездетные браки, позволяющие богатым супругам «жить в свое удовольствие», проводя время в роскоши и безделье.

Римский писатель Апулей в книге «Метаморфозы» как о чем-то обычном рассказывал о женщине, которая «с утра предавалась пьянству и постоянным блудом оскверняла свое тело».

В этом развращенном мире христиане жили совершенно по другим, своим законам — как будто на отдельной планете. И окружающим такая чистая жизнь была непонятна и даже казалась подозрительной.

Не случайно одним из главных обвинений в адрес христиан был тайный разврат.

Писатель-апологет II века Марк Минуций Феликс описал в своем сочинении «Октавий», как в народе представляли христианские тайные вечера: «В день солнца они собираются для общей вечера со всеми детьми, сестрами, матерями, без различия пола и возраста. Когда после различных яств пир разгорится, а вино воспламенит в них пыл любострастия, то собаке, привязанной к подсвечнику, бросают кусок мяса на расстоянии большем, чем длина веревки, которой она привязана: собака, рванувшись и сделав прыжок, роняет и гасит светильник...»

Апологет Афинагор Афинянин возмущался от лица всех христиан: «Итак, о тех, которые считают сладострастный взгляд за прелюбодеяние и которые ожидают суда даже за мысли; о тех ли можно говорить, что они ведут развратную жизнь? У нас есть закон, который повелевает соблюдать величайшую непорочность между нами самими и ближними».

Ему вторит и Феофил Антиохийский: «Да будет далека от христиан мысль такого рода: у них находится целомудрие, выполняется воздержание, соблюдается единобрачие, сохраняется чистота» (Книга 3). Нормой христианской жизни были верность, скромность, благочестие, забота о детях и семье. В еще большей чести были безбрачие, девственность и целомудрие — но это уже для избранных, кто горел всепоглощающей любовью ко Христу.

Большинство же христиан, начиная от апостольских времен, жили обычной семейной жизнью.

В раннехристианский период некоторые епископы были даже женаты, по примеру апостола Петра. По преданию, апостол Петр путешествовал с супругой, помогающей ему во всех трудах, а в Риме видел, как ее первой повели на казнь, и напутствовал словами: «Жена, помни Господа!»

Как верно подметил историк Лев Гумилев, «женщина-христианка рожала мужу-христианину каждый год по ребенку, потому что считалось, что убивать плод в чреве — грешно, это равносильно убийству. А в это время язычники развлекались так, как принято в больших городах всего мира, и детей почти не имели». И высокая рождаемость тоже была одной из причин быстрого распространения христианства.

Женщины-христианки жили по своим правилам: избегали косметики, дорогих нарядов и украшений, не придавали большого значения внешней красоте.

«Изысканность одежд и украшений, обольстительные прикрасы лица свойственны одним только непотребным бесстыдным женщинам, и ни у кого почти не бывает убранство дороже, как у тех, у коих дешев стыд», — писал святой Киприан Карфагенский в сочинении «Об одежде девственниц». И с присущей ему категоричностью пояснял, что это утверждение относится ко всем без исклю-

чения женщинам-христианкам: «Нужным считаю преподать совет не одним только девам или вдовам, но и замужним и всем вообще женам: то, что есть делом Бога, Его творением и произведением, отнюдь не должно быть искажаемо примесью ни золотистого цвета, ни черного порошка, ни румян, ни, наконец, другого какого бы то ни было состава, скрадывающего природные черты».

Подробности по поводу румян и краски помогают понять различия и во внешности, и в образе жизни, и в представлениях о счастье между римской гетерой (ею могла быть и знатная замужняя женщина) и женщиной-христианкой, особенно выросшей в христианской семье девушкой, хранящей девственность и чистоту. Это наблюдение чрезвычайно важно в связи с историей о трех родных сестрах, живших в конце III века в греческом городе Фессалоники. Их имена сохранились в древнейшем сирийском Месяцеслове начала V века: Агапия, Ирина и Хиония.

О том, что девушки были воспитаны в христианской вере, говорят уже их имена. Агапия — значит «любящая», это имя связано с важнейшей христианской добродетелью — любовью к ближнему. Имя Ирина означает «мир и покой».

Хиония — значит «снежная; белая, как снег», что говорит о чистоте и неприступности.

Мы не знаем, кто из трех сестер был старше, — возможно, имена в Месяцеслове даны по старшинству.

Арка Галерия, Салоники, Греция. Кон. III – нач. IV в.

Девушки рано осиротели и не хотели выходить замуж, храня девственность. Их духовным наставником был священник Зинов, и сестры во всем следовали его советам.

Во время гонений при императоре Диоклетиане, которые начались в 303 году, они вместе с другими христианами (упоминалось также имя вдовы Евтихии и некоего Агафона) прятались в горах, но были схвачены и приведены на суд.

Во время обыска в доме сестер нашли христианские книги, что согласно обнародованному Диоклетианом эдикту каралось смертной казнью. К тому же на допросе девушки отказались вкушать идоложертвенной пищи — сначала перед чиновником Кассандром, затем перед главой римской администрации Дулкитием.

Агапию и Хионию в первый же день казнили, а Ирину, которая отличалась необычайной красотой, снова отвели в тюрьму.

На следующий день Дулкийтий снова вызвал ее на допрос, преследуя новую цель: он предложил Ирине стать его наложницей, тем самым давая ей возможность купить себе свободу.

Но Ирина наотрез отказалась. Взбешенный Дулкийтий приказал отвести девушку в публичный дом, чтобы над ней надругались все, кто пожелает. Но в лупанарии произошло то, чего никто не сумел объяснить: никто из мужчин не смог к Ирине притронуться. После этого девушку казнили, как и ее сестер.

Существует и другой вариант жития, более подробно описывающий эту историю. Девушек допрашивает сам император Диоклетиан (что все же маловероятно), уговаривая их отречься от Христа. Сестры отказываются, и их отправляют в Македонию, на суд к жестокому правителю Дулкитию. Тот настолько впечатлился красотой трех сестер, что пообещал им спасение и свободу, если они согласятся вступить с ним в связь.

Получив отказ, Дулкитий отправился к девушкам ночью, чтобы совершить насилие. Но по пути его внезапно поразила неведомая сила, и правитель потерял рассудок: вместо спальни попал на кухню и, с ног до головы перепачкавшись в саже, в диком испуге выбежал на улицу. Даже стражники не сразу узнали черного от угля начальника и подняли его на смех.

Дулкитий решил, что девушки его околдовали, и жаждал мести. На суде он приказал обнажить сестер, — но никому не удалось этого сделать: одежды словно приросли к девушкам. А сам Дулкитий во время судебного заседания вдруг заснул беспробудным сном, и стражники отнесли его домой, как бесчувственное бревно. Очнувшись в собственной постели, Дулкитий решил отступить от посягательств на сестер и перепоручил дело судье Сисинию. Тот еще раз допросил девушек, заставляя публично отречься от Христа, и после их отказа отдал приказ сжечь христианок на костре.

Когда пламя погасло, все увидели, что тела и одежда мучениц не опалены огнем, а лица преисполнены спокойствия — они просто перешли в другую, лучшую жизнь.

По преданию, тела сестер погребла святая Анастасия Узорешительница; в то время она находилась в македонском городе Аквилеи, и ей стало известно об участии святых дев из сонного видения.

Агапия, Ирина и Хиония почитаются и как солунские (из Фессалоники), и как иллирийские (Иллирия — название приморской области в Македонии) мученицы. Мы не знаем точно, где именно они пострадали.

В X веке немецкая монахиня и писательница Хросвита Гандерсгеймская написала на основе жития книгу под названием «Дулкития» — о бесплодных попытках римского правителя нарушить чистоту девушек-христианок.

Несомненно одно: случай, когда молодые и красивые девушки-христианки выбирали смерть за Христа и не соглашались обменять свою девственность на свободу, был далеко не единственным.

В истории Церкви известны христианские подвиги святых девиц Минодоры, Митродоры и Нимфодоры — тоже родных сестер, пострадавших примерно в это же время в Вифинии; святых дев Еннафы, Валентины и Павлы родом из Палестины. А еще семь дев приняли смерть за Христа в Галатии: Текуса, Фаина, Клавдия, Матрона,

Иулия, Александра и Евфрасия — и много других верных невест Христовых.

В Египте благородная дева-христианка Феодора была предана судьей на поругание воинам и, молясь, ждала своей участи в темнице. Но юноша-христианин Дидим втайне проник в застенки, переоделся в одежды Феодоры и выпустил узницу. Его самого приговорили к казни, но девушка прибежала на площадь и поделила с ним участь. Такие истории чистой, христианской любви вдохновляли многих верующих. К концу III века обвинения христиан в безнравственности практически прекратились.

Во время последних жесточайших гонений при императоре Диоклетиане ненависть к христианам носила уже другой — необъяснимый, иррациональный, как пишут некоторые христианские авторы, демонический характер.

Вот что говорилось в указе Диоклетиана, изданном от лица всех его соправителей (в то время в Римской империи существовала тетрархия — власть одновременно четырех правителей: двух августов и двух цезарей):

«Следует опасаться, что они [христиане] с течением времени отравят своими мерзкими ядовитыми напитками невинных людей, скромный и спокойный римский народ, и весь наш земной шар... Поэтому мы повелеваем, чтобы их главари вместе с их мерзкими писаниями были подвергнуты суровому наказанию — сожжению в огне.

Их приверженцы, прежде всего фанатики, должны быть наказаны смертью, их собственность конфискована в пользу казны... Эпидемия этого зла должна быть истреблена с корнем из нашего счастливого века...»

Христианство приравнялось к ужасающему стихийному бедствию, к эпидемии, которая может охватить весь земной шар.

Гонения начались в Никомидии (город в Малой Азии), где в то время находился дворец Диоклетиана. 10 января 302 года, в день Пасхи, шайка солдат ворвалась в храм и сожгла его дотла, перебив всех, кто в нем находился, а потом и других христиан в городе. Теперь в этот день Церковь отмечает память 20 тысяч мучеников, пострадавших в Никомидии, — в дальнейшем жертвы тоже будут исчисляться тысячами.

В Галлии целый Фиваидский легион под командованием святого Маврикия предпочел смерть отречению от Христа. Для устрашения была проведена децимация — казнь каждого десятого легионера, затем еще раз, и еще — пока не казнили всех. А ведь легион — это около пяти тысяч человек!

Глаза растерянно скользят по строкам православного календаря: «Преподобномученик Никон и 199 его учеников» (251), «Мученик Парамон и с ним 370 мучеников» (250), «Мученица Иулиания и с нею 500 мужей и 130 жен, в Никомидии пострадавших» (304) — сколько же неназванных имен... И за каждым из них скрыта история

человека, который однажды сделал свой выбор, заплатив за него самой дорогой ценой. Все эти имена сохранены в Книге Жизни.

Во времена Диоклетиана Акты мучеников и христианские книги сжигали на площадях наравне с людьми.

Диакон Гермес из Фракии, пострадавший во время диоклетиановых гонений, когда судьи потребовали у него отдать все церковные сокровища и книги, сказал: «Зачем вам книги? Если бы даже вы истребили их с лица земли, дети наши сохраняют их в памяти и напишут снова».

Хочется вспомнить еще о двух женщинах-христианках, пострадавших во время диоклетиановых гонений. Это жена императора Диоклетиана и его единственная родная дочь, которые известны как мученицы Приска (Александра) и Валерия. Они тоже пострадали в Фессалонике — там же, где, предположительно, сестры Агапия, Ирина и Хиония.

Когда Диоклетиан отошел от власти, его жену и дочь казнил восточный правитель Лициний — последний, с кем пришлось воевать Константину Великому, чтобы начать эпоху свободного исповедования Христа.

За первые три века существования раннехристианской Церкви историки насчитывают девять (а кто-то десять) гонений на христиан, хотя границы их, конечно, условны. Трудно точно проследить, когда заканчивалась одна волна

преследований и начиналась другая и в какой области Римской империи, раскинувшейся к тому времени от границ современной Британии до Персии, она достигала высоты «девятого вала».

«Душа признает Бога своим судьей, когда говорит: „Бог видит, — Богу отдаю себя на суд, и Бог мне воздаст“. Это свидетельство души, по природе — христианки! И, произнося эти слова, она взирает не на Капитолий, а на небо — там жилище Бога живого, а она знает, что она от Бога и с неба сошла на землю», — писал Тертуллиан. Он еще во II веке сделал важнейшее, может быть, до сих пор недооцененное открытие: любая человеческая душа по природе своей — христианка.

Через десять лет со времени гибели Агапии, Ирины и Хионии император Константин Великий провозгласил христианство законной религией в Римской империи.

«Мы, заботясь о благе и пользе подданных, решили предоставить как христианам, так и всем прочим гражданам полную свободу жить в той вере, в какой кто хочет и которую считает наилучшей для себя самого, чтобы высшее Божество было благорасположено к нам и ко всем, которые находятся под властью нашей, и чтобы оно могло и далее дарить всем нам Свою милость и благосклонность», — гласил Миланский эдикт, принятый в июне 313 года.

Началась новая эпоха.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Акты сцилийских мучеников.

Аврелий Августин, блж. Исповедь.
Апулей.

Метаморфозы.

Флориды.

Афинагор. Афинагора Афинянина философа христианское прошение о христианах.

Василий Великий, свт. О Святом Духе. К Амфилохию, еп. Иконийскому.

Григорий Нисский. Слово о жизни святого Григория Чудотворца.

Григорий Чудотворец (Неокесарийский), свт.

Благодарственная речь Оригену.

Двенадцать глав о вере.

К Феопомпу, о возможности и невозможности страданий для Бога.

Димитрий Ростовский, свт. Жития святых.

Дион Кассий. Римская история.

Ермий. Ермия философа осмеяние языческих философов.

Игнатий Антиохийский, сщмч. Послания.

Иероним Стридонский, блж. О знаменитых мужах.

Иоанн Златоуст. Похвала св. мученику Игнатию Богоносцу.

Иустин Философ.

Апология 1.

Апология 2.

Разговор с Трифоном Иудеем.

Киприан Карфагенский, сщмч.

О единстве Церкви.

Письмо к Калдонию Гуркулану об отлучении Фелициссима.

Письмо к мученикам и исповедникам, просящим даровать мир падшим.

Письмо к народу.

Письмо к Рагациану о дьяконе, оскорбившем епископа.

Письмо к Сукцессу о возвращении послов из Рима с известием о гонении.

Послание к Донату о благодати Божией.

Лактанций. О смерти гонителей.

Марк Минуций Феликс. Октавий.

Марциал. Книга зрелищ.

Мелитон, епископ Сардийский, свт. Речь Мелитона философа, которую он держал перед императором Антонином, чтобы научить его познанию Бога и показать ему путь истины.

Страдание святых мучеников Перпетуи, Фелицитаты, Сатура, Сатурнина, Секунда и Ревоката.

Мученичество святого Игнатия Богоносца.

Никифор Каллист. Церковная история.

Овидий. Наука любви.

Ориген.

Письмо к Григорию Чудотворцу.

Против Цельса.

Плиний Младший. Письма.

Плиний Старший. Естественная история.

Поликарп Смирнский.

Послание к филиппийцам.

Послание к Диогнету.

Тацит. Анналы.

Светоний. Жизнь двенадцати цезарей.

Сенека. Письма.

Татиан. Речь против эллинов.

Тертуллиан.

Апологетик.

К народам.

К Скапуле.

О плаще.

О свидетельстве души.

Против идолов.

Плавт. Ослы.

Феофил Антиохийский, свт. Три книги к Автолику.

Феофилакт Болгарский, блж. Толкование на Деяния и Послания Святых апостолов.

Ювенал. Сатиры.

Литература

Азимов А. Рим: от триумфа до краха Империи. М., 2009.

Альберто А. Один день в Древнем Риме. М., 2010.

Буассье Г. Падение язычества. М., 1998.

Гумилев Л. Н. Струна истории. Лекции по этнологии. М., 2012.

Дрейн Дж. Путеводитель по Новому Завету. М., 2007.

Жизнь и труды апостолов. Киево-Печерская Лавра, 2008.

Земная жизнь Пресвятой Богородицы / Сост. С. Снегирева. СПб., 1898.

- Коуэл Ф.* Древний Рим. Быт, религия, культура. М., 2006.
- Крист К.* История времен римских императоров от Августа до Константина. Ростов н/Д, 1997.
- Моммзен Т.* История Рима. Том 5. СПб., 2005.
- Муравьев А.Н.* Первые четыре века христианства. СПб., 1998.
- Реверсов И.П.* Апологеты. Защитники христианства. СПб., 2007.
- Ренан Э.*
Апостол Павел. М., 1991 (репринт).
Апостолы. М., 1991 (репринт).
- Свенцицкая И.* Изгой вечного города. М., 2006.
- Судьбы апостолов. Мифы и реальность.* М., 2006.
- Сысоев Д., свящ.* Толкование на Апокалипсис. М., 2011.
- Шмеман А., прот.* Исторический путь Православия. М., 2003.

Список иллюстраций

- С. 9. Апостол Павел. Фрагмент мозаики. Арианский баптистерий, Равенна, Италия. VI в. Репродукция: www.guicon.ru
- С. 20–21. Комната крещения апостола Павла. Дамаск, Сирия. Фотография: © Российское Библейское общество, 2001.
- С. 71. Апостол Иоанн Богослов на Патмосе. Икона. Греция, XVII в. Музей Линденау, Альтенбург, Германия. Репродукция: www.guicon.ru
- С. 100–101. Пещера Апокалипсиса, о. Патмос, Греция.
- С. 111. Священномученик Игнатий Богоносец. Фрагмент мозаики. Церковь Богородицы Паммакаристы, Константинополь, Византия. XIV в.
- С. 118–119. Пещерная церковь св. Петра в Антиохии (современная Антакия, Турция). I в. Фотография: Onur Volkan Hatem, CC Attribution-Share Alike 2.5 Generic
- С. 141. Мученик Иустин Философ. Фреска. Феофан Критский и Симеон. Монастырь Ставропигита, Афон, Греция. 1546 г.
- С. 158–159. Храм Антонина и Фаустины, Рим, Италия. Построен в 141 г. по приказу императора Антонина Пия. Фотобанк Shutterstock
- С. 165. Мученик Аполлоний Римский. Икона. Юрий Андреев. 2013 г.

- С. 170–171. Римский форум. Рим, Италия. Фотография: Carla Tavares, GNU Free Documentation License
- С. 187, оформление обложки: Мученица Перпетуя. Мозаика. Архиепископская капелла, Равенна, Италия. V в.
- С. 208–209. Римский амфитеатр в Карфагене (современный Тунис). Фотография: Valery Shanin
- С. 213. Священномученик Киприан Карфагенский. Фреска. Феофан Критский и Симеон. Монастырь Ставреникита, Афон, Греция. 1546 г.
- С. 220–221. Руины городских кварталов Карфагена (современный Тунис). Термы Антонина. II в. Фотобанк Shutterstock
- С. 243. Святитель Григорий Неокесарийский. Икона. Византия. XII в. Репродукция: www.ruicon.ru
- С. 250–251. Цезария Палестинская (современная Кесария, Израиль). Раскопки древнего города. Фотография: wikimedia.org, Caesarea Maritima, Israel
- С. 271. Мученичество святых Агапии, Ирины и Хиронии. Миниатюра. Минологий Василия II, Византия, X в. Ватиканская библиотека.
- С. 280–281. Арка Галерия, Салоники, Греция. Кон. III – нач. IV в. Фотобанк Shutterstock

Об авторе

Ольга Петровна Клюкина — писатель и сценарист, член Союза российских писателей. Круг ее тем — библейская история, опыт Православия, агиография, просвещение. Родилась в поселке Приволжский Саратовской области, после окончания Саратовского государственного университета работала журналистом, освещая темы культуры и искусства. В настоящее время живет и работает в Москве.

Автор исторического романа «Эсфирь», повестей «Огненный меч Гедеоны», «Братская победа», «Пророк Иона» и других произведений на библейские сюжеты. Автор-составитель полюбившихся читателям сборников христианских притч «Однажды...», «Жил человек», «Отцы-пустынники», «Просто верить», книги «Закон любви. Краткий современный катехизис для тех, кто хочет быть с Богом».

Обращение к Православию считает своим вторым рождением.

Об издательстве

«Живи и верь»

Для нас православное христианство — это жизнь во всей ее многообразии. Это уникальная возможность не пропустить себя, сделав маленький шаг навстречу своей душе, стать ближе к Богу. Именно для этого мы издаем книги.

В мире суеты, беготни и вечной погони за счастьем человек бредет в поисках чуда. А самое прекрасное, светлое чудо — это изменение человеческой души. От зла к добру! От бессмысленности — к Смыслу и Истине! Это и есть настоящее счастье!

Мы работаем для того, чтобы помочь вам жить по вере в многосложном современном мире, ощущая достоинство и глубину собственной жизни.

Надеемся, что наши книги принесут вам пользу и радость, помогут найти главное в своей жизни!

Приходите к нам в гости!

*Теперь наши книги по издательским ценам
в центре Москвы!*

Друзья! Теперь книги «Никеи» по издательской цене можно купить в центре Москвы. Новый магазин расположился в помещении издательства около Арбата. Вы можете приходить и выбирать книги, держать их в руках, рассматривать, можете сесть в кресло и почитать. В магазине представлен полный ассортимент книг издательства: прикладная, детская и религиозная литература.

+7 (495) 510-84-12 (магазин)

+7 (495) 600-35-10 (издательство)

Адрес: Сивцев Вражек, 21, домофон 27к

График работы: пн.– чт. 10:00–18:00

Присоединяйтесь к нам в социальных сетях!

Интересные события, участие в жизни издательства, возможность личного общения, новые друзья!

Художественная и религиозная литература

 facebook.com/nikeabooks

 vk.com/nikeabooks

Детская и семейная литература

 facebook.com/nikeafamily

 vk.com/nikeafamily

Мы рекомендуем

В этой же серии готовится к выходу новая книга

Ольга Клюкина

**Святые в истории. Жития святых в новом формате.
IV–VII века**

После прекращения гонений на христианство в начале IV века Церковь оказалась в новых исторических условиях и была вынуждена отвечать на вызовы времени. Этот период известен как эпоха Вселенских Соборов, когда под натиском разнообразных ересей выкристаллизовывалось христианское вероучение, формулировались догматы и отстаивалась чистота веры. Получив официальный статус, Церковь должна была выстраивать взаимоотношения с государством, и политические деятели порой играли в церковной истории не меньшую роль, чем религиозные. Завершение эпохи мучеников поставило вопрос о путях к святости. Когда для того, чтобы быть христианином, уже не требовалось пожертвовать жизнью, монашество стало формой бескровного мученичества. Богатые всходы принесла в этот период и христианизация варварских народов, давших Вселенской Церкви немало самообытных святых.

Героями второй книги серии «Святые в истории» стали:

Равноапостольный император Константин Великий

Преподобный Антоний Великий

Преподобная Эмилия Кесарийская (Каппадокийская)

Святитель Иоанн Златоуст

Блаженный Августин

Преподобный Бенедикт Нурсийский

Святитель Григорий Двоеслов

Преподобный Максим Исповедник

Преподобная Одри Элийская

Где купить наши книги

Вы можете приобрести наши книги по издательским ценам на сайте www.nikeabooks.ru и в самом издательстве, заглянув к нам в офис по адресу: Москва, пер. Сивцев Вражек, д. 21.

В розницу наши книги можно купить в магазинах Москвы и других городов России:

Москва

Партнерские магазины «Символик»

тел.: 8-980-362-64-49, 8-980-362-67-34

«Библио-Глобус»

ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 1, тел.: (495) 781-19-00

ТДК «Москва»

ул. Тверская, д. 8, стр. 1, тел.: (495) 629-64-83

«Сретение»

ул. Большая Лубянка, д. 19, тел.: (495) 623-80-46

«Православное слово на Пятницкой»

ул. Пятницкая, д. 51/14, стр. 1, тел.: (495) 951-51-84

Primus versus

ул. Покровка, д. 27, стр. 1, тел.: (495) 223-58-20

Сеть книжных магазинов «Новый книжный»

тел.: 8-800-444-8-444

«Московский Дом Книги», тел.: (495) 789-35-91

«Молодая гвардия»

ул. Большая Полянка, д. 28, тел.: (499) 238-50-01

Санкт-Петербург

Партнерский магазин «Символик»

ул. Камская, д. 9,

тел.: (812) 982-68-26, +7-905-222-68-26

«Слово»

ул. Малая Конюшенная, д. 9, тел.: (812) 571-20-75
Сеть книжных магазинов «Буквоед»
тел.: (812) 601-0-601

Екатеринбург

Сеть книжных магазинов «Дом Книги»
тел.: (343) 253-50-10

Киев

Партнерский магазин «Символик»
Площадь Славы, ТЦ «Навигатор», пав. 38 з
тел.: (096) 320-36-78

Сергиев Посад

Партнерский магазин «Символик»
ул. 1-й Ударной Армии, д. 4а, тел.: +7-968-832-00-67

Интернет-магазины:**Россия**

«Лабиринт»	www.labirint.ru
«Озон»	www.ozon.ru
«Сретение»	www.sretenie.com
«Зерна»	www.zyorna.ru
«Благочестие»	www.blagochestie.ru
«Риза»	www.zlatoriza.ru

Украина

Quo vadis	www.quo-vadis.com.ua

Наши электронные книги:

www.litres.ru
www.ozon.ru
www.wexler.ru

Для покупки книг оптом необходимо обратиться
в отдел продаж издательства «Никея»:
тел.: (495) 600-35-10;
www.knigosvod.ru, sales@nikeabooks.ru

МИЛОСЕРДИЕ

ПРАВОСЛАВНАЯ СЛУЖБА ПОМОЩИ

Помочь может каждый!

Служба помощи «Милосердие» действует по благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и объединяет 23 социальных проекта и 2 благотворительные программы.

Служба «Милосердие» помогает детям, инвалидам, одиноким старикам, людям, оказавшимся в кризисной жизненной ситуации. Количество наших подопечных постоянно растет, в 2013 году служба помогла более чем 42 000 нуждающихся.

Деятельность службы «Милосердие» более чем на 70% осуществляется на пожертвования частных лиц.

Вы тоже можете помочь нашим подопечным, став Другом милосердия.

Узнайте подробности на сайте

www.друзьямилосердия.рф

Понемногу от многих — это спасает жизни!

*Рекомендовано к публикации Издательским советом
Русской Православной Церкви ИС 13-315-2182*

Научно-популярное издание

Клюкина Ольга Петровна

СВЯТЫЕ В ИСТОРИИ

Жития святых в новом формате

I–III века

Научный редактор *Евгений Макаров*

Литературный редактор *Виктория Затолокина*

Дизайнер *Анастасия Новик*

Верстка *Никиты Власкина*

Корректоры *Елена Степанова, Алла Артамонова*

Подписано в печать 04.03.2014. Формат 75×90 ¹/₃₂

Бумага офс. Гарнитура «PT Serif».

Печ.л. 9,5. Тираж 10 000 экз. Заказ № 35368.

Издательство «Никея»

119002, Москва, пер. Сивцев Вражек, д. 21;

www.nikeabooks.ru

Издательский отдел:

Тел.: (499) 241-97-45; info@nikeabooks.ru

Оптовый отдел продаж:

Тел.: (495) 600-35-10; sales@nikeabooks.ru

www.knigosvod.ru

Адреса розничных магазинов см. на с. 301-302

ISBN 978-5-91761-304-8

Отпечатано в соответствии с качеством

предоставленных издательством

электронных носителей

в ОАО «Саратовский полиграфкомбинат».

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59.

www.sarpk.ru

Серия «Святые в истории» —
современный рассказ о тех, кто
определил историю христианства.
Первая книга охватывает период
гонений I–III веков.

*«Ценность книги в первую
очередь в „раскрашивании“
житий, в возвращении им яркой
индивидуальности. И сделано это
без ненужных придыханий, но
с подлинной любовью. А там, где
потрудились терпение и любовь,
жди откровений...»*

Дмитрий Менделеев,
автор и ведущий программы
«Библейский сюжет»

никея **о вере**
открывая мир православия

www.nikeabooks.ru

ISBN 978-5-91761-304-8

9 785917 613048